

**Учреждение Российской академии образования
«Психологический институт»**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ И АКМЕ

Материалы XV симпозиума

Под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой

Москва, 2010

Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XV симпозиума / Под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой. – М.: УРАО «Психологический институт», 2010.

В сборнике представлены материалы, которые отражают содержание докладов и сообщений на XV симпозиуме, проведенном в УРАО «Психологический институт» в 2010 году. Рассмотрены общепсихологические, философские, религиозные, профессиональные, возрастные, культурологические, литературоведческие проблемы смысла жизни и акме, а также проблемы смысла жизни и здоровья человека. Авторы – учёные, преподаватели вузов, учителя и мастера производственного обучения, работники научных центров России, Беларуси, Украины. В последнем разделе сборника отражены материалы докладов и сообщений, представленные на юношеской секции, впервые организованной в рамках симпозиума. Представленные материалы будут интересны философам, психологам, педагогам и широкому кругу читателей.

© Учреждение Российской Академии образования
«Психологический институт», 2010

Содержание

Предисловие	8
Раздел 1. Общепсихологические, социологические, философские и религиозные проблемы смысла жизни и акме	13
Рефлексия как фактор становления смысложизненных ориентаций <i>В.Э. Чудновский, г. Москва</i>	13
Об особенностях взаимосвязи профессионализма человека с его долголетием <i>А.А. Бодалев, г. Москва</i>	19
Вопросы смысла жизни в трудах С.Л. Рубинштейна <i>Н.Л. Карпова, г. Москва</i>	21
Духовность – аттрактор акме-развития <i>Т.А. Полозова, г. Москва</i>	24
Нахождение россияем смысла жизни как средство демографической реабилитации <i>И.А. Гундаров, г. Москва</i>	27
Рефлексивность смысловой сферы индивидуальности учащихся в социокультурном образовательном пространстве <i>И.Н. Семенов, г. Москва</i>	31
Смысл жизни и смыслообразующая активность человека <i>Н.И. Нелюбин, г. Омск</i>	33
Смысловая природа человеческой психики <i>С.Г. Бутолин, г. Ижевск</i>	36
О детерминистской природе человеческого смысла <i>О.В. Соловьев, г. Луганск, Украина</i>	37
Взаимосвязь смысложизненного кризиса и нереалистичной перспективы будущего <i>К.В. Карпинский, г. Гродно</i>	39
Смысл жизни как источник счастья сегодня и в будущем <i>В.И. Меренков, г. Москва</i>	43
Духовный мир личности и виртуальная реальность <i>В.С. Писчиков, М.М. Холин, г. Кривой Рог, Украина</i>	45
Аутомортальная тревожность как фактор смысла жизни <i>Т.А. Гаврилова, г. Уссурийск</i>	46
Духовная личность и смысл ее жизни <i>Н.В. Борисова, г. Москва</i>	49
Личностные смыслы как следствие психологических особенностей людей <i>Л.Б. Волынская, г. Москва</i>	51
Античный силлогизм в определении смысла жизни: Платон «Федон» <i>М.В. Карданова, г. Москва</i>	52
Мировоззрение и поведение человека <i>А.Ю. Крылов, г. Москва</i>	54
Смысл жизни, совесть и устойчивость личности <i>О.В. Копьёв, п. Менделеево, Московская обл.</i>	55
Экзистенция, личность, культура <i>Е.В. Завгородняя, г. Киев, Украина</i>	58
Проявление существенных для учёного смыслов в понятийной конкретизации человековедческих категорий <i>Г.А. Балл, г. Киев, Украина</i>	60
Поликультурность личности как интегративное свойство смысложизненной ориентации <i>Д.С. Батарчук, г. Астрахань</i>	62
Теоретическая модель психологической компетентности личности <i>Н.В. Остапчук, А.А. Печеркина, г. Екатеринбург</i>	64
Смысл и потребностно-мотивационная сфера личности	

<i>М.С. Чернакова, г. Москва</i>	66
Оценочная деятельность личности как осмысленное мышление	
<i>В.В. Сутужко, г. Саратов</i>	67
Линии развития ценностно-смысловой сферы личности в онтогенезе и связанные с ними критерии степени ее сформированности	
<i>Н.Н. Ивков, г. Москва</i>	69
Экзистенциальные внутриличностные конфликты: онтологический аспект	
<i>И.А. Красильников, г. Саратов</i>	71
Смысл и суггестия	
<i>Т.А. Росийчук, г. Харьков, Украина</i>	73
Продуктивность акмеологического развития личности	
<i>О.В. Москаленко, г. Москва</i>	75
Переосмысление жизни в процессе духовного развития личности	
<i>Т.И. Пашукова, г. Москва</i>	77
Раздел 2. Смысл жизни, акме и профессиональная деятельность	80
Философские и психологические аспекты смысла жизни и духовности в личностно-профессиональном развитии человека	
<i>Л.М. Митина, г. Москва</i>	80
Профессиональная востребованность личности в контексте смысложизненных проблем профессиональной деятельности	
<i>Е.В. Харитонова, г. Краснодар</i>	81
Ценностные основания выбора стратегий саморазвития в профессии	
<i>С.А. Минюрова, г. Екатеринбург</i>	83
Смысложизненные ориентации врача экстренной медицины	
<i>Г.В. Дорохова, г. Краснодар</i>	85
Эмоциональный интеллект в системе акмеологических ресурсов субъекта социномических профессий	
<i>Е.В. Ерохина, г. Краснодар</i>	87
Смысложизненные ориентации руководителей образовательных учреждений	
<i>М.Г. Селюч, г. Благовещенск</i>	89
Особенности жизненных ценностей учителей и мастеров производственного обучения	
<i>З.В. Гольшева, г. Москва</i>	94
От замысла школы к смыслу ученичества и учительства в школе	
<i>В.Ф. Литовский, г. Киев, Украина</i>	96
Проблемы психического здоровья учителя в современной образовательной среде и перспективы психологической помощи	
<i>Н.И. Медведева, г. Ставрополь</i>	98
Профессиональный имидж как атрибут акме психолога-консультанта	
<i>О.О. Елисеева, г. Москва</i>	99
Ценностное отношение в структуре личностно-профессиональной позиции педагогов дошкольного образования	
<i>Н.П. Мальтеникова, г. Челябинск</i>	101
Эмпатия в системе субъектных ценностей педагога специализированного образовательного учреждения	
<i>З.И. Цику, г. Краснодар</i>	103
К вопросу об ответственности спортсменов	
<i>А.Р. Кирпиков, г. Ижевск</i>	105
Экстремальные ситуации как условие проверки качества жизненных целей человека и мощности его волевых проявлений	
<i>К.Р. Сидоров, г. Ижевск</i>	107
Раздел 3. Смысл жизни, акме, возраст и семейные традиции	109
Главное впереди	

<i>Е.Д. Яхнин, г. Москва</i>	109
О смысле жизни ветеранов великой отечественной войны	
<i>Г.А Вайзер, З.В. Голышева, г. Москва</i>	111
Смыслжизненный аспект интеллектуальной пассивности младшего школьника	
<i>С.В. Назарова, г. Егорьевск, Московская обл.</i>	117
Работа с воспитанниками начальных классов в школе-интернате для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	
<i>Е.В. Шаповалова, г. Москва</i>	120
Возраст поиска смысла	
<i>А.К. Осницкий, г. Москва</i>	121
Я-экзистенциальное в Я-концепции подростка	
<i>Т.А. Попова, г. Москва</i>	130
Возрастные особенности становления у школьников представлений о смысле жизни (в процессе изучения биологии)	
<i>Т.Д. Пускаева, г. Москва</i>	133
Проблема смысла жизни и духовно-нравственное развитие учащихся в условиях современного образования (развивающие программы и методы диагностики)	
<i>А.А. Логинова, Т.А. Попова, г. Москва</i>	134
Представления о счастье подростков как элемент ценности осмысленной жизни	
<i>Т.И. Шульга, г. Москва</i>	136
Красота – маяк на пути поиска смысла жизни	
<i>А.А. Логинова, г. Москва</i>	139
Сформированность смысложизненных ориентаций как фактор устойчивости внутренней позиции старшеклассника	
<i>О.В. Копьёв, г. Москва</i>	141
Смыслжизненные ориентации и особенности их становление в юношеском возрасте	
<i>М.А. Чулкова, г. Челябинск</i>	143
Профессиональное самоопределение старшеклассников и акме	
<i>И.М. Бибичкова-Павлова, г. Москва</i>	148
Исследование взаимосвязи смысложизненных ориентаций и профессиональных предпочтений в старшем школьном возрасте	
<i>Е.А. Орлова, Т.Н. Трилесская, г. Москва</i>	151
Трансформационные процессы социализации школьников	
<i>Е.В. Шингель, г. Минск, Беларусь</i>	152
Смыслжизненные ориентации и нравственное развитие обучающихся колледжа	
<i>И.В. Литвиненко, г. Москва</i>	154
Смыслжизненные ориентации учащихся колледжа	
<i>Н.В. Божьева, г. Москва</i>	155
Влияние рекламы на смысложизненные ориентации обучающихся	
<i>Н.Н. Серафимова, г. Москва</i>	156
Роль ценностных ориентаций в структуре "образа Я" будущего учителя	
<i>Т.А. Разговорова, г. Сыктывкар</i>	158
Семантический инвариант деятельности в системе «Человек-Мир»	
<i>Р.М. Кумышева, г. Нальчик</i>	160
Личностно-смысловая и регуляторная составляющие тренинга психологической готовности к обучению в ВУЗе	
<i>О.Д. Черкасова, г. Москва</i>	162
Изучение представлений о смысле жизни у курсантов высшего военного училища	
<i>Г.А. Вайзер, г. Москва, Т.В. Незнаева, г. Челябинск</i>	164
Смыслжизненные ориентации и психобиографические характеристики жизненной реализованности	
<i>А.Н. Большакова, г. Харьков, Украина</i>	168

Смысл жизни как фактор эффективности самореализации человека <i>Е.В. Селезнева, г. Москва</i>	170
Акмеологический ресурс разнонаправленного профессионального образования <i>А.М. Кондратьева, г. Краснодар</i>	172
Динамика психофизиологической адаптации студентов: от абитуриента к выпускнику <i>Г.О. Самсонова, Ю.Л. Вeneвцева, А.Х. Мельников, А.А. Саулин, г. Тула</i>	174
Идентичность юношества: множественность позиций и расширение границ <i>Г.В. Вержибок, г. Минск, Беларусь</i>	175
Смыслообразующие мотивы в мотивационном пространстве высшего психологического образования <i>Т.И. Лях, М.В. Лях, г. Тула</i>	177
Выбор жизненного стиля в зависимости от типа субъективного понимания личности <i>В.В. Луцкович, г. Минск, Беларусь</i>	179
Гуманизация образования и профессиональная идентичность <i>Г.И. Гавриленко, г. Бобруйск, Беларусь</i>	184
Особенности Я-концепции студентов с разным уровнем осмысленности жизни <i>Т.В. Шрейбер, г. Ижевск</i>	186
Особенности ценностных ориентаций юношей и девушек <i>Я.С. Сунцова, г. Ижевск</i>	189
Семья как хранитель и социальный транслятор нравственных ценностей <i>Б.А. Ясько, г. Краснодар</i>	190
Факторы формирования профессиональных династий <i>М.С. Тиханова, В.Ю. Тяхт, г. Обнинск</i>	192
Особенности влияния смысложизненных ориентаций и жизнестойкости на социально-психологическую адаптацию в пожилом возрасте <i>Е.В. Акудович, г. Брест, Беларусь</i>	194
Психологические проблемы смысла жизни в старости <i>Я.Л. Коломинский, О.В. Белановская, г. Минск, Беларусь</i>	196
Половозрастные особенности смысложизненных ориентаций в поздней взрослости <i>Е.В. Камнева, г. Москва</i>	198
Раздел 4. Смысл жизни, акме и здоровье человека	201
Смысл жизни в зеркале социальной ортобиотики <i>Е.А. Петрова, г. Москва</i>	201
Социально-психологическое и акмеологическое сопровождение инвалидов <i>Н.Т. Колесник, г. Москва</i>	204
Особенности самоактуализации личности как независимого дополнительного фактора риска инфаркта миокарда <i>В.И. Шаробаро, А.И. Бахарева, Ю.В. Женчевская, г. Смоленск</i>	206
Сравнительные особенности самоактуализации личности у больных инфарктом миокарда и нестабильной стенокардией <i>Т.М. Иванова, В.И. Шаробаро, Ю.В. Женчевская, г. Смоленск</i>	210
Ценностные ориентации, поведенческие паттерны и социальные позиции больных, предшествующие развитию инфаркта миокарда <i>В.И. Шаробаро, А.И. Бахарева, Ю.В. Женчевская, г. Смоленск</i>	214
Ценностные ориентации у пациентов с ишемической болезнью сердца и их связь с клиническими особенностями и ее факторами риска при нестабильной стенокардии <i>Т.М. Иванова, В.И. Шаробаро, г. Смоленск</i>	215
Социально – психологические особенности пациентов, предшествующие инфаркту миокарда, с различными триггерными факторами возникновения заболевания <i>А.И. Бахарева, В.И. Шаробаро, Ю.В. Женчевская, г. Смоленск</i>	216

Факторы риска развития ишемической болезни сердца, встречающиеся в молодом возрасте, у больных с нестабильной стенокардией, их клинические и психологические особенности <i>Т.М. Иванова, В.И. Шаробаро, г. Смоленск</i>	217
Раздел 5. Культурологические и литературоведческие проблемы смысла жизни и акме	219
Поэты и время их <i>А.Л. Киселев, г. Москва</i>	219
Метафоры смысла жизни в творчестве Дино Буццати <i>А.Ю. Гавриленко, г. Москва</i>	225
Исследование структуры смыслообразующих представлений об индивидуальных характеристиках другого человека в контексте культуры <i>С.В. Ушнев, Н.Е. Аймаутова, г. Москва</i>	227
Становление смысложизненных ориентаций у учащихся в процессе изучения исповедальной литературы. <i>О.В. Янчукович, г. Минск, Беларусь</i>	228
Раздел 6. Смысловое пространство моей жизни. (Доклады юношеской секции симпозиума)	230
Трансформация жизненных целей и личностных смыслов при переходе из школы в институт <i>М. Алтухова, студентка 1 курса МГУП, г. Москва</i>	230
Смысл жизни и мои чувства <i>Н. Свиридова, ученица 10 класса, г. Дзержинский, Московская обл.</i>	232
Существует ли судьба? <i>Ю. Ступникова, ученица 9 класса, г. Дзержинский, Московская обл.</i>	233
Существует ли судьба? <i>Д. Алябьева, ученица 9 класса, г. Дзержинский, Московская обл.</i>	234
Смысл жизни - он один или их много? <i>А. Перепеченко, ученица 9 класса г. Дзержинский, Московская обл.</i>	237
Любовь и смысл жизни <i>С. Овчинникова, ученица 10 класса, г. Дзержинский, Московская обл.</i>	238
Что такое осмысленность жизни? <i>Т. Окулова, ученица 11 класса, г. Дзержинский, Московская обл.</i>	239
Кто Я? <i>М. Андросов, ученик 10 класса, г. Дзержинский, Московская обл.</i>	240
Граффити и его место в смысловом пространстве жизни <i>А. Киселёв, ученик 10 класса, п. Менделеево, Московская обл.</i>	242
Глобальная сеть Интернет в моём смысловом пространстве <i>Е. Лукин, ученик 10 класса, п. Менделеево, Московская обл.</i>	244
Смысловое пространство личности <i>Буторин П., Буторина М., ученики 10 класса, п. Менделеево, Московская обл.</i>	246
Суд совести – с заключением и без: Раскольников и Нехлюдов <i>Г. Андрианова, ученица 11 класса, п. Менделеево, Московская обл.</i>	248
Поэзия – помощник в постижении смысла жизни <i>В. Дринкова, ученица 11 класса, п. Менделеево, Московская обл.</i>	249
Совесть: надёжный компас в мире поступков <i>Р. Рохманов, А. Лупеко, ученики 11 класса, п. Менделеево, Московская обл.</i>	252
Смысловой underground <i>Н. Глазунов, ученик 9 класса, п. Менделеево, Московская обл.</i>	253
Лёгкий способ бросить жить – смыслы-эрзацы <i>В. Малахов, ученик 9 класса, п. Менделеево, Московская обл.</i>	254

Предисловие

Вниманию читателей предлагается сборник материалов Юбилейного XV симпозиума «Психологические проблемы смысла жизни и акме». К началу работы симпозиума была выпущена брошюра: Вайзер Г.А., Чудновский В.Э. Смысл жизни и акме: 15 лет поиска / Г.А. Вайзер, В.Э. Чудновский. – М.; Обнинск: ИГ-Социн, 2010. В ней обобщены результаты работы I–XIV симпозиумов и намечены перспективные направления исследовательской деятельности, которые обсуждались на XV симпозиуме. Рассмотрим некоторые положения, сформулированные авторами.

Представленный в брошюре краткий обзор содержания симпозиумов свидетельствует, как велик диапазон обсуждавшихся на его заседаниях проблема смысла жизни человека и достижения им вершины своего индивидуального и личностного развития.

Работа симпозиума проходила на рубеже XX–XXI веков, второго и третьего тысячелетий. Это – период острых социальных катаклизмов, которые делают еще более актуальным вопрос: существует ли выход из той «исторической ловушки», в которую попало человечество: идти вверх по лестнице, ведущей вниз, отдавая плоды своего развития на «алтарь» самоуничтожения? Думается, одним из положительных итогов работы симпозиума является тот факт, что мы сегодня с большим основанием можем утвердительно ответить на этот вопрос: мы больше, чем прежде, знаем о смысле жизни как психологическом феномене, имеющем свою специфику возникновения, свои этапы становления, мы добились определенных результатов в экспериментальном изучении смысла жизни как психологического образования, мы получили реальные доказательства того, что смысл жизни имеет свой «коэффициент полезного действия».

Представляет интерес обсуждавшийся в рамках симпозиума подход к изучению смысла жизни с позиций анизотропной концепции (предложенной в свое время А.И. Миракьяном): смысл жизни как субстанциональное начало, **источник** жизни, который должен быть во мне самом и в каждом из нас, чтобы было возможно существование (самоосуществление) жизни как формы бытия. Смысл жизни как органическое единство двух аспектов: смысл жизни как «психический **продукт**» и как **процесс** его становления.

Один из выводов, который выкристаллизовался в рамках работы симпозиума: человек имеет право говорить и о том, что превышает его самого в данное мгновение бытия. Смысл жизни необходимо рассматривать в **системе** координат, необходимо удерживать не только «горизонтальные», но и «вертикальные» измерения. Как писал в свое время Е. Трубецкой, во всякой жизни есть неизбежное скрещение этих двух дорог и направлений: этого стремления вверх и стремления прямо перед собой в горизонтальной плоскости. Значительное место в работе симпозиума было уделено методологической проблеме научного и религиозного понимания смысла жизни.

Один из итогов работы симпозиума – обоснование положения о том, что в современных условиях особенно актуальным является наведение «моста» между наукой и религией, понимание того, что это лишь разные способы познания человеком одного и того же – своего предназначения в мире, осознания смысла своего существования. Однако слишком велика инертность многовекового противопоставления науки и религии, и многое нужно сделать, чтобы этот «мост» заработал на полную мощность. По-видимому, это одна из острых и актуальных проблем будущей работы симпозиума.

В рамках работы симпозиума был подобран, адаптирован и апробирован комплекс исследовательских методик, результаты использования которых докладывались на заседаниях. Используемые методики можно разделить на две группы: 1. Методики, специально разработанные для исследования феномена смысла жизни. 2. Группа методик, не направленных непосредственно на изучение смысложизненных ориентаций, но дающих весьма ценную информацию, дополняющую, обогащающую, а иногда и корректирующую результаты, полученные по методикам первой группы.

На симпозиумах в ходе рассмотрения общепсихологических и социально-психологических аспектов проблемы смысла жизни и акме широко обсуждались актуальные

вопросы: «В рамках каких психологических теорий целесообразно рассматривать проблему смысла жизни?» «Что такое смысл жизни как психологический феномен?» «Какова его структура?» «Какова роль смысла жизни в развитии личности и движении человека к своему акме?» Значительное число докладов было посвящено психологическому анализу феноменологии, механизмов и закономерностей поиска, обретения и осуществления личностью смысла жизни, изучению последствий смысложизненных кризисов в личностном развитии человека.

Исследования показали, что смысл жизни – не просто определенная идея, ценность, содержащая цель жизни, как традиционно считалось, а особое психическое образование, которое, приобретая относительную устойчивость и эмансипированность от породивших ее условий, может существенно влиять на жизнь человека, на его судьбу, действовать как «буферный механизм», как система «сдержек и противовесов», не допускающих одностороннего подчинения внешнему и, вместе с тем, препятствующих превращению человека в раба собственных потребностей, влечений, сиюминутных интересов.

В рамках работы симпозиумов были выявлены и проанализированы фундаментальные психологические характеристики этого феномена (амбивалентность, адекватность, интегративный аспект смысла жизни). Рассмотрены некоторые типы структур смысложизненных ориентаций. Показано, что структурную основу смысла жизни составляет иерархия смыслов, соотношение «больших» и «малых» смыслов. Особенности структурной иерархии обуславливают не только формально-динамическую, но во многом содержательную характеристику данного феномена: становление и функционирование смысла жизни как психологического феномена определяется не только содержанием «главного» смысла, но и характером его соотношения с другими жизненными смыслами. Описаны некоторые иерархические структуры смысложизненных ориентаций (СЖО), среди них: «конгломерат» жизненных смыслов, «монолитная», «двухполюсная» и гармоническая структуры. Выявлены особенности формирования «ложного» смысла жизни, основу которого составляет внутренний конфликт «вертикального» и «горизонтального» измерений.

Существенное место в работе симпозиумов занимало рассмотрение соотношения феноменов смысла жизни и акме – вершины, которые достигает человек в сферах физического, социального, нравственного, профессионального, ментального развития. Достаточно полно было проанализировано соотношение понятий «акме» и «самоактуализация личности», «большое акме» и «микроакме». Показано, что достижение человеком большого акме не является завершением процессов развития, а переходом к новой фазе жизненного пути. Вместе с тем, как показали исследования, соотношение между смысложизненными ориентациями и акме не является линейным, однозначным. Его результаты существенно определяются характером иерархической структуры и содержанием «главного смысла» этой иерархии. «Монолитная» структура смысла жизни ограничивает возможности достижения акме, способствует становлению личности конформной, податливой внешним ситуационным воздействиям.

Участники симпозиумов особое внимание уделили проблеме «Смысл жизни, акме и развитие личности». Кроме того, проведён анализ соотношения категорий «смысл жизни» и «акме» с понятиями «цель жизни», «воля к жизни», «счастье», «человечность», «творчество», «идентичность личности», «имидж» и др.

В исследованиях по проблеме «Смысл жизни, акме и возраст» было показано, что процесс формирования и преобразования СЖО является «сквозным», он как бы «прочерчивает» всю жизнь человека от рождения до глубокой старости, вступая в сложное взаимодействие с возрастными особенностями и средовыми факторами жизни человека. Участники симпозиума представили результаты экспериментов, посвященных изучению личностного потенциала смысла жизни в дошкольном и младшем школьном возрасте, проблемам становления СЖО в период подростничества и юношества, оптимизации структуры смысла жизни в среднем возрасте, поддержания смысла жизни пожилыми людьми. Также прослежены изменения в представлениях об акме, зависящие от возраста

человека, предпринята попытка объективировать степень сопряжения содержания, вкладываемого людьми разных возрастных групп в понятие смысла жизни, и трактовку ими вершины, на которые обязан подняться человек в своем личностном и профессиональном развитии.

Традиционно проблема смысла жизни обсуждалась как общетеоретическая, общефилософская, затрагивающая наиболее фундаментальные вопросы судьбы человека и человечества, их предназначения на Земле. За годы работы симпозиума получен большой материал, свидетельствующий о том, что сегодня данная проблема перестает быть предметом лишь абстрактных рассуждений и все более приобретает сугубо практическую направленность. Одно из направлений этой работы – проблема соотношения между смысложизненными ориентациями и профессиональной деятельностью человека. Рассмотрены особенности полипотребностной структуры, профессиональной деятельности, когда она становится основной жизненной ценностью человека (смыслом жизни).

Определённым итогом работы симпозиума является подготовленное и опубликованное группой его участников учебное пособие для студентов педвузов «Смысл жизни, акме и профессиональное становление педагога». Авторы видят свою главную задачу в том, чтобы обосновать более широкий, по сравнению с традиционным, взгляд на роль учителя, которая не сводится к обязанности передавать учащимся знания и добиваться их усвоения: процесс образования должен подготавливать благоприятную «психологическую почву», на которой впоследствии должны происходить поиск и обретение оптимального, индивидуального для каждого человека, смысла жизни.

Профессия учителя предполагает «проекцию» результатов текущего кропотливого труда в отдаленное будущее. Лишь в этом случае выступает подлинный смысл его труда. Можно сказать, что педагогическая профессия – самая «смыслообразующая»: в ней неразрывно связаны сегодняшний смысл жизни учителя и смысл будущей жизни его воспитанников. Авторы обосновывают тезис о том, что недооценка роли учителя в решении актуальных задач социального развития дорого обходится обществу и государству.

В рамках работы симпозиума был сделан дальнейший шаг в развитии личностного исхода к проблеме социореабилитации – сделан акцент на наиболее существенной, наиболее фундаментальной характеристике личности – ее смысложизненных ориентациях. В исследованиях рассмотрены основные принципы социореабилитационного процесса, все этапы и стадии которого как бы пронизаны заботой психотерапевта о возрождении, преобразовании смысложизненных ориентаций пациента, стремлением дать ему удовлетворяющую его жизненную перспективу, в результате чего преобразуется вся мотивационно-потребностная сфера человека.

Традиционно на симпозиумах обсуждались культуроведческие и литературоведческие аспекты проблемы смысла жизни, акме. В ряде докладов, посвященных творчеству А.С. Пушкина, показано, что круг жизни великого поэта предстает читателю не только своей биографической полнотой (благодаря пушкиниане), но и «средоточением всякого жизненного смысла». Выдающиеся русские писатели немыслимы вне пространства пушкинского художественного мира, его целительного влияния. Участники симпозиумов обратились также к творчеству Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М.М. Пришвина, Н.В. Гоголя, В. Хлебникова, Н.С. Гумилева, А. Блока, А.П. Гайдара. В рамках работы симпозиумов рассмотрена роль искусства как способа эстетического освоения мира. Через замыслы и переживания художника искусство передает во внешний мир ориентиры, критерии направленности морально-духовного совершенствования человека. Более полно материалы I–XIV симпозиумов представлены в следующих публикациях и электронных сборниках. Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни: (Материалы I–II симп.). М.: Психологический ин-т РАО, 1997. Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни (Материалы III–IV симпозиумов). Психологический институт Российской Академии Образования. М.: "Ось-89", 2001. Современные проблемы смысла жизни и акме. Материалы VI–VII симпозиумов. Москва-Самара: Изд-во "НТЦ", 2002.

Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. В 2 ч. Материалы VIII-X симпозиумов. Под ред. А.А. Бодалёва, Г.А. Вайзер, Н.Л. Карповой, В.Э. Чудновского. М.: Смысл, 2004. Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. Материалы VIII-X симпозиумов. Часть 3 / Ред.кол. А.А. Бодалев, А.А. Деркач, М.Ф. Секач и др. - М.: Изд-во РАГС, 2005. - 228 с. Смысл жизни, акме и профессиональное становление педагога: учебное пособие для студентов педагогических вузов /Под ред. В. Э. Чудновского. - М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2008.

Электронные сборники материалов симпозиумов: 11 симпозиум – <http://www.smysl-simp11.narod.ru/iisimpoz.html>; 12 и 14 симпозиумы – <http://www.pirao.ru/ru/scilife/izdania/>; 13 симпозиум – <http://www.pirao.ru/ru/scilife/mpirao/>.

Сборник материалов Юбилейного XV симпозиума «Психологические проблемы смысла жизни и акме» содержит 6 разделов.

В **первом** разделе рассматриваются общепсихологические, социологические, философские и религиозные проблемы смысла жизни и акме. Этот раздел традиционно открывается статьями руководителей симпозиума В.Э. Чудновского и А.А. Бодалева.

Основная цель работы В.Э. Чудновского – рассмотреть рефлексия как фактор становления смысложизненных ориентаций. Рефлексия является необходимым мотивирующим компонентом процесса развития. В докладе показано, что имеет место тесное взаимодействие субъекта и его рефлексивного образа: субъект является как бы «архитектором» своего рефлексивного образа, который в свою очередь существенно обуславливает процесс становления его личности. Существует единая линия становления рефлексии как фактора психического и личностного развития – от рефлексивного отношения к освоению способа решения арифметических задач в два действия, до познания человеком процесса поиска и обретения смысла собственной жизни. По мнению автора, актуальным является теоретическое и экспериментальное рассмотрение основных тенденций, этапов, «шагов», единой линии становления рефлексии в процессе онтогенеза.

А.А. Бодалев сформулировал теоретически и практически значимый вопрос, на который должна ответить акмеология: почему некоторые люди, дожив до глубокой старости, даже в условиях обычной городской среды, сохраняют ярко выраженные потребность и способность не только активно трудиться, но и вносить своими деяниями творчески оригинальные вклады в сокровищницу основных ценностей жизни и культуры? В докладе выделены особенности взаимосвязи профессионализма человека с его долголетием. Направленностью своих потенций на свершение деяний, отвечающих их эталонам, несовместимым с корыстолюбием, предательством, завистью и ненавистью, долгожителитворцы сами, не думая об этом, оказывались ориентирами при выстраивании своей жизнедеятельности для тех, кто хотел бы, проходя свой жизненный путь, подольше быть создателем, а не потребителем.

В сборнике представлены статьи с анализом трудов философов и психологов: Сократа, С.Л. Рубинштейна, И.А. Ильина. Для анализа личностных смыслов авторы обратилась к религиозным источникам, в которых содержатся наиболее архетипические образы природы человека. Выделены особенности зрелой и незрелой религиозности человека. Авторы рассматривают также проблемы смыслообразования и смыслообретения, анализируют роль информационных процессов в человеческом мозге в раскрытии представлений о способе существования смысла, характеризуют наметившуюся тенденцию формирования нового типа личности – «виртуализированной личности» с соответствующим ей образом окружающего мира. Выделена аутомортальная тревожность (АМТ), связанная с осознанием человеком факта неизбежной конечности личного существования. Поставлен вопрос: каковы различия в смыслах жизни, основанных на вытеснении АМТ и её принятии. В русле акмеологии рассмотрены проблемы духовности и продуктивности развития личности. Ряд статей посвящен рассмотрению соотношения категорий «смысл жизни» и «акме» с такими понятиями, как «поликультурность личности», «суггестия», «счастье», «экзистенция» и др. Изучая негативные явления в современном обществе, авторы

анализируют смысложизненные кризисы, преодоление которых является, в частности, одним из путей демографической реабилитации.

Второй раздел отражает результаты исследований смысла жизни и акме в контексте профессиональной деятельности. Обосновывается положение: духовность, духовное начало в человеке, осмысленность своего бытия определяет уровень его профессионального развития. В качестве мощного ресурса осмысленности жизни и сохранности высокой активности личности авторы выделяют профессиональную востребованность и подчеркивают, что лишь востребованная личность способна максимально раскрыть себя в профессии, достигнуть акме и реализовать свои жизненные смыслы. В статьях широко представлены результаты экспериментальных исследований смысла жизни и акме в деятельности профессионалов: руководителей, врачей, психологов, учителей и мастеров производственного обучения, воспитателей детсадов, тренеров, военнослужащих. Раскрыты перспективы психологической помощи учителям на основе диагностики их психотипов.

Возрастному аспекту психологических проблем смысла жизни и акме посвящён **третий** раздел сборника. Объектом исследования стали младшие школьники, подростки юноши и девушки, пожилые люди. В этот раздел включены также статья о смысле жизни ветеранов Великой Отечественной войны и размышления ветерана о смысле своей жизни на разных этапах жизненного пути с оптимистическим выводом: главное – впереди. Кроме того, в разделе имеются статьи о семейных традициях и взаимоотношениях в семье.

В **четвёртом** разделе обсуждаются проблемы: «Смысл жизни, акме и здоровье человека». Раскрыто современное понимание смысло-ценностного здоровья, проанализировано понятие «смысл жизни» в рамках социальной ортобиотики, - науки, которая включает, в первую очередь, теоретико-методологические поиски предупреждения разного рода зависимостей и профилактики возможных отклонений в здоровье человека. Проблемы трансформации СЖО, сохранности здоровья освещены в статьях, посвящённых реабилитации инвалидов и лечению больных.

Культуроведческие и литературоведческие проблемы смысла жизни и акме представлены в **пятом** разделе сборника. Обосновано положение: воспитание поэтическим текстом – это просвещение в высоком смысле, очищение, нравственное возмужание. Однако в настоящее время «дозировка» культуры и её «профанация» уже стали «самоубийством для человечества». Авторы обратились также к творчеству итальянского классика XX века Дино Буцциани и к богатейшему пласту культуры – исповедальной литературе (автобиографии, мемуары, дневники), где отражён опыт смысложизненного поиска личностей, широко известных человечеству, рассмотрели включение такой литературы в содержание образования как условие становления СЖО у школьников.

В отдельный – **шестой** – раздел выделены статьи с тематикой «Смысловое пространство моей жизни». Авторы – учащиеся 9 – 11 классов школ Московской области и студентка-первокурсница вуза. В статьях отражены материалы докладов, прочитанных на юношеской секции, которая впервые была организована в рамках симпозиума.

Уважаемые читатели! Отзывы о предлагаемом сборнике и ваши собственные размышления над проблемами смысла жизни и акме присылайте в адрес оргкомитета симпозиума: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, строение 4, УРАО «Психологический институт». В оргкомитет симпозиума «Смысл жизни и акме».

Редколлегия

Раздел 1. Общепсихологические, социологические, философские и религиозные проблемы смысла жизни и акме

Рефлексия как фактор становления смысложизненных ориентаций В.Э. Чудновский, г. Москва

Статья посвящено проблеме рефлексии. Вернее, лишь тому ее аспекту, который более тесно связан с проблемой становления смысложизненных ориентаций.

В психологическом словаре можно прочесть: «рефлексио» лат. – «обращение назад». Это процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний. Таким образом, рефлексия скорее обращение внутрь. Думается, еще более адекватно считать, что рефлексия – взгляд изнутри на самого себя в окружающем мире. Показательно, что в психологическом словаре 1990 года есть статья о рефлексии, в словаре 2001 г. читаем: рефлекс, рефлекторное кольцо, рефлексология. Нет рефлексии. Случайно ли это?

Закрадывается мысль: не живем ли мы сегодня в такое время, когда обращение во вне господствует и вытесняет стремление обратиться к самому себе!

Некоторое время назад в Санкт-Петербурге был проведен конкурс среди старшеклассников на тему: «Будущее, в котором хочется жить». Специальное жюри проанализировало 25 тысяч сочинений. Из заключения жюри: «настораживает отсутствие будущего. Как будто нынешнее поколение идет в пустоту, не представляя, ни что их ждет, ни какими они станут».

Проблема отношения к себе, к себе настоящему и себе будущему это фактически проблема соотношения внешних воздействий и внутренних субъективных факторов. Проблема соотношения внешнего и внутреннего в психологии имеет богатую историю. Напомню, что в отечественной психологии имели место два направления, выросшие на одной психологической почве – культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, и вместе с тем, существенно различавшиеся во взглядах на проблему психического развития: деятельный подход, который разрабатывался в школе А.Н. Леонтьева и концепция формирования личности Л.И. Божович. Имела место борьба взглядов и, нередко, острая полемика между А.Н. Леонтьевым и Л.И. Божович, между Д.Б. Элькониным и опять же Л.И. Божович. По ряду фундаментальных вопросов они находились как будто (подчеркиваю) по разные стороны баррикад.

Психическое развитие есть в основном результат усвоения социального опыта (это – Д.Б. Эльконин). Психическое развитие имеет свою внутреннюю логику, свои собственные закономерности. Это – Л.И. Божович.

Вместе с тем, чем больше проходит времени, тем яснее становится, что указанные направления являются взаимодополняющими, обогащающими представление о процессе психического развития.

Анализ показывает, что в конкретных психологических исследованиях точки зрения представителей этих направлений существенно сближались. Один из приемов – известная концепция возрастной периодизации Д.Б.Эльконина, суть которой в том, что в процессе психического развития сначала имеет место период, в котором преобладает мотивационная сторона деятельности: он сменяется периодом, когда преобладает ее операционно-техническая сторона. Нужно ли доказывать, что здесь речь идет именно о внутренней логике психического развития.

Как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но одной из точек соприкосновения между указанными направлениями является проблема рефлексии. Как будто официальная парадигма деятельного подхода, рассматривавшая развитие главным образом как процесс усвоения социального опыта, не оставляет места для рефлексии. Тем не менее, фундаментальные исследования представителей этого направления вносят

существенный вклад в понимание рефлексии как феномена, в большой мере обуславливающего процессы психического и личностного развития.

Обратимся в этой связи к исследованиям школы В.В. Давыдова по проблеме учебной рефлексии. «Взрослый, - писал В.В. Давыдов, - может подготовить и удобрить почву на которой вырастает детское Я, но он не может ее воспроизвести, отличаясь в этой сфере от ребенка, как садовник от сада» (Давыдов, 1966, с.246). Итак, взрослый – это садовник. Он удобряет почву, ухаживает за деревцем. Но деревце растет, и его рост не определяется простым усвоением питательных веществ, находящихся в почве.

Думаю, что под этим тезисом подписалась бы и Л.И. Божович.

В другом месте В.В. Давыдов выделяет тезис Л.С. Выготского о единстве, но не тождестве процессов обучения и воспитания. Представители данного направления выделили, теоретически проанализировали и экспериментально обосновали составляющие т.н. «учебной рефлексии». Укажем некоторые из этих составляющих.

Знание о незнании. (Начальный этап формирования отношения к себе как субъекту собственных знаний). Эта способность заботливо «выращивается» учителем, помогающим ученику овладеть способом превращения незнания в знание. Это этап, когда прерывается процесс передачи знаний от учителя к ученику. Учитель, воздействуя на ребенка, оставляет «промежутки» для собственной активности детей, принимающей характер учебной инициативы, умения учить самого себя (Цукерман, 2009, с.35).

Мы имеем здесь весомую «добавку», конкретизирующую известный тезис Ушинского о том, что главная задача школы – научить детей учиться, который (тезис) обычно понимается как необходимость научить школьника самостоятельно приобретать новые знания. В чем добавка? – научить его знанию о своем незнании, знанию о том, чего он не знает, не умеет сегодня, но чему научится завтра, если поставит перед собой такую цель.

Вторая составляющая учебной рефлексии – выход за пределы непосредственно занятой позиции ученика. Предоставление детям возможности стать автором самостоятельно созданного «учебника» и «учебных пособий» (например: тетрадь наших открытий в языке). Научить детей не только писать диктанты и решать задачи, но самим придумывать задачи, составлять диктанты (работа Л.И. Айдаровой). Способность выходить за пределы собственной читательской позиции и становиться на позицию автора литературного произведения, литературного критика, одного из литературных персонажей (работа Г.Б. Кудиной и З.Н. Новлянской).

Третья составляющая учебной рефлексии – познание школьником процесса самоизменения. «Человек, умеющий учить себя сам, - пишет Давыдов, - сам же определяет границы своего знания и сам находит условия расширения границ известного, доступного (1996, с.241). В этой связи исследователь определяет в качестве ключевой задачи процесса обучения задачу объективизации для ребенка изменений, происходящих с ним в процессе обучения, задачу формировать умение обращать внимание на эффективность собственных действий с точки зрения их соответствия решаемой задаче, способность видеть себя как изменяющегося, умнеющего, становящегося более умелым. (Давыдов, 1996, с.163). Именно по этому пути идет практическая реализация данной системы обучения, в процессе которого происходит «встреча» учительского действия, «ощупывающего» границы детской самостоятельности «здесь и сейчас» и встречного действия ребенка, впервые прорвавшегося за пределы этих границ, – пишет Галина Анатольевна Цукерман в своей работе (Цукерман, 2009).

Четвертая составляющая – мотивационный компонент учебной рефлексии. «Отношение к себе, - пишет Давыдов, - как к субъекту собственных знаний, порождает инициативность в учебной работе, стремление отстаивать свои убеждения. Так возникают побудительные силы будущего желания учиться» (Давыдов, там же с.215). Тщательный микроанализ учебного действия на уроке, поддержка детской догадки, когда взрослый делает заметным для ребенка то, что ребенок обнаружил с той или иной долей случайности – все это создает психологическую почву для того, чтобы ребенок сделал открытие: Я сам

догадался, я сам додумался, я не такой как прежде, я изменился! И это открытие, - пишет Цукерман,- всегда сопровождается счастливым детским переживанием полета и успеха и смиренным учительским удивлением перед чудом детских возможностей (2009, с.49). Рефлексия рождает высшие переживания, о которых Маслоу писал, что они являются не только запускающим механизмом процесса обучения, но их стоит рассматривать и как результат его, награду за него (Маслоу, 1997, с.201).

Итак, в отечественной психологии, в школе Эльконина-Давыдова была теоретически проанализирована и практически проработана проблема учебной рефлексии. Возникает вопрос: что, учебная рефлексия – феномен отдельный изолированный от общего процесса развития рефлексии у человека, характерный лишь для определенного возрастного этапа или это значимая часть общей линии становления рефлексии в ходе психического развития? Представляет интерес проследить судьбу выявленных и охарактеризованных составляющих учебной рефлексии в общем процессе личностного развития. Оговорюсь, проблема эта чрезвычайно большая, сложная, требующая специального рассмотрения. В настоящем сообщении излагаются лишь некоторые наметки, соображения, в ряде случаев буду ограничиваться лишь краткими набросками, фрагментами, требующими кропотливой дальнейшей работы. Итак, по порядку. Первая составляющая рефлексии – знание о незнании. Знание о моих способностях, потенциальных возможностях. Знание о том, кто я есть на самом деле. Ответ на этот вопрос по мере становления личности чрезвычайно усложняется. Уже устоявшаяся самооценка, приобретенные знания и жизненный опыт, оценка меня окружающими, должность и пост, который я занимаю, - все это затрудняет получение адекватного ответа.

Известно утверждение: «Сколько бы ты ни знал, всегда сумеешь сказать себе: «я невежа». Это легко сделать желторотому второклашке. А если ты кандидат, доктор наук, профессор, академик, министр?

Ответ на вопрос «Кто Я?» имеет отчетливо выраженный возрастной аспект. В дошкольном возрасте важнейшим фактором формирования представления о себе является влияние родителей, у младшего школьника – учебная успеваемость, оценка учительницы, у подростка – влияние сверстников. В подростковом и пожилом возрасте (объединяю эти возрастные этапы, потому что им присущи «биологические всплески») большое влияние на представление о себе оказывают биологические факторы. У подростков, прежде всего – переживания, связанные с периодом полового созревания: пристальное внимание к собственной внешности, тревога по поводу своей, якобы недостаточной «мужественности» или «женственности», уровня своих интеллектуальных способностей.

Ответ на вопрос «Кто Я?» - во многом обусловлен эмоциональной неуравновешенностью, максимализмом подростков, что порой приводит к попытке суицида.

Старость – период, когда биологические процессы старения существенно обуславливают самочувствие человека, его отношение к себе, его самооценку. Период, когда подлинным критерием отношения к себе является прожитая жизнь. В исследовании К.Рощака были выявлены и охарактеризованы типы старения, и, в частности, конструктивный и деструктивный типы (Рощак,1990). Один из них можно охарактеризовать как паническое бегство, уход в болезнь, в старость и немощь. Другой тип можно сравнить с отношением к себе военачальника, который вынужден отступить под натиском превосходящих сил противника, но отступает медленно, организованно, с боями.

Пожалуй, время наиболее адекватного ответа на вопрос «Кто Я?» - зрелость. Период, когда уже накоплен жизненный опыт и знания, когда человек хорошо ориентирован в своих возможностях, достоинствах и недостатках. Но с другой стороны, это период более устоявшегося, можно сказать «затвердевшего» мнения о себе, своем Я, своих потенциальных возможностях, что может негативно сказываться на адекватности своего знания о себе.

Проблема «рефлексия и возраст» нуждается в обстоятельном изучении. Она составляющая более общей проблемы – роль рефлексии в процессе возрастного становления личности.

Отношение к себе, знание (незнание) себя во многом зависит от условий социума, в которых живет человек. Характерным проявлением деформирующего влияния социума на внутренний мир человека, на его отношение к себе, знание о себе, его самооценку является феномен единомыслия, присущий тоталитарному устройству общества и способствующий формированию так называемого монолитного смысла жизни, в структурной иерархии которого ведущий компонент, ведущая идея становится самодовлеющей. Она как бы поглощает остальные компоненты иерархии. Смысл жизни приобретает упрощенную однонаправленную структуру. Единомыслие – проявление несамостоятельности мышления, выращенного, взлелеянного, путем непосредственного, однонаправленного воздействия на сознание человека, когда он получает указание не только о том, как работать, где и что сеять, но и как мыслить. В этих условиях формировалась личность с психологией «винтика» государственной машины. «Винтику» полагалось выполнять строго ограниченные социальные функции, поддерживать официальную идеологию, приспосабливая свои оценки, мнения и убеждения к тем установкам, которые определялись директивными органами.

Естественно, отношение к себе, оценка своих возможностей, достоинств и недостатков существенно определялась этими установками. Показательно, что в этот период практически не было исследований по проблеме смысла жизни, хотя в работах русских философов и психологов начала XX века этой проблеме уделялось большое внимание.

А как обстоит дело в современном социуме? А.В. Суворов дал обстоятельный анализ двух различных феноменов – одиночество и уединение. Одиночество – результат дефицита общения, уединение – условие, необходимое для работы души (Суворов, 2001).

Можно ли уединиться от нашего телевидения? От мыльных опер, направленных на удовлетворение пассивно-развлекательной потребности, которые не оставляют времени для работы души?

Насущная задача социума – создать условия и пропагандировать образ жизни, в котором есть место уединению – размышлению о том, каков Я.

Второй этап становления рефлексии – выход за пределы непосредственно занятой позиции, непосредственного потока жизни.

С.Л. Рубинштейн в оставшейся незаконченной книге «Человек и мир, в разделе «Человек как субъект жизни» пишет: «Существуют два основных способа существования человека и соответственно два отношения его к жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек: сначала отец и мать, затем подруги, учителя, затем муж, дети и т.д. Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, а не к жизни в целом. Человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее, для рефлексии над ней. Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий поворотный момент. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни». (1973, с. 351-352).

По мнению Д.А.Леонтьева (2003), наиболее общие характеристики смысла как психологического феномена – контекстуальность (смысл чего-либо всегда определяется через отношение к более широкому контексту) и интенциональность (смысл чего-либо указывает на целевую направленность, направленность движения). Следует подчеркнуть тесную взаимосвязь этих характеристик.

Что касается смысла жизни, то интенция должна быть направлена на рефлексивное отношение к жизни, отношение к жизни как единому смысловому пространству, включающему в себя органическое единство трех времен – настоящего, прошедшего и будущего. Важнейшая составляющая рефлексивного отношения к жизни, интенции этого отношения – «смысловая вертикаль», символизирующая позицию над жизнью, т.е. смысловые образования, обусловленные воздействием норм общечеловеческой нравственности, религиозных убеждений, национальных, родовых традиций.

Можно утверждать, что рефлексия не что иное, как психологический механизм становления смысла жизни.

Механизм рефлексии – не только основа решения задачи на смысл жизни, но и фактор, способствующий достижению успеха в профессиональной деятельности. Положение о двух способах жизни человека послужило психологической основой разработки Л.М. Митиной двух моделей труда учителя. Модели адаптивного поведения и модели профессионального развития. Модель профессионального развития характеризуется способностью выйти за пределы непосредственного потока педагогической практики и увидеть свой труд в целом. Эта модель дает возможность учителю осознавать и оценивать трудности, противоречия педагогического процесса, самостоятельно разрешить их в соответствии со своими ценностными ориентациями. В то время как в модели адаптивного поведения доминирует тенденция подчинения профессиональной деятельности внешним обстоятельствам. При этом учитель в большей мере ориентируется на алгоритмы решения педагогических ситуаций, превращенные в штампы, шаблоны, стереотипы.

В работе Е.А. Максимовой представлены экспериментальные модели творческого и нетворческого учителя. Показано, что для творческого учителя характерны рефлексия на собственную профессиональную деятельность, стремление выйти за пределы непосредственной педагогической ситуации, сотрудничество как доминирующая форма общения с учащимися, создание атмосферы доверия в классе. Творческие учителя желают продолжить свою деятельность после достижения пенсионного возраста. Творческие учителя дают высокие показатели осмысленности жизни по тесту Д.А. Леонтьева, для них характерна удовлетворенность процессом жизни и уровнем самореализации. Один из выводов работы: педагогическое творчество учителя и становление его смысложизненных ориентаций имеют в своей основе общий психологический механизм рефлексии – способность выходить за пределы повседневной ситуационной педагогической практики, с одной стороны, и за пределы непосредственного потока жизни – с другой. Естественная взаимосвязь: ведь смысл жизни помогает человеку творить свою жизнь.

Исследование Гульгены Емиловой было посвящено изучению ценностно-смыслового отношения к семейной жизни. Были изучены, в частности, «золотые семьи». Оказалось во-первых, что не всегда золотые семьи – самые счастливые, и во-вторых, что супружеское счастье существенно обусловлено отношением супругов к семейной жизни, как единому смысловому пространству – от первого знакомства, до пятидесятилетнего юбилея. Вот одна из таких семей, начинавшая совместную жизнь в тяжелейших условиях. Только один эпизод. Когда у супругов родился первенец, его завернули в солдатскую шинель отца – больше не во что было завернуть. Эта семья, прожившая полвека на едином дыхании в совместном преодолении трудностей и сохранявшая вплоть до золотой свадьбы свежесть и искренность чувств.

Один из выводов этой работы: семейное счастье во многом обусловлено уровнем сформированности у супругов ценностно-смыслового отношения к созданию семейной жизни, способности отнестись к созданию семьи как совершенно новому жизненному этапу, способности переосмыслить себя, собственный жизненный опыт с точки зрения этого нового этапа своей жизни.

Третий этап становления рефлексии связан с задачей объективизации процесса самоизменения субъекта, его душевного состояния, устойчивости его личностной позиции. Это, опять-таки, большая проблема, требующая пристального и обстоятельного изучения. Выскажу лишь некоторые наметки, предварительные соображения. Здесь можно говорить об исповеди, в том числе религиозной исповеди, как, так сказать, – экстерииоризации своего внутреннего мира, об исповеди как моменте самоочищения, хорошо описанного в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» («Чистка души» у героя этого произведения Нехлюдова).

Одним из механизмов такой объективизации является феномен совести. Уже приходилось отмечать, что в современных социальных условиях проблема совести отстывает под натиском рыночных отношений. К сожалению, одной из метаморфоз приобретенной в

результате социальных изменений свободы, подчас становится свобода от феномена совести. В психологическом словаре Артура Ребера совесть определяется как набор интериоризированных принципов, который позволяет оценивать правильность или неправильность совершаемых или наблюдаемых действий. И хотя это формально-рациональное определение неправомерно ограничивает суть данного феномена, несомненно, момент объективации, оценки самого себя, экстериоризации своего отношения к себе является значимой составляющей психологического механизма совестного акта. И. Ильин пишет о совести: «Человек, переживая это таинственное душевное состояние, осуществляет свою внутреннюю духовную свободу в таком глубоком и целостном виде, что ему невольно открываются глаза на его подлинную природу. Он сам становится духовно свободным в этот момент. Совестный акт – могучий позыв к совершению нравственного поступка, он создает в человеке как бы алтарь его жизни». (1998, с. 152, 180).

По-видимому, одним из механизмов объективации самоизменения собственной личности является выстраиваемый субъектом рефлексивный образ самого себя. Очень наглядно такой процесс объективации и роль этого процесса в становлении личности выступили в исследовании Ю.Б. Некрасовой, посвященном анализу и обобщению накопленного ею опыта социореабилитации людей, страдающих логоневрозом.

Автор показывает, что «образ болезни» т.е. представление о своем дефекте и о себе самом, заикающемся, с огромным напряжением, иногда с конвульсиями, «выдавливающим» из себя нужное слово – усугубляет болезнь, затрудняет ее лечение. В процессе реабилитации этот образ постепенно заменяется рефлексивным «образом здоровья», который становится союзником психотерапевта, делает процесс лечения более эффективным, а затем заменяется новым рефлексивным образом. Ю.Б. Некрасова ставила перед страдающими логоневрозом четкую цель: «Каждый заикающийся может и должен стать оратором» (Некрасова, 2006).

Проблема влияния рефлексивного образа личности на ее становление в той или иной форме затрагивается в работах Б.М. Теплова, К.А. Абульхановой-Славской, Д.А. Леонтьева, И.И. Чесноковой, Н.С. Лейтеса, В.И. Слободчикова, А.М. Прихожан и целого ряда других исследователей.

Обобщая имеющиеся данные, можно утверждать, что характер рефлексивного образа собственной личности существенно обуславливает специфику психического развития субъекта. Достигнув определенного уровня сформированности, рефлексивный образ оставаясь внутренним образованием, приобретает силу внешнего воздействия на личность, становится значимым детерминантом психического и личностного развития.

Четвертая значимая составляющая рефлексии как психологического феномена – его мотивационный компонент. Можно утверждать, что этот компонент – результат взаимодействия всех остальных составляющих рефлексивного акта.

Рефлексия, побуждающая субъекта выйти за пределы непосредственного потока жизни и с этой позиции отнестись к своим делам, поступкам, своему настоящему, прошедшему и будущему – такая рефлексия, в отличие от «самокопания» и «самонакручивания» становится детерминантом позитивного развития личности. В настоящее время мы имеем некоторые экспериментальные доказательства правомерности этого положения.

В защищенном несколько месяцев назад диссертационном исследовании Т.А. Поповой, изучавшей смысло-жизненный аспект становления Я-концепции подростка, в ходе формирующего эксперимента было показано, что с повышением уровня сформированности так называемого «Я-экзистенциального», включающего в себя отношение к собственной жизни как единому смысловому пространству, происходят позитивные изменения в становлении личности подростка. А именно: повысилась значимость альтруистических категорий в Я-концепции подростков, увеличился интерес к переживаемому ими возрастному периоду, изменилось отношение к собственному Я, к возможности с самостоятельностью принимать решения, подростки стали более реалистично относиться к своим жизненным планам.

Некоторые выводы.

Рефлексия – не только процесс познания индивидом собственных психических свойств, качеств и внутренних состояний, она является необходимым мотивирующим компонентом процесса развития.

Существует единая линия становления рефлексии как фактора психического и личностного развития – от рефлексивного отношения к освоению способа решения арифметических задач в 2 действия, до познания человеком процесса поиска и обретения смысла собственной жизни.

Актуальным является теоретическое и экспериментальное рассмотрение основных тенденций, этапов, «шагов», единой линии становления рефлексии в процессе онтогенеза.

Имеет место тесное взаимодействие субъекта и его рефлексивного образа: субъект является как бы «архитектором» своего рефлексивного образа, который в свою очередь существенно обуславливает процесс становления его личности.

Литература:

1. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., 1996.
2. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб, 1997.
3. Некрасова Ю.Б. Лечение творчеством. М., 2006.
4. Роцак К. Психологические особенности личности в пожилом возрасте. Автореферат диссертации к. психол. наук. М., 1990.
5. Суворов А.В., Совместная педагогика. М., 2001.
6. Цукерман Г.А. Как учителю построить интерпсихическое действие с первоклассниками // Вопросы психологии, №4, 2009. СС. 33-49.

Об особенностях взаимосвязи профессионализма человека с его долголетием

А.А. Бодалев, г. Москва

Одним из теоретически и практически важных вопросов, на которые должна научно убедительно ответить акмеология, является вопрос: почему некоторые люди, дожив до глубокой старости, даже в условиях обычной городской среды сохраняют ярко выраженные потребность и способность не только активно трудиться, но и вносить своими деяниями творчески оригинальные вклады в сокровищницу основных ценностей жизни и культуры?

Напоминаю в связи со сказанным лишь некоторые имена из очень длинного списка таких людей. В 94 года Бертран Рассел активно участвовал в международном движении в борьбе за мир; Бернард Шоу в 93 года написал пьесу «Вымышленные басни»; в 91 год Имон де Валера находился на посту президента Ирландии и продуктивно выполнял свои обязанности; Пабло Пикассо в свои 90 лет еще всюю рисовал и гравировал, а Артур Рубинштейн в 89 лет заставлял сотрясаться от аплодисментов стены знаменитого нью-йоркского Карнеги Холла; Альберт Швейцер в этом же возрасте успешно возглавлял госпиталь в Африке; Микеланджело Буанаротти не уставал создавать шедевры в свои 88 лет.

Продолжали проявлять себя как творцы новаторы в главных для них областях деятельности, перевалив 80-и летний рубеж в своей жизни и наши соотечественники: математик Б.Н. Делоне, физик П.Л. Капица, литературовед и текстолог Д.С. Лихачев, физиолог И.П. Павлов, режиссер и музыкальный деятель Н.И. Сац и многие, многие другие.

Сравнение индивидуальных, личностных и субъектных характеристик людей в преклонном возрасте, демонстрирующих высокие результаты деятельности на гражданском и профессиональном поприще, с теми людьми, которые тоже были новаторами и творцами в главных для них сферах деятельности, но прожили более короткую жизнь, позволяет увидеть у первых как субъектов познания, общения и труда группы качеств, которые проясняют причины их высокой творческой продуктивности и в преклонном возрасте.

Это, как правило, хорошая наследственность. Во многих случаях хотя бы один из их родителей был долгожителем. У них были задатки, как природная основа развития в последующем неординарных способностей, если этому способствовали микро-, мезо- и макрофакторы, в своей совокупности образующие социальную среду, в которой происходил многосложный процесс формирования их индивидуальных, личностных и субъектных особенностей, своеобразно неповторимо интегрирующихся в их индивидуальности.

При этом у каждого из них отчетливо имело место при прохождении жизненного пути перерастание развития в саморазвитие, которое на уровне сознания и самосознания, чувств и воли осуществлялось в поведении и деятельности, направленных на приумножение основных ценностей жизни и культуры прежде всего в тех сферах деятельности, которые были у них субъективно главными.

Проявляя сформировавшееся в ранней и средней взрослости умение одновременно пребывать в потоке жизни и быть вне его и не увязать в собственных переживаниях по поводу происходящих вокруг событий, провоцирующих депрессию и уводящих от главного дела в своей жизни и, поняв их причины и диапазон действия, оказываться над ними, люди с относительно отдаленном финишем на жизненном пути, чаще всего в каждой ситуации, возникавшей у них на этом пути, находили оптимальное решение и возможность его осуществить. Эта их способность опять же проявлялась прежде всего и главным образом в основной для них области профессионального труда.

Полагаясь на свой разум и позитивные чувства, не игнорируя и голос собственной интуиции, будучи способными отринуть костные традиции и взвешенно оценить мнение авторитетов, они формулировали для себя стратегию и тактику и выбирали технику поведения, которые действительно подвигали их к успешной реализации себя при решении главных для них гражданских и профессиональных задач.

Не уходя от ответственности, они не боялись для их осуществления, с поправкой на свои уменьшившиеся физические возможности, использовать еще не проторенные другими пути. По-прежнему проявляя мотивационную одержимость при реализации своих замыслов, они концентрировали свои физические и душевные силы на их выполнении, замедляя таким образом неизбежный процесс истощения творческого потенциала, связанный с физическим старением их организма.

И этой продолжающейся направленностью своих потенций на свершение деяний, отвечающих их ценностным гражданским и профессиональным эталонам, несовместимым с корыстолюбием, предательством, завистью и ненавистью, они сами, не думая об этом, оказывались ориентирами при выстраивании своей жизнедеятельности для тех, кто хотел бы, проходя свой жизненный путь, подольше быть создателем, а не потребителем.

Изучение биографий людей, о которых здесь прежде всего идет речь, позволяет также утверждать, что некоторые из долгожителей-творцов могли еще какое-то время продолжать трудиться, добавляя к содеянному в своей долгой жизни еще не сделанное другими в основной для них сфере творчества. Но не всегда их окружение благоприятствовало этому.

Вместе с тем, наверное, не надо доказывать, что с наступлением старости общая энергетика, влияющая на жизнеспособность организма человека, оцениваемая в целом, понижается, и это, несомненно, влияет на степень стойкости человека по отношению к экстремальным ситуациям, вторгающимся в их жизнь.

Содержанием их может быть неприятие жизненных позиций старых людей их близкими; грубый и необъективный разнос их профессионально безупречных убеждений как специалистов своего дела чиновниками, занимающими высокие административные посты; бездоказательное обесценивание новаторских результатов творчества долгожителей их коллегами, неспособными преодолеть свои сформировавшиеся в прошлом и ставшие косными и уже мало продуктивными профессиональные стереотипы; очевидное отторжение старого человека от любимого и потому успешно выполняемого им дела властью имущими администраторами за проступок, совершенный кем-то из его сотрудников вне сферы общей

для них обеих деятельности; откровенное предательство старого человека кем-то из его сотрудников, в личностное и профессиональное становление которого он вложил много из того, чем владел сам и т.п.¹ И естественно, что в подобных случаях резервных возможностей в организме, чтобы преодолеть возникший сильный психологический дискомфорт, у людей, вступивших в преклонный возраст, может не оказаться. И они уходят в небытие.

Если быть последовательным при обсуждении поднимаемой в тексте проблемы, столь же многолик и феномен межличностной верности, и он требует такого же содержательности и многонаправленного изучения, как и феномен межличностного предательства.

Вопросы смысла жизни в трудах С.Л. Рубинштейна Н.Л. Карпова, г. Москва

Вопросы смысла жизни в различных аспектах поднимались во многих трудах С.Л. Рубинштейна, но особо полно и всесторонне эта проблема освещена им в последней монографии «Человек и мир», само название и панорамность содержания которой вызывает ассоциации с романом-эпопеей Л. Толстого «Война и мир».

Во вступительном слове «От автора» С.Л. Рубинштейн говорит о своей предыдущей книге «Бытие и сознание», что она, поставив и «затронув попутно целый ряд вопросов, в какой-то мере... разрешила или продвинула разрешение одной основной проблемы - о природе психического и его месте во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира», но в то же время «проблема бытия и сознания, обозначенная в заглавии книги, в целом не была там охвачена». «За проблемой бытия и сознания раскрывается проблема бытия, сущего и человека, его познающего и осознающего», - пишет С.Л. Рубинштейн и определяет цели новой книги: «Но человек есть человек лишь в своем взаимоотношении к другому человеку: человек - это люди в их взаимоотношениях друг к другу... Реально мы всегда имеем два взаимосвязанных отношения - человек и бытие, человек и другой человек (другие люди). Эти два отношения взаимосвязаны и взаимообусловлены. И именно в этой их взаимосвязи и взаимообусловленности мы и будем их рассматривать: только беря их в этой взаимосвязи, можно правильно подойти к пониманию и гносеологического отношения человека к бытию и морального его отношения к другому человеку. Этим не упраздняется, не снимается вопрос об отношении образа, идеи к вещи, а значит, и проблема сознания (вообще психического) и бытия, но за этой первой проблемой закономерно, необходимо встает другая, как исходная и более фундаментальная - о месте уже не психического, не сознания только как такового во взаимосвязи явлений материального мира, а о месте человека в мире, в жизни. Этой проблеме всех проблем и посвящена настоящая книга».

Во 2-й главе первой части книги, рассматривая вопросы бытия и существования, автор замечает: «...существование - это участие в процессе "жизни". Жить - значит изменяться и пребывать, действовать и страдать, сохраняться и изменяться. Существующее - это живущее и движущееся, становящееся и преходящее, изменение и пребывание в процессе изменения. И в этом едином диалектическом процессе выделяются две стороны его: существование как процесс изменения, становления, действия, взаимодействия и существование как способ бытия вещей, явлений, процессов и их пребывания». Поднимая вопрос о динамике этого единого процесса и его закономерностях, С.Л. Рубинштейн говорит о зависимости его результатов от хода самого процесса. Далее неоднократно будет идти речь о значимости осмысления жизненных процессов для их результативности.

Для углубленного анализа автор выделяет «разные ипостаси» существования: «1. Человек и Вселенная - ее бесконечность, вечность. Величие и малость человека и исходящая

---

¹ Феномен межличностного предательства многолик, и его проявления с психологической спецификой для каждого образуют весьма протяженный ряд, и явно назрела необходимость научно содержательно исследовать их с целью установления общего, особенного и единичного в них, а также объективных условий и субъективных факторов, их порождающих.

из этого соотношения - масштабность жизни. 2. Человек и Природа. Прекрасное в природе - красота для человека (а не только мастерская и сырье для производства). 3. Человек и Мир. Круг природы и людей как замкнутое конечное целое. 4. Человек и Действительность - то, как оно на самом деле есть. Это сфера фактичности и океан, бездна неведомого, неизведанного... Отсюда - дух искания, исследования, стремление к истине. 5. Жизнь человека - в мире, в природе, в обществе, в человечестве, в других людях».

Если в первой части книги речь шла о мире в соотношении с человеком, то во второй части речь идет о человеке в соотношении с миром. При этом «проблемы познания, истины, открывающейся в познании, выступают не как обособленный гносеологический аспект изолированно взятого отношения человека к бытию. Это отношение также опосредствуется человеческими добродетелями и пороками - в познавательное отношение к бытию, к истине вплетается отношение к другим людям. Истина при этом - это не только правильность, но правда, справедливость, способность принять то, что есть, как оно есть (на самом деле), смотреть в глаза действительности, вскрывать ее».

Выделяя в 1-й главе проблему "Я" и другой человек, С.Л. Рубинштейн подчеркивает: «реально существует коллективный субъект научного познания: "Я" - это "мы"! ...В конечном счете, межлюдские отношения являются необходимым условием познания человеком бытия, сущего и его состава». Поэтому во 2-й главе - «Онтология человеческой жизни» - он пишет: «Отношения между людьми - не только экономические, хозяйственные отношения, хотя они и реализуются каждый раз в условиях того или иного экономического уклада, той или иной общественно-исторической формации. Внутреннее содержание человека включает все его богатство отношений к миру в его бесконечности - познавательное эстетическое отношение к жизни и смерти, к страданиям, к опасности, радости... Показать человеку все богатство его жизни - этим больше всего можно его укрепить и ему душевно помочь жить полной жизнью в данных условиях».

В 3-й главе - «Человек как субъект жизни» - мы встречаем наиболее часто цитируемые слова С.Л. Рубинштейна об осмыслении жизни: «Существуют два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения его к жизни. Первый - жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек: сначала отец и мать, затем подруги, учителя, затем муж, дети и т. д. Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение - это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее для рефлексии над ней. Это есть существующее отношение к жизни, но не осознаваемое как таковое...»

Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий, поворотный момент. Здесь кончается первый способ существования. Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, к нигилизму, к нравственному скептицизму, к цинизму, к моральному разложению (или в менее острых случаях к моральной неустойчивости), или другой путь - к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе. С появлением рефлексии связано **философское осмысление жизни** (выделено нами - Н.К.). Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней. С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни. С этого момента, собственно, и встает проблема ответственности человека в моральном плане, ответственности за все содеянное и все упущенное».

В этом плане естественно встает вопрос о рассмотрении жизни человека как трагедии, драмы или комедии и возникает необходимость создания концепции жизни человека, «из которой уже вытекало бы как естественное, закономерное такое или иное отношение к жизни и смерти». Подчеркивая, что «в жизни имеет место и трагическое и комическое,

торжествует в ней то добро, то зло, С.Л.Рубинштейн замечает: «Проблема трагедии жизни - это проблема не страдания, а трагической судьбы, сплетения добра и зла, противоречия жизни, необходимости идти к добру через зло, гибель добра и т. д.». В то же время существует «разное отношение разных людей к одной и той же ситуации, в зависимости от того, какое начало видит как преобладающее в ней и вносит входящий в нее человек... Иными словами, ситуация включает в себя и человека, относящегося с юмором или иронией к тому, что в ней происходит. Итоговое соотношение сил зависит и от него».

4-я глава – «Отношение человека к человеку (мораль и этика)» – и 5-я глава – «Проблема человеческого существования и любовь человека к человеку». Основные их положения: «...мотивация человеческого поведения - это опосредствованная процессом отражения субъективная детерминация поведения человека миром. Через эту мотивацию человек вплетен в контекст действительности. Значение предметов и явлений и их "смысл" для человека есть то, что детерминирует поведение. Однако именно здесь выступает соотносительность того, что имеет значение, с тем, для кого оно это значение имеет». «... "воспитательный" поступок в широком смысле слова - это поступок, предназначенный для других, который должен отвечать требованию - стать реальным условием надлежущей человеческой жизни других людей». «Моральное отношение к человеку - это любовное отношение к нему. Любовь выступает как утверждение бытия человека. Лишь через свое отношение к другому человеку человек существует как человек, фундаментальнейшее и чистейшее выражение любви, любовного отношения к человеку заключено в формуле и в чувстве: "Хорошо, что вы существуете в мире"».

Рассматривая в 7-й главе эстетическую тему (мотив) в жизни человека, а в 8-й главе познавательное отношение человека к бытию, в 6-й главе – «Этика и политика» – С.Л.Рубинштейн сформулировал принципиальный смысложизненный вопрос – свое отношение к советскому обществу, к существующему строю: «1. За коммунизм, против формы капитализма как эксплуатации человека человеком. 2. Но коммунизм - это конечный этап... (необходимо) продвижение этого идеала мыслимое и практическое в настоящее. Между конечной целью и путем к ней - сейчас острое противоречие... 3. Особо выделяю отношение к Сталину, начиная с ежовщины и до конца. Мерзость и позор!..» Выход этики за сферу общественных отношений и т. д. философ и психолог видел в двух направлениях: «1) отношения человека к миру; 2) отношения человека к другому человеку более конкретное и человеческое, чем отношение к нему как представителю класса, вообще как носителю определенной общественной функции. По отношению к человеку как конкретному субъекту жизни человек как носитель определенной функции - это только "маска". Личная жизнь - это не жизнь, из которой все общественное отчуждено, а жизнь, включающая и общественное, но не только его. Первое отношение, в свою очередь, включает в себя второе». Вывод, к которому он приходит в конце 9-й главы: «Утверждение силы человеческого разума должно проявляться в жизни общества, в налаживании человеческих отношений, устранении войн, перестройке общества, а не быть индивидуальным самочувствием ученого».

И в Заключение как итог своим размышлениям и напутствием будущим исследователям С.Л.Рубинштейн сформулировал: «Все мировоззренческие вопросы, ответ на которые определяет то, как человеку жить и в чем искать смысл своей жизни, при всем их неисчерпаемом разнообразии и богатстве сходятся в конечном счете в одной точке, в одном вопросе - о природе человека (что есть человек) и его месте в мире. В этой книге проблемы истины, красоты и т. д. рассматривались не "в себе", а как предмет отношения к ним человека. В этом заключается преодоление отчуждения, очеловечивание, осуществление связи с жизнью, с практикой. Не морализированием, но ясным из анализа человека и его отношения к другим людям должно стать, как верно жить... Смысл человеческой жизни - быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь».

Духовность – аттрактор акме-развития

Т.А. Полозова, г. Москва

Д.А. Медведев на Международном экономическом форуме 2009 г. в Санкт-Петербурге утверждал: России для собственного развития, для достойного вхождения в международную экономическую архитектуру необходимы умная экономика и умное производство. Убедена, выполнение государственного запроса невозможно вне современного системного трансдисциплинарного знания, вне системы междисциплинарных технологий, на нем основанных. Его общегосударственное, гражданское звучание и реализация подразумевают особую культуральную, ментально-специфическую стратегию его решения в условиях современной России. Предполагают соразмерные высокой духовности социокультурные: политическую, экономическую, личностную, профессиональную, психолого-акмеологическую, медико-биологическую, духовно-образовательную составляющие. Последняя является аттракторной по целемоделирующим качествам и основаниям ее реализации. Духовно-нравственные и духовно-эстетические основы, ценностные предпосылки, условия осуществления жизни человека и общества - фундамент оптимизации развития не только в образовании, но и на всех уровнях становления и саморазвития системы жизнеобеспечения человека, общества, государства.

Проблемы, решения духовно-нравственного, шире - духовно-эстетического развития закономерно емко отражены в классической гуманистической, гуманитарной, философско-художественной мысли России. Они опредмечивают в соответствующих феноменах в пространстве человеческого бытия, разных видов социокультурной активности, профессиональной деятельности социума *базовые явления, сущностные отношения и свойства истинно человекомерных уровней, форм, качеств обеспечения, осуществления и творения жизни, ее проявлений и свойств на Российской земле*. В индивидуальной духовной практике они проявляют ценности, смысл жизни, мотивы, установки жизнедеятельности каждого гражданина - субъекта личного и общественного бытия.

Однако анализ трактовки содержания духовно-нравственной сферы личности во многих современных работах позволяет считать: ныне в интерпретациях психологических понятий не все бесспорно. Полагаю, одна из причин – очевидное невнимание к классической научной мысли. Например, духовное развитие личности определяется только как процесс формирования новых ценностных ориентаций и только нравственного плана. Рассматриваются только механизмы формирования. Игнорируются более сложные механизмы, которые обеспечивают специфическую, в том числе акмеологическую, феноменологию таких процессов как: становление развитие, саморазвитие, самореализация, самосовершенствование; актуализацию аутопсихологической составляющей перечисленных процессов. Не анализируются механизмы, объективирующие предпосылки, создающие условия для проявления неповторимости субъектной, личностной целостности духовного мира конкретного человека. Анализ категории «духовность» ограничивается пока нравственным пространством проявления феноменов человеческой жизнедеятельности. Это серьезно упрощает и обедняет возможности изучения человека. Главное - глубину проникновения в высшие - сущностные, акме-центрированные и акме-проявленные феномены его со-бытия и системно-коэволюционной жизнедеятельности со всеми иными, по сравнению с человеком, формами и видами существования жизни в единой общеземной материнской системе жизнеобеспечения.

Считаю, есть основания утверждать: во всем богатстве возможного содержания и многообразия форм существования человека духовность проявляется в пространстве феноменологии неповторимого субъективного бытия как субъектное выражение форм индивидуальной жизненной активности конкретного человека. *Духовность - это особый вид психологической реальности, где родоспецифические, человекомерные цели, смыслы, феномены жизни, социокультурной созидательной деятельности Человека являют себя в*

*качестве особых, специфически человеческих предпосылок, оснований, условий и форм всех сфер и направлений его жизненной активности.*²

Необходимо подчеркнуть: в психологическом плане понимание и описание категории «духовность» соразмерно по соотносительным измерениям с понятиями, характеризующими разум, мышление человека, мир его идей, созерцаний, чувствований. С такими свойствами чувств, эмоционально-волевыми качествами, душевными состояниями, как доброта, любовь, раскаяние, покаяние, смирение, сопереживание, со-деятельностный альтруизм, эмпатийная включенность во взаимодействие,... В пространстве социокультурного, общественно заданного и оценочно регламентированного бытия *духовность – это идеальный системно-комплекс* особых ценностно-смысловых норм, критериев видения, чувствования и оценивания, которые выступают по отношению к конкретному субъекту и обществу не как данность, а как предзаданность и непреложный духовно-эстетический императив – истины, красоты, добра. Да, именно духовность открывает человеку доступ к чувствам-понятиям любви и совести, правосознания и государственности, к чувству долга. Открывает путь в искусстве, науке и религии. Она - источник жизни, главного, наиболее ценного в ней, того, где истоки и основания понимания - ради чего, для чего стоит жить. Пространство духовно-эстетического становления, саморазвития, самореализации и самоосуществления человека - высшая, суперакмеологическая среда его жизни.

С моей точки зрения, духовность действующего субъекта или «индивидуальный дух» - это система востребованных потенциально творимых и уже свершенных человеком жизненных событий и индивидуально-неповторимых проявлений ответственного принятия, моделирования и следования высшим, эстетическим оценочно-нормативным образцам общемировой культуры человекомерной цивилизационной истории саморазвития. В эмоционально-чувственном плане – действенное чувствование и переживание Человеком эстетико-нравственных норм, критериев совместного с другими бытия как внутреннего высшего априорного императива. Принятие, освоение и творение высших оснований, ценностей, смыслов особого - человекомерного бытия на уровне эстетико-нравственных законов, установок, алгоритмов, критериев оценок собственной жизнедеятельности во всех аспектах и пространствах личного бытия и со-бытия с другими.

Духовность – суператтрактор развития и саморазвития личности. Осуществление высшего предназначения жизни конкретного человека - смысла жизни «индивидуального духа» это суператтракторная, системно-синергетическая цель и жизненный смысл его существования и жизненного бытия. Уровень «материнской» системы обеспечения жизни биосферы актуализирует и опредмечивает их в пространственно-временном континууме форм активности каждого человека в контексте «духа времени», исторической, социокультурной специфики эпохи его жизни. «Дух времени» - конкретное проявление вечного в сиюминутном течении жизни - определяет характерные особенности субъективности восприятия, чувствования, реагирования, мышления, личностную специфику проявлений человека в разных формах и видах его жизнедеятельности. Конкретизирует качества субъектности его проявлений в контексте специфики личного жизненного пути.

Убеждена, *принцип акмеологичности (вершинности) развития – стержневое, аттракторное основание развития. Это – единство четырех форм существования общесистемного явления акме на всех уровнях моделирования, становления, самореализации и самоосуществления Жизни: акме как источник развития, акме как процесс развития, акме как состояние развития и акме как результат развития. Это – триединство стремления к акме, наличия акме, состояния акме, проявляющееся в субъектности, в субъектной сущности и силе выраженности каждого человека и отдельной социокультурной общности*

² Представленное в статье понимание категории «духовность», операционализация соответствующего понятия впервые даны Т.А. Полозовой. См., например: О понятии духовности и духовно-нравственного развития // Развитие человека как индивида, субъекта деятельности, личности и индивидуальности: сборник научных статей; под общ. ред. А.А. Деркача. - М.: РАГС, 2009 и др. работы.

в пространственно-временном континууме всех возможных для них форм и содержаний социокультурной деятельности. Это: 1) базовый системообразующий градиент силы, насыщенности, системно-функциональной последовательности созидания, раскрытия, деятельностного опредмечивания уровней, форм жизненной активности в процессе развития человека; 2) системный показатель природосообразности, культуросообразности и человекомерности развития человека, гармоничности его жизненных проявлений; 3). показатель системной целостности и функциональной цельности его развития и жизнеобеспечивающей практики.³

Подчеркнем особо, все принципы, закономерности развития человека системно: структурно, феноменологически и функционально, связаны между собой и структурируются в контексте принципа акмеологичности (вершинности) развития. Они необходимы и обязательны для исполнения в любой сложноорганизованной живой системе, субъектно стремящейся к актуализации собственных базовых предназначений, стержневых ценностей и смыслов жизни. Реализация предназначения невозможна вне духовно-эстетического осознания и сопереживания собственной сопричастности ко всему происходящему. Это значит: данная цель недостижима без духовного осознания и взятия на себя ответственности за свершенное и совершаемое. Осуществление себя, возрастание над собой подразумевает кропотливый вдумчивый духовный труд, акмеологический по сути и направленности, эстетический по форме и содержанию.

Мудрецы всех времен предвидели гибельность для человека и человечества борьбы за выживание, жизненной гонки на выживание как цели, смысла жизни, вне жизни сердца, жизни души, силы духа – как гонки не к себе, а от самого себя. Гонки во мрак материального, прагматико-меркантильного, виртуально-наркотического сна наяву, душевного самопорабощения и духовного самозабвения - отречения от высот собственного духа. В разных странах и в разные эпохи цивилизационной истории мыслители приходили к одному выводу: способ существования людей, основанный на злобе, зависти, агрессии, ненасытной стимуляции нижнечакральных, полововитальных потребностей, должен быть заменен разумной организацией жизни в соответствии с ее высшим духовным назначением и душевным содержанием. Он закреплен в заповедях большинства религиозных учений.

Освоив расщепление материи, человек впервые глубинно осознал ответственность за судьбу мира. Понял насколько реально этот мир – его Дом хрупок. По существу это означало принятие нового типа мышления. Мышления, в координатах которого *жизнь человека определяется не страхом смерти, порождающим насильственную реализацию «инстинкта» выживания и установки противостояния, противоборства и нескончаемой, всё более технологически изошрённой борьбы с окружающим миром, якобы изначально враждебным.* В координатах нового ноосферного, эстетосферного мышления *жизнь человека детерминирована установкой на преодоление страха жизни. Она определяется стремлением жить осознанием своего духовного бессмертия, устремлённостью к духовному, эстетико-нравственному идеалу, к духовному поиску и откровению, к познанию тайны своего предназначения. Жить в радости, используя силу покаяния и раскаяния, сострадания и сопереживания, эмпатии и содействия в пространстве со-бытия со всеми другими, со всем миром.*

---

³ Принцип акмеологичности (вершинности) развития в такой интерпретации был впервые предложен Т.А. Полозовой в 2001 году. См. подробнее Полозова Т.А. Акмеологические основы духовно-эстетического развития человека / Монография. – М.: РАГС, 2007; Акмеологическая направленность образования – предпосылка и условие становления нового российского общества // Мир психологии, №1 (45), 2006; О первичных принципах образования человека // Мир образования – образование в мире, №4, 2006; Единство культуры и образования – путь гармонии человека и общества // Мир психологии, № 4, 2006; Наукоемкое, проблемно-ориентированное образование – запрос XXI века // Мир образования, образование в мире № 1, 2006; Акмеологическая ориентация образования // Мир образования, образование в мире № 4, 2007 и другие более ранние и поздние работы.

Такое изменение парадигмальности мышления человека предполагает освобождение от добывания пищи как главной задачи жизни, включая в это действие все трагикомические формы бессмысленного приобретения богатства ради обогащения. Освобождение мыслей и чувств от глобальности власти витальных потребностей. Самым унижительным является для нас то, что вынуждает человека использовать грандиозные возможности разума и сердца для того, чтобы быть сытым и победить в борьбе с теми, кто тоже хочет быть сытым. При таком утверждении к понятию человеческой «сытости» относится удовлетворение и таких потребностей, как тщеславие, жажда власти, денег, гордыня, меркантилизм, накопительство, раболепие... Во всех этих и подобных им потребностных формах сытости право сильного — единственная реальная основа и смысл жизни.

Человек будет в проигрыше до тех пор, пока не уразумеет жизненную необходимость принципиально иного отношения ко всем другим формам, пространствам, мерностям жизни, к микро, мезо, макро природным мирам. Необходимо другое природосообразное, системно-экологическое, духовно-эстетическое понимание законов, сути, смысла, жизни. Нужна другая парадигма всеобщего видения и прозрения единых законов существования, жизнебытия и эволюционного движения природных форм жизни. Человек сможет встать с колен всеобщего заблуждения, если озаботится сердцем, проникнется разумом, попытается постичь духовно подобные универсальные истины. На уровне этого эстетико-ноосферного, духовно-осмысленного мышления он сможет обрести утраченное настоящее, полноценное Человеческое здоровье и смысловое величие, реализовать свое предназначение на Земле.

Преследующее человечество во все века его земной социальной истории *противоречие между стремлением выжить и извечным, данным Богом (или Сознанием Вселенной, кому как ближе по сердцу и по разумению) стремлением любить* — источник бед в жизни отдельного человека, целых народов, всего человечества. Преодоление этого противоречия, а значит - приведение принципов существования человека, социума в соответствие с первородным смыслом и целевой причиной их собственных жизней и есть истинная духовная цель, жизненный смысл и первопричинное содержание человеческой земной эволюции. Это путь духовного, акмеологически целепредопределённого и целенаправленного самосовершенствования человека, аксиологическая, эстетико-нравственная кристаллизация силы его души. Бывает, спрашивают, где конец света? Ответ сложен, неоднозначен, но может быть и прост, только не виден вне духовного зрения... Конец Света на конце света («светового луча»), т.е. здесь на Земле и наша цель не покинуть свет, а уйти в него!.., может быть так?! Думаю, да.

Нахождение россияем смысла жизни как средство демографической реабилитации И.А. Гундаров, г. Москва

Парадоксы динамики смертности

Какое отношение имеет смысл жизни к демографическим процессам в России? Последние 25-30 лет динамика смертности характеризовалась парадоксальными колебаниями. Первые годы «перестройки» наблюдалось её выраженное снижение, и причины этого процесса обнаружить не удалось. Попытка объяснить массовое улучшение здоровья сокращением потребления алкоголя оказалась не состоятельной, поскольку снижение заболеваемости произошло от всех причин, включая дизентерию, сальмонеллёз, дифтерию, болезни лёгких, психические заболевания, в отношении которых роль алкоголя не подтверждена. К тому же, демографическое улучшение наблюдалось и в странах Восточной Европы, где антиалкогольных мероприятий не проводилось. После 1989 г. с началом либеральных реформ наблюдался 1,5-кратный взлёт смертности, которому тоже не найдено объяснения: медицинские факторы риска не выросли, экологическая ситуация улучшилась за счёт двукратного спада промышленного производства, потребление алкоголя увеличилось, но — не выше начала 80-х годов. Затем, в 1995-1998 гг. на фоне продолжающегося

экономического спада, высокого потребления алкоголя, усугубляющихся проблем здравоохранения смертность вдруг значительно снизилась. Зато в «тучные» годы президентства Путина, когда отмечалось повышение благосостояния всех слоёв населения, смертность неожиданно стала расти, превысив трагичный пик реформ. После 2004 г. её уровень неожиданно пошёл на спад, без очевидных тому причин. Кризис 2008-2009 гг. явился сильным стрессогенным фактором, вызвав значительное ухудшение уровня жизни большинства россиян, а смертность продолжала снижаться.

Свойства фактора «X»

Вывод - причиной необъяснимых колебаний смертности явился не известный науке фактор «X». Для его обнаружения потребовалось описать основные свойства, чтобы по ним идентифицировать загадочное явление. Во-первых – это большая скорость распространения по обширной территории, когда за 0,5 года рост смертности пронёсся по территории постсоветских республик. Во-вторых - огромное по силе воздействие, из-за которого число избыточно умерших составило при Ельцине около 5 миллионов, а при Путине около 6 миллионов человек. В-третьих - наличие не только негативного, но и позитивного эффектов, с быстрой сменой вектора на противоположный. В-четвёртых - фактор не действует на детей до 14 лет, первый подскок – в подростковом возрасте, основной удар – по трудоспособному населению, слабо действует на стариков. В-пятых - мужчины подвержены его влиянию в 2-3 раза сильнее, чем женщины. В-шестых - способность влиять почти на все заболевания, как неинфекционные, так и инфекционные. В-седьмых - синхронность проявления на расстояниях в тысячи километров, когда демографические волны идут параллельно, например, в Калининграде и Приморье.

Эмоционально-смысловые поля как нематериальная реальность

Ни один из известных науке материальных агентов не располагает перечисленными свойствами. Учитывая, что беспричинных явлений не бывает, для объяснения демографических парадоксов пришлось обратиться к нематериальным факторам. Из философии известно существование двух реальностей: бытия и сознания, т.е. материальной реальности и идеальной реальности. Функции второй выполняет социальная атмосфера в виде общественного сознания и подсознания, состоящих из смыслов и эмоций позитивного или негативного характера. И это не просто обмен информацией, а именно нематериальная атмосфера, эмоционально-смысловые поля (тоска или социальный оптимизм, устремлённость в будущее или ступор от настоящего, возвышающий творческий труд хозяина или унижающий труд батрака, коллективизм или индивидуализм и др.), в которых живут и творят производящие их люди.

Изучением психической атмосферы первыми стали заниматься учёные-теологи, выделившие позитивную духовность (благостность) и негативную духовность (греховность). Обнаружить их наличие и измерить можно путём подсчёта реализованных намерений, когда по поступкам оценивается, что творится в душе человека перед их свершением. Здесь данные государственной статистики способны выступать индикаторами общественного сознания и подсознания: самоубийства выражают крайнюю тоску и безысходность; убийства – крайнюю агрессивность вплоть до бесчеловечности; кражи, грабежи, разбои – несправедливое распределение собственности; разводы – выраженную дисгармонию семейных отношений; оставленные в роддомах дети и социальные сироты – угнетённость инстинкта материнства и др. Подсчитывая перечисленные поступки, можно измерять соответствующие настроения в обществе. В советской статистике 20-х годов формировалось направление моральной статистики с использованием перечисленных показателей.

Метод диагностики скрытых явлений по внешним проявлениям широко используется в науке. Например, обнаружение элементарных частиц осуществляется в физике не непосредственно, а опосредованно - по тому следу, который они оставляют в чувствительном материале. На этом основании правомерно говорить о зарождении нового направления в психологии - «эпидемиологии духовности», предметом которой служат массовые духовные процессы в населении. Принадлежность перечисленных индикаторов к

духовным явлениям подтверждают мировые религии, формируя из них свод основных нравственных заповедей и критериев их нарушения: «не убий» - убийства, «не укради» – кражи, «не отчаивайся» - самоубийства, «не прелюбодействуй» - разводы и др.

Духовные причины демографических процессов

Эмоционально-смысловые поля способны перемещаться в населении с огромной скоростью на любые расстояния посредством СМИ и других коммуникационных технологий. Попадающий в них человек становится зависящим от господствующих смыслов и эмоций. Духовность отсутствует у детей и появляется в подростковом возрасте. Мужчины оказались в большей мере подвержены агрессивно-депрессивному состоянию, так как их социальная роль пострадала сильнее. Доказательством наличия такой психической «мега-энергии» служит сопоставление траекторий убийств и самоубийств в России за длительный период времени. Они идут почти параллельно. Причем, ни одно из явлений не может быть причиной другого. Значит, существует скрытый фактор, «серый кардинал», диктующий поведение обоих. Им и является социальная атмосфера. А от локальных обстоятельств зависит, кто будет убит, а кто наложит на себя руки.

Многочисленные эпидемиологические исследования подтвердили наличие тесной связи между психическим статусом человека и смертностью от заболеваний. В состоянии депрессии, агрессивности, низкой социальной поддержки смертность от болезней системы кровообращения, злокачественных новообразований увеличивается в 2-3 раза. Наоборот, социальный оптимизм, творческий труд, взаимопомощь ведут к увеличению продолжительности жизни. По материалам стран СНГ показано, что динамика общей смертности за длительный период определялась на 85% агрессивностью и депрессией (агрессивно-депрессивный синдром), и лишь на 15% - остальными факторами. Здесь агрессивность явилась нормальной реакцией людей на несправедливые итоги реформ и потерю прежнего смысла жизни. Депрессия же возникла от невидения спасительного пути и отсутствия достойного нового смысла.

Уровень рождаемости также оказался тесно связанным с психическим состоянием человека. Чем выше агрессивно-депрессивный синдром, тем ниже рождаемость в силу торможения либидо и потенции, повреждения сперматогенеза у мужчин и овуляторной способности у женщин. На этом основании стало возможным говорить о законе «духовно-демографической детерминации»: при прочих равных условиях улучшение (ухудшение) духовного состояния общества сопровождается улучшением (ухудшением) демографической ситуации.

В атмосфере духовной деградации растут и другие социальные аномалии: терроризм, преступность, бюрократичность управления, наркомания и др. Трудоспособность человека тоже оказалась зависящей от психического состояния, проявляясь взлётами производительности труда при социальном оптимизме и волной аварий и катастроф в состоянии амбиций, депрессии, агрессивности. Трагичный пример тому – гибель польского самолёта с президентом на борту от гордыни, завладевшей разумом летящих на нем политиков.

Источники духовных состояний

Эмоции и смыслы могут внедряться в человеческое сознание извне или зарождаться в нём самом вопреки внешним обстоятельствам. Инициированная КПСС идеология «перестройки» соответствовала желаниям советских людей совершенствовать сложившееся в СССР общественное устройство. А вот атмосфера либеральных реформ была навязана западными идеологами вопреки ожиданиям народа, приведя к столкновению двух смысловых полей: отечественного, где человек человеку друг, и либерального, где всё продаётся и покупается.

Как в таком случае объяснить улучшение духовной атмосферы и демографической ситуации за последние годы, когда стали снижаться преступность, самоубийства, смертность, начала расти рождаемость? Есть три основных гипотезы. Первая – последние пять лет капитализм в России переродился, отказался от греха сребролюбия, стал

нравственным, сделав жизнь большинства людей справедливой, богатой, радостной. Факты этого не подтверждают. Второе – народ переродился, отказавшись от присущей ему любви к воле и бунтарству, предал своих исторических героев, смирился с диктатурой денег и порока, полюбив разврат и батрачество у хозяина. Однако для такой смены архетипа требуется несколько поколений, а пять лет – слишком короткий срок. Остаётся третье объяснение – люди перестают бояться, обнаружив, что завладевший страной капитализм оказался банкротом, не создав за 20 лет господства ничего значительного. Большой бизнес предстал «голым королём» - неэффективным собственником, многократно уступая в производительности труда общенародной собственности. Подтвердилась правота пословицы «не так страшен черт, как его малюют». И чем глубже кризис, тем сильнее радостное ощущение конца затянувшегося абсурда.

Нахождение смысла жизни как радикальное средство демографического возрождения

Однако такая природа демографического улучшения недолговечна, поскольку основана на отрицании, без созидания, и легко может смениться разочарованием. Подобное оздоровление уже наблюдалось в 1994-1998 гг., сменившееся затем резким ухудшением после дефолта. Для полноценной психологической реабилитации требуется радикальное средство – радость строительства желанного общественного строя, идущего на смену капитализму и коммунизму. Весь мир находится в предчувствии его открытия, доказательством чему служит речь президента Франции Саркози на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Кризис и терроризм сняли с «золотого миллиарда» «розовые очки».

Какой народ способен предложить человечеству модель достойного будущего? Запад не смог дать ответа. Вызов принимает Россия – уникальное содружество народов, сумевшее за 150 последних лет пройти через семь экономических формаций («рабство», феодализм, капитализм, военный коммунизм, НЭП, государственный социализм, снова капитализм), шесть форм государственного устройства (абсолютная монархия, конституционная монархия, парламентская республика, Советская республика, власть КПСС, президентская республика) и три вида политических режимов (тоталитарный, анархический, демократический).

Ни одна страна в мире не располагает таким богатым опытом, бесценным при выборе стратегии дальнейшего развития цивилизации. И это – не поражение в «холодной войне», а трудный поиск исторической альтернативы. В нём заключается истинный смысл наших проблем накануне XXI века. Великий советский народ потому и великий, что первым почувствовал необходимость прихода нового строя на смену капитализму и коммунизму. Но мы тогда думали, что у руководства страны есть такой Проект, а его, оказывается, надо открыть и описать. Если не найдём – окажемся в Красной книге истории. Значит, по жизненным показаниям должны открыть.

Россия никому не проиграла, пройдя свой жертвенный путь. Накопленная мудрость дает возможность противопоставить «Вашингтонскому консенсусу» исторически превосходящий его «Российский Проект», открывающий путь к гуманному, справедливому и экономически эффективному строю. На пути к желанному строю Россия способна объединить всё человечество, став лидером в достижении свободной, счастливой и нравственной жизни. Осуществление такой задачи – смысл жизни нынешнего поколения россиян, духовная энергетика которого сопоставима с победой во Второй мировой войне и энтузиазмом послевоенного восстановления.

**Рефлексивность смысловой сферы индивидуальности учащихся
в социокультурном образовательном пространстве
И.Н. Семенов, г. Москва**

Ныне одной из важных социокультурных ценностей является востребованная нынешним обществом успешная личность, обладающая креативной индивидуальностью, что свидетельствуют о социально-экономической необходимости ее целенаправленного формирования у подрастающего поколения в современном образовательном пространстве. Предпосылкой этому служит изучение развития смысловой сферы учащихся, важную роль в регуляции которой играет рефлексия как интегративная психическая функция. Поскольку рефлексия есть процесс самопознания и самопонимания как переосмысления и перестройки Я содержаний своего сознания и отношений с людьми (Семенов, 2009), то субстанциальным единством индивидуальности человека является смысловое поле его индивидуального существования. Это смысловое поле человеческого Я является, с одной стороны, источником его отношения к внешнему миру природы и культуры, а с другой – выражения себя во внешнем мире в актах поведения (посредством речи и поступков) и деятельности (действиях и кооперациях), общения (коммуникации и взаимодействия) и труда (выполнения технологий и применения знаний), ассимиляции и генерации творческих и социально значимых достижений культуры.

Внешний объектный мир презентирован в сознании субъекта индивидуальным строением его внутреннего пространственно-временного континуума, который – как и все психические новообразования – формируется в онтогенезе и трансформируется посредством рефлексии в течение всей жизни человека, образуя динамику его смысловой сферы. С этой внешней социально-нормированной стабильной временной сеткой соотносится мобильно меняющаяся динамика внутреннего индивидуализированного времени, темпоральность которого структурируется значимыми для субъекта событиями, смысловым образом связанными друг с другом в сознании переживающего и рефлексиирующего их субъекта. Тем самым метрика внутреннего времени человека задается динамикой его отношения к происходящим с ним и значимым для него событиям его жизни. Отсюда континуум пространства внутреннего мира человека наполняется этими значимостями объектов для субъекта и возникающими у него к ним смысловыми отношениями. Их наличие в сознании субъекта фиксируется посредством актуализации им и развития смыслов, т.е. их сопряженностью с «Я» как центром внутреннего пространства индивидуальности человека. При этом внешние объекты, благодаря рефлексии, ранжируются субъектом по степени их актуальной значимости и по мере необходимости рефлексивного соотнесения с ними посредством чувства, переживания, мысли, поступка, деяния. В результате «Я» (чувствующее свои состояния и переживающее их, равно как и свои деяния и происходящие с собой события) констеллирует благодаря рефлексии смысловые образы своего «Я». Их содержание, выражая саморазвитие человека, строится им в процессе соотнесения как с миром своей внутренней жизни, так и с внешним объектным миром природы и культуры, с которыми взаимодействует субъект в своей жизнедеятельности.

Тем самым рефлексия, констеллируя образ «Я», представляет собой интегральную внутреннюю характеристику индивидуальности человека, источник его смыслообразования в процессе общения и самообщения, а также точку отсчета для актуализации и осознания им своих отношений ко всему, что происходит с ним как в его внутреннем смысловом пространственно-временном континууме, так и во внешнем окружающем его природно-социальном мире. Самообщение удовлетворяет базовую потребность человека в самопонимании и самооценке, саморефлексии и самосознании, самопознании и самоопределении, самообосновании и самоутверждении своего Я, раскрывающегося в состояниях (желаниях и чувствах, настроениях и переживаниях) и поступках (мыслях и намерениях, целях и действиях, деятельности и деяниях). Самообщение Я осуществляется посредством рефлексии в актах самонаблюдения, самоосознания, самоосмысления,

самоотношения, самосознания. В результате самообщения (характеризующегося множеством возможностей и различных степеней свободы, обретаемых в раскрепощенном аутодиалоге) человеку раскрывается его внутренний, духовный мир и происходит ориентировка в мире внешнем – как социокультурном пространстве его деятельностного бытия. Самообщение обеспечивает также культурно-нравственную идентичность человека, приобщающегося в процессе социализации и образования личности к окружающим ее в социокультурном пространстве человеческим общностям с присущими ими ценностями, обычаями, институциями. Это приобщение в социокультурном пространстве выражается как в усвоении указанных норм субъектом, получающим соответствующее образование, так и сопровождается их присвоением. В ходе него все эти нормы индивидуализируются (становясь «ценностями» - термин Н.И. Непомнящей, 2006) посредством самообщения, когда в результате аутодиалога Я рефлексивно осмысливает проблематику «добра и зла» (« пороков и добродетелей», «греховности и праведности», «лжи и правды») и самоопределяется относительно этих морально-этических максим как ценностных начал смысла человеческой жизни, определяя ориентиры поведения индивидуальности в конкретных ситуациях нравственного выбора. Таким образом, самообщение является экзистенциально-дискурсивным самовыражением Я и, одновременно, рефлексивно-смысловым механизмом индивидуализации человека, обеспечивая развитие его самобытной, самодостаточной и оригинальной индивидуальности в социокультурном, в т.ч. образовательном пространстве.

Исходя из этого, нами проведен ряд психолого-педагогических исследований развития рефлексивности смысловой сферы индивидуальности учащихся в современном социокультурном образовательном пространстве. Первым прецедентом явилось исследование с Г.И. Давыдовой (2000, 2003, 2009) самооценки школьников в процессе их рефлексивно-диалогического взаимодействия с учителями. При этом, исходя из рефлексивно-экзистенциального подхода, была разработана концептуальная модель и реализующие ее психотерапевтические методы рефлексивной поддержки развития школьников в процессе общего образования. Вторым прецедентом явилось изучение с В.Г. Аникиной (2001) проявлений экзистенциальной рефлексии у студентов в процессе преодоления ими проблемно-конфликтных ситуаций поиска решения творческих задач. Их продуктивное разрешение актуализировало индивидуальность целостного Я, рефлексивного не только процесс преодоления проблемности мыслительного поиска, но конфликтность его для субъекта социокультурных взаимоотношений. Для активизации этого процесса были разработаны рефлексивные процедуры, показавшие свою эффективность для развития экзистенциальной рефлексии (как смысловой сферы индивидуальности) в современном социокультурном образовательном пространстве.

Однако, творческое бытие человека в пространстве создаваемой им культуры и развивающейся в историческом времени предоставляет возможность изучать его индивидуальность во всей целостности. Поэтому третьим прецедентом явилось распространение рефлексивно-экзистенциального подхода к изучению развития смысловой сферы творчества крупных ученых в социокультурном пространстве осуществления их профессионально-научной деятельности на рефлексивно-психобиографическое исследование (А.А. Деркач, И.Н. Семенов, А.В. Балаева, 2005) индивидуальности и ее продуктивной самореализации в процессе жизнедеятельности на эмпирическом материале научной деятельности выдающегося психофизиолога начала XX в. Н.Я. Пэрны (1925), создавшего оригинальную ритмологическую теорию творческого развития человека. При этом Н.Я. Пэрна верифицировал эту теорию не только изучением биографий 20 гениев науки и культуры, но и рефлексией собственной творческой автобиографии, феноменологически репрезентированной посредством систематического самообщения в виде многолетних рефлексивных дневников. Результаты рассмотренных прецедентов теоретико-экспериментального и практико-прикладного развития смысловой сферы индивидуальности в социокультурном и образовательном пространстве ее формирования и самореализации показали конструктивность рефлексивно-психологического подхода в рамках новой социо-

гуманитарной парадигмы изучения фундаментальной проблематики психологии смысла жизни⁴.

Литература:

1. Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. - Тамбов: ТГУ, 2001.
2. Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. - М.: РАГС, 2005.
3. Semyonov I.N. Philosophy of humanization of education and reflexiveness of dialog //Humanization of aducation. 2006. N. 3.

Смысл жизни и смыслообразующая активность человека Н.И. Нелюбин, г. Омск

Данная статья представляет собой попытку теоретического рассмотрения смысложизненной проблематики в фокусе смыслообразующей активности человека.

В нашей предыдущей публикации было показано, что «смысл жизни несет в себе функцию катализатора и генератора всех смыслодинамических процессов в смысловой сфере, обеспечивает непрерывность их протекания, создает «коридор неактуализированных возможностей», направляя к нему человека, путем селекции мотивов, ценностей и целей по принципу их соответствия центральной идее существования» [7].

Однако представление об односторонней подчиненности актов смыслообразования центральной идее существования человека, является достаточно спорным. Возможно, как раз смыслообразование является тем психологическим инструментальным действием, с помощью которого человек преодолевает «диктат» смысла актуального существования, маскирующего идею возможной «подлинной жизни». Ведь смысл жизни далеко не всегда очевиден и открыт для «здесь и теперь» понимания. Такая интерпретация смысла жизни убедительно звучит в известном высказывании М.М. Бахтина о том, что «подлинная жизнь личности свершается как бы в точке несовпадения человека с самим собой, в точке выхода его за пределы всего того, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, "заочно"» [1, с.100-101].

Мы не отрицаем, что смысл жизни, выражает индивидуальную ориентацию жизнедеятельности на реализацию определенных ценностей, и задает ценностные контуры проекта жизни. Но если учесть многомерность жизненного пространства человека (А.Г. Асмолов), то смысл жизни представляет собой еще и результат разрешения «противоречия между потенциальным антагонизмом различных векторов жизни и необходимостью их гармоничного сочетания» [6, с. 223]. Разрешение такого противоречия требует от субъекта жизни соотнесения, трансформации, а иногда и дискредитации личностных смыслов, релевантных каждому вектору жизни.

Рассуждая о смысле жизни человека, А.А. Бодалев отмечает, что «под смыслом жизни в психологии понимается отраженная в сознании и переживаниях человека как субъективно предельно значимая для него и превратившаяся в главный регулятор его поведения какая-то ценность, ставшая его собственной, самой большой ценностью» [3, с. 55]. Однако, по замечанию Б.С. Братуся «Подлинная ценность должна быть всегда обеспечена «золотым запасом соответствующего смысла, в противном случае она девальвируется до уровня простой декларации, более того – может стать бутафорией, маскирующей совсем другие устремления» [4, с. 119]. Учитывая этот аргумент, можно сделать заключение, что та или иная индивидуальная концепция смысла жизни доминирует до тех пор, пока она

---

⁴ При поддержке гранта Научного Фонда ГУ ВШЭ: Приоритетный проект 2010 г.

обеспечивается (подкрепляется) примыкающими к ней текущими смысловыми образованиями и переживаниями человека.

К тому же смысл жизни не является по отношению к человеку внешней, экстраперсональной ценностью или идеей, которую следует присвоить. Как отмечает А.М. Лобок: «Смысл... возникает как экзистенциально открытая ситуация: это то, что следует породить... Человек не просто изобретает смысл — он открывает смысл своего невнятного бормотания, он проясняет его и доводит до некоторого уровня ясности. Он изобретает деятельную, но при этом адекватную для своего Я смысловую рамку. И эта смысловая рамка является абсолютно уникальной, единственной. Человек обнаруживает свой уникальный смысл, открывает онтологию своего индивидуального смысла, который не задан, а становится в процессе его деятельностной самореализации [5, с. 33].

Еще одна существенная особенность смысла жизни – это его трансцендентальность, потенциальность (В. Франкл). Он всегда является предметом проектирования, «предвосхищения-предухватывания» (М. Хайдеггер), «про-ицирования и про-брасывания» (Г.Г. Гадамер). Любой «выход» субъекта самопонимания за рамки привычного «жизненного мира», соответствующих ему смыслового окружения и актуального смысла «Я» с необходимостью сопровождается смыслообразующей активностью личности.

Такое описание самопонимания, - как особого рода смыслообразующей активности, направленной на открытие того потенциального смысла, который ускользает от наивной «здесь и сейчас» интроспекции, было предложено еще Ж.-П. Сартром. По его замечанию, самопонимание требует «выхода» к такому смыслу, который лежит за пределами наличного знания о самом себе: «...быть своей собственной возможностью, то есть определяться через нее, – значит определяться той частью самого себя, которой нет, то есть определяться как ускользание-от-себя к... Словом, с момента, когда я хочу дать отчет о моем непосредственном бытии, что оно есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является, я отбрасываюсь за его пределы к смыслу, который оказывается недостижимым и никоим образом не может быть смешиваем с имманентным, субъективным представлением» [8, с. 132].

В рассуждениях К. Ясперса, посвященных проблеме самопознания человека, так же прослеживается идея самотрансценденции: «Человек всегда *больше того, что он знает о себе*. Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой, исходя из которой, человек еще в своем фактическом действовании решает, что он есть» [9, с. 378]. Философ подчеркивает, что в движении смыслу своего существования «человек *прорывается* через пассивность постоянно вновь возникающих тождественных кругов, и от его активности зависит продолжение *движения к незнакомой цели*» [Там же]. Таким образом, смысловые образования задают «... *тот первоначальный план, эскиз будущего, который должен предшествовать его реальному воплощению*» [4, с. 124].

М.М. Бахтин в деталях описывает те внутренние преобразования в субъективном мире человека, которые необходимы для того, чтобы сделать переживание предметом рефлексии: «...я должен выйти за пределы того ценностного контекста, в котором протекало мое переживание, чтобы сделать самую переживаемость, мою душевную плоть своим предметом, я должен занять иную позицию в ином ценностном кругозоре... Я должен стать другим по отношению к себе самому – живущему эту свою жизнь в этом ценностном мире, и этот другой должен занять существенно обоснованную ценностную позицию вне меня (психолога, художника и проч.)» [2, с.100].

А.М. Лобок подчеркивает, что суть «смысложизненного поиска», наиболее полно проявляется «только в... момент обнаружения **своего** индивидуального Я как не совпадающего с теми или иными заранее существующими «мы» — это и есть момент возникновения смысложизненного кризиса» [5, с. 33]. По мнению автора, проблема смысла жизни не актуальна для человека до той поры, пока он пребывает в состоянии идентификации себя с тем или иным «мы». Такое состояние он определяет, как «смысловой

покой». А.М. Лобок считает, что: «Смысл появляется только в точке проблемности. В точке отсутствия чего-то, что и получает имя смысла... Таким образом, «смысл» — это проектный инструмент описания некоего состояния дисгармонии с миром. Проживание вопроса о смысле — это наиболее яркая точка обнаружения человеком своего Я» [там же, с. 30-31]. И далее: «... смысл — это обнаружение абсолютной ценности того, что делает мое Я» [там же, с. 33]. Что возможно только через «... открытие той (смыслонесущей) деятельности, в которой могло бы раскрываться и реализовываться это уникальное Я» [там же].

Подводя итог нашему теоретическому анализу, мы можем сделать следующие выводы:

1. Смысл жизни всегда является результатом преодоления субъектом жизни привычного смыслового окружения в своем «жизненном мире», частичной или полной дискредитации субъектом самопонимания привычной концепции «Я», совпадающей с концепцией «Мы».

Такое преодоление сопровождается образованием новых смысловых связей с проектом нового ценностно-смыслового измерения, в пределах которого проявляется «набросок» индивидуального смысла жизни.

Смыслообразование инициированное «прорывающимся» сквозь привычное смысловое окружение «Я», направлено на ценностное и вербальное усиление тех переживаний, которые являются для человека индикаторами имплицитной «внутренней правде» жизни.

Смысл жизни как результат смысловых преобразований презентуется субъекту в виде ценностно-переживаемой концепции подлинной жизни, требующей деятельного воплощения.

Литература:

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверенцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Бодалев А.А. О смысле жизни человека, его акме и взаимосвязи между ними // Мир психологии. - 2001. - № 2. - С. 54–58.
4. Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 169 с.
5. Лобок. А.М. Деятельность смысла // Категория «смысл» как предмет междисциплинарных исследований. Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 г.) – М.: Смысл, 2005. сс. 26 – 36.
6. Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Личность как предмет философского познания. Философская теория личности и ее психологические и биологические основания. – Новосибирск: Наука, 1984. 320 с.
7. Нелюбин Н.И. Формы существования и осуществления смысла жизни // «Психологические проблемы смысла жизни и акме». Материалы XII симпозиума - www.pirao.ru.
8. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2002. – 640 с. – (Библиотека философской мысли).
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. - М.: Политиздат, 1991.—527 с. - (Мыслители XX в.).

Смысловая природа человеческой психики

С.Г. Бутолин, г. Ижевск

Традиционная научная парадигма, фактически отождествляющая мозговую активность и человеческую психику, требует невозможного – объяснить, как электрическая активность мозга рождает наши мысли и чувства. История психологии дает ясно понять, что это тупиковый путь. Но в таком случае, где искать альтернативу? Думается, что краеугольным камнем в построении храма науки может оказаться ответ на вопрос: «А почему появилась психика?» или «В чем ее смысл?».

Живые существа сами регулируют свой обмен веществ и энергообмен с окружающей средой, т. е. являются автономными системами. Живой организм способен в той или иной мере управлять воздействиями внешней среды, направляя их по определенным каналам, либо смягчая и даже избегая их. Саморегуляция живого организма должна протекать, как минимум, на двух уровнях - уровне внутренней саморегуляции и внешней – регуляции взаимодействий с окружающей средой. Саморегулирующая активность первого уровня может протекать посредством продуцирования самим организмом биохимических сигналов, приводящих в активное состояние соответствующие программы жизнедеятельности. Но на втором уровне саморегуляции картина принципиально иная. Согласно многочисленным экспериментам в области сенсорной физиологии и психофизики внешние раздражители, воздействующие на организм, приводят к возбуждению органов чувств, но не содержат сами по себе ответных эффектов. Иначе говоря, возникает необходимость преобразования внешнего воздействия и вызванного им возбуждения той или иной модальности в определенное значение. Таким образом, внешнее воздействие и вызванное им возбужденное состояние соответствующей модальности должны обладать одним и тем же значением и быть выраженными одним знаком.

Конечно, еще Г. Гельмгольц обратил внимание на то обстоятельство, что когнитивность ощущения требует его понимания в качестве знака. Но в данном случае хочется обратить внимание на следующее – физический стимул и вызванное им состояние возбуждения в нервной системе служат условиями появления знака, но не его источниками. Знак, образ – это явление психической реальности, появление знака – это метаморфоза, переход в качественно и принципиально нечто иное – психическое.

Знак нечто значит и потому способен привести активность организма в соответствие с этим значением. Значение у знака может появиться лишь внутри определенной когнитивной системы. В зависимости от контекста, в котором произошло возбуждение. Отсюда следует, что знак-значение способен быть выразителем отношений человека со средой и, соответственно, средством регуляции этих отношений, учитывая произвольность его употребления. В мире животных значение знака-образа имеет аффективное содержание, ибо выражает связь воспринятого с потребностями организма. Когнитивный аспект знака исчерпывается данными восприятия. В отличие от животных человек живет в мире, а не в окружающей среде. Этот мир представлен в психике аналоговой моделью или образом мира. Образ мира и есть посредник между человеком и миром. Человек, говоря словами немецкого нейробиолога Г. Рота, обладает семантической самореферентностью (самоинтерпретируемой системой). Получаемый в опыте образ мира и его составляющие наделяются, таким образом, приемлемыми значениями, которые выражают познанное. В этой связи когнитивное содержание является основным в значении знака-образа. Аффективное содержание наиболее ярко выступает в так называемом «личностном смысле», который выражает прежде всего значимость знака. Обратим внимание на следующее – образ мира является целостным образованием, все элементы которого связаны друг с другом, следствием чего является многообразие отношений и значений соответственно. Семантическое пространство образа мира и есть константа человеческого опыта, позволяющая одному значению быть выраженным разными знаками, а одним знаком выражать разные значения. Отметим, что в этом нет произвола, ибо все происходит в едином семантическом пространстве или в общем

смысловом поле. Значит, смысл вещи есть следствие ее нахождения в определенной системе координат смыслового образования – образа мира.

В соответствии с вышеизложенным, позволительно рассматривать сознание как смысловую модель мира, которая одновременно есть репрезентация человеческой самости, в поисках которой человек и пребывает всю свою сознательную жизнь.

О детерминистской природе человеческого смысла О.В. Соловьев, г. Луганск, Украина

Онтологический статус человеческого смысла как атрибута человеческого Я, как регулятора высших форм социального поведения, тем не менее, остается, как минимум, не вполне ясным. С одной стороны, он, явно обладая субъективной, психической природой, будучи свободным в определенном пределе от физической детерминации, является фактором, направляющим, векторизирующим, объективно активное, физически осуществляемое поведение человека [2,3,4]. С другой же – он, будучи субъективным психическим явлением, не обладает статусом физического явления, «претендующего» в рамках парадигмы классической физики осуществлять такую детерминацию. В этом случае возникает острая необходимость пояснить функции и механизм активности психических явлений (в том числе и смысла) в контексте общей, объективно осуществляющейся, активности человеческого мозга, реализующего их (а вопрос о каузальной природе явления и оказывается вопросом, во многом определяющим ответ на иной, интересующий нас вопрос о его онтологической природе). Попытка обнаружить подступы к решению этого онтологического парадокса теоретической психологии и является нашей **целью**.

Однако, чтобы обнаружить подступы к решению проблемы, мы должны рассмотреть исследуемый феномен в рамках более широкого познавательного контекста, чем сама психология, а именно, контекста теории информации. В этом случае мы, исследуя любое психическое явление, обнаруживаем в нем чрезвычайно важный его аспект. Действительно, смысл (как и более эволюционно ранние формы субъективной регуляции поведения, к примеру, ощущение, эмоциональная регуляция), оказывается тем фактором переработки информации в человеческом мозге, который обеспечивает именно качественную (в терминах «хорошо – плохо») оценку этой информации [2,4]. Ощущения боли, удовольствия – неудовольствия, например, интегрируют в распределенных в мозге нейронных сетях живой системы лишь информацию, функционирующую в рамках эгоцентрических, ситуативно и преимущественно реактивно проявляемых форм регуляции поведения. Смысл же, как эволюционно наиболее поздний субъективный регулятор уже сугубо социального поведения, является таким его регулятором, который трактуется нами как преимущественно аллоцентрический. Здесь имеется в виду следующее: смысл является такой формой качественной оценки информации, фиксированной в мозге, а, в связи с этим, и такой формой ее интеграции, который способен интегрировать не столько биологически значимую информацию, сколько информацию о внутреннем (психическом, субъективном) «мире» других людей. Открытые нейрофизиологией так называемые «зеркальные нейроны» [5], преимущественно обнаруживаемые во фронтальной коре, при их раздражении как раз и демонстрируют возможность живого существа фиксировать в своем мозге информацию, функционирующую в мозге другого существа. В самом деле, если определенные нейроны фронтальной коры мозга обезьяны возбуждаются в случае если она либо сама осуществляет определенное действие, либо если она видит, что кто-либо осуществляет это же самое действие, то не является ли это свидетельством того, что обезьяна уже способна переживать двигательный опыт другого. Но если такая «считывающая» информацию с мозга другого существа способность нейронной сетевой активности существует для двигательного опыта, почему бы не предположить, что эта же способность может осуществляться и для других форм психической активности. Шизофрения характеризуется нарушением психической функции самоидентификации и, в связи с этим, потерей возможности осмысленно

действовать в соответствии с социальным (смысловым) контекстом. Тогда возникает вопрос: не может ли это быть свидетельством того, что больной уже не является способным формировать свои собственные действия в соответствии с уже не функционирующим «внутри его» собственным смыслом, сформированным на основе социальных ценностей как обобщенных ценностей человеческих индивидов.

Итак, смысл оказывается психическим феноменом, который наиболее «приспособлен» к содержательной специфике современных демократизирующих социальных процессов. Он оказывается способным «вписывать» индивида в социальную структуру уже не посредством преимущественно переживания страха (что наиболее ярко проявилось, например, в функционировании государств ацтеков, Карфагена, фашистской Германии, СССР времен Сталина), но посредством личного («свободно выбранного») смысла индивида, учитывающего интересы других участников социального процесса. Ясно, в этом случае механизм регуляции социальной структурности оказывается наиболее толерантным по отношению к индивидуальному человеческому бытию, ибо в регуляцию индивидуального человеческого поведения теперь включаются смыслы, ценностные ориентации, мотивации, влечения других участников социального процесса. И поскольку они включаются в эту регуляцию добровольно, ибо смысл по природе своей является «результатом» личностного выбора, постольку мы имеем возможность констатировать некий двойной положительный эффект. С одной стороны, смысл, как собственный психический регулятор собственного поведения, оказывается предельно толерантным к своему обладателю, с другой – он, будучи сформирован на учете ценностей Другого, оказывается толерантным к Другому.

Смысл, как психическая форма регуляции социальных отношений, таким образом, оказывается лишенной дихотомии «жертва – ее преследователь», повсеместно проявляемой даже и в современном социальном устройстве. Функция же управления социальными процессами в этом случае постепенно передается от надличностных социальных институтов в пользу уже готового к социальной саморегуляции индивида. И эта саморегуляция теперь способна осуществляться посредством собственного смысла свободного существа, уже по «собственному произволу» включающего ценности Другого в собственные каузальные (причинно-следственные) отношения с «собственным» социумом.

Однако нас, должна интересовать сейчас не только сугубо социальная функция смысла. Нас уже должно заинтересовать то, каким образом смысл становится тем средством психической регуляции объективно (физически) осуществляемого, социально адекватного поведения, который обладает статусом каузального посредника между физической и социальной реальностями как таковыми. Иными словами, нас должно заинтересовать то, каким образом социальная процессуальность посредством человеческих смыслов способна воздействовать на физический мир (в том числе и на ландшафты Земли). И в данном случае мы должны исследовать информационные процессы в человеческом мозге. Они-то, как нам кажется, и интегрируют социально-историческую информацию, в том числе и посредством реализуемых фронтальной корой смыслов. И когда мы говорим о смысле, мы, не забывая того факта, что в каждом когнитивно сложном действии задействованы почти все структуры головного мозга, должны, все же, указать именно на нейронные сети фронтальной коры, как сети, реализующие этот психический регуляторный феномен, а вместе с ним и все результаты его объективной проявленности в социуме. Нарушения фронтальной коры и сопутствующие ему нарушения лимбической области мозга указывают на то, что в психическом процессе, лишенном смысловой регуляции, становится неосуществимой интеграция прошлого, прижизненно полученного, опыта субъекта, нейронные сети которого в данном случае остаются в сохранности [1].

Итак, наше обобщающее утверждение будет следующим: онтологию смысла (способ его существования) следует считать онтологией информационного процесса, реализуемого средствами психики в человеческом мозге, и интегрирующего социальную информацию для адекватной каузальной «вписанности» человека в социум.

Литература:

1. Лурия А.Р. Язык и сознание. – Ростов - на Дону, Феникс.- 2002 – 413 с.
2. Соловьев О.В. Человеческое Я в «просвете» физического закона // Вопросы философии. – №11, 2008.
3. Соловьев О.В. Человеческое Я и его неистинна.- К.: Ника-центр, 2007.
4. Соловьев О.В. О причине исторической трансформации содержаний человеческой психики // Мир психологии.- №1.-2009. С.199-209.
5. Rizzolatti G., Fadiga L., Fogassi L., & Gallese V. (1999). Resonance behaviors and mirror neurons. Archives Italiennes de biologie, 137, 83-99.

Взаимосвязь смысложизненного кризиса и нереалистичной перспективы будущего К.В. Карпинский, г. Гродно, Беларусь

С позиций субъектного подхода становление личности представляется процессом прогрессивного субъектогенеза, сущность которого состоит в зарождении и развитии все более мощных по своим отражательным и регулирующим функциям психических структур, процессов, механизмов. Эти психические новообразования выступают в качестве «функциональных органов» субъекта, обеспечивающих все более полное, точное и глубокое познание жизненного мира и жизненного пути, опосредствующих овладение все более сложными формами поведения, деятельности и жизнедеятельности. Неотъемлемым атрибутом личностного развития являются нормативные и ненормативные кризисы, которые в свете субъектного подхода могут рассматриваться как обусловленные неразрешимыми либо неразрешенными противоречиями состояния ослабленного регуляторного потенциала личности, т.е. функционального дефицита или спада субъектности. Любой кризис предполагает интенсивные, субъективно болезненные перестройки содержательных и структурно-функциональных параметров психических структур личности, и поэтому закономерно сопровождается дизрегуляцией ее поведения и деятельности.

Кризисы личностного развития объективно различаются тем, какие именно регуляторные процессы, структуры и механизмы дисфункционализируются, и на каких конкретно видах поведения и деятельности негативно сказываются эти дисфункции. В особую группу выделяются жизненные, или биографические кризисы, которые характеризуются рядом общих признаков. Они производны от противоречий, возникающих в системе объективных отношений человека с собственной жизнью как целым; включены в процесс развития личности как субъекта жизненного пути, а не парциальных видов поведения и деятельности; сопряжены с дисфункцией особых психобиографических процессов, структур и механизмов, которые конституируют систему психической регуляции жизненного пути; причастны к дезорганизации жизнедеятельности – особой деятельности, направленной на преобразование личностью собственной жизни в соответствии с ее смыслом в индивидуальный жизненный путь.

Наиболее тяжелой формой биографического кризиса является смысложизненный кризис. Он порождается непреодолимыми либо непреодоленными затруднениями в поиске и практической реализации личностью смысла жизни, которые resultируют в: 1) отсутствии смысла жизни и невозможности его обрести; 2) утрате ранее приобретенного смысла жизни; 3) переоценке смысла жизни, не адекватного по своим содержательным и формальным (структурным, функциональным, темпоральным, энергетическим) свойствам. Этот кризис играет драматичную роль в психологической судьбе личности, потому что смысл жизни служит функциональным «ядром» и системообразующим компонентом психической регуляции жизненного пути, на которой базируется способность личности быть субъектом собственной жизни. Кризис неизбежно влечет за собой деформацию и распад отдельных психобиографических структур, дезинтеграцию и функциональное угнетение целостной

системы психической регуляции жизненного пути и, как следствие, «десубъектизацию» личности.

Одной из психобиографических структур личности, участвующей в регуляции жизненного пути, является жизненная перспектива. Она определяется как интегральная форма психического отражения личного будущего, которая включает и когнитивные репрезентации, и мотивационно-смысловое отношение к возможным событиям будущего, упорядоченным на оси биографического времени. Результаты проведенного нами цикла исследований свидетельствуют, что под влиянием кризиса жизненная перспектива личности претерпевает существенные изменения. Они прослеживаются практически по всем ее параметрам, значимым для регуляции жизненного пути: временной протяженности (глубине), событийной и смысловой насыщенности, структурированности (связности), оптимистичности, согласованности и реалистичности. Общая закономерность, которой подчиняются трансформации жизненной перспективы в кризисный период, заключается в том, что регуляторные параметры отклоняются от функционального оптимума. Под функциональным оптимумом в данном случае понимается такая выраженность параметров жизненной перспективы, при которой она наиболее эффективно осуществляет свои регулирующие функции и максимально способствует продуктивной жизнедеятельности личности. Установлено, что кризис смысла жизни производит сдвиги двух типов, по-своему ухудшающих регуляторный потенциал жизненной перспективы. Первый и наиболее распространенный тип – сдвиги, ведущие к снижению выраженности регуляторных параметров и создающие своего рода функциональную недостаточность жизненной перспективы. Реже встречаются сдвиги другого типа, связанные с неоптимальным повышением выраженности регуляторных параметров и придающие жизненной перспективе функциональную избыточность.

В рамках настоящей статьи проанализируем взаимосвязь смысложизненного кризиса с таким параметром жизненной перспективы, как реалистичность. Реалистичная перспектива строится преимущественно из жизненных целей, сложность которых сбалансирована с реальными возможностями личности. Эквивалентом реалистичности является осуществимость жизненной перспективы за счет средств и сил самой личности как субъекта жизни. Точный прогноз необходим, но недостаточен для построения реалистичной картины будущего. Необходима также способность личности соединять настоящее и будущее каузальными и инструментальными связями, в которых настоящее фигурирует в качестве задела и ресурса, необходимого для претворения в жизнь перспективных намерений. Ориентируя личность в этих связях, реалистичная жизненная перспектива помогает эффективно сосредотачивать усилия на наиболее вероятных направлениях самореализации и кумулятивно наращивать продуктивность жизненного пути.

Общая теоретическая гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что между интенсивностью протекания смысложизненного кризиса и реалистичностью жизненной перспективы личности существует взаимосвязь. На ее основе были сформулированы частные гипотезы: 1) с нарастанием силы смысложизненного кризиса в развитии личности реалистичность жизненной перспективы снижается; 2) падение уровня реалистичности жизненной перспективы в кризисный период проявляется как в неадекватном завышении, так и в несоразмерном занижении трудности жизненных целей по сравнению с индивидуальными возможностями их достижения; 3) нереалистичная перспектива будущего выступает фактором развития кризиса смысла жизни и, наоборот, смысложизненный кризис является детерминантой нереалистичной жизненной перспективы.

Выборку исследования составили 159 человек в возрасте от 20 до 54 лет, в том числе 96 женщин и 63 мужчины. Эмпирический материал собирался с помощью опросника «Смысложизненный кризис», измеряющего интенсивность, глубину устойчивость и генерализацию характерных для кризиса переживаний, и авторской психобиографической методики «Жизненные цели», диагностирующей в ряду прочих показателей уровень реалистичности жизненной перспективы. На первом этапе выполнения данной методики

испытуемый формирует перечень значимых для него жизненных целей без ограничения их количества, временного диапазона, принадлежности к сферам жизни. Далее он оценивает эти цели по заданному набору критериев, в том числе по трудности и по наличию возможностей реализации, используя восходящую шкалу от 1 до 100 баллов. Реалистичность жизненной перспективы рассчитывается как мера согласованности субъективных оценок трудности жизненных целей с субъективными оценками личных возможностей их достижения. Математическим показателем реалистичности служит коэффициент ранговой корреляции τ -Кендалла между оценками трудности и ресурсообеспеченности по всем целям, выделенным конкретным испытуемым. Он принимает значения в диапазоне от -1 до 1, что соответствует минимальной и максимальной реалистичности жизненной перспективы.

С целью проверки первой гипотезы был проведен корреляционный анализ взаимосвязи силы смысложизненного кризиса и реалистичности жизненной перспективы на данных всей выборочной совокупности (за вычетом 7 испытуемых, для которых из-за малого числа названных целей подсчет показателя реалистичности был невозможным). Его результаты свидетельствуют о том, что с интенсификацией кризиса возрастает степень рассогласования сложности намечаемых целей и объема осознаваемых личностью прагматических ресурсов, т.е. желаемое будущее все больше отрывается от самооценки реальных возможностей ($R = -0,46, p \leq 0,000000, N = 152$). Однофакторный дисперсионный анализ подтвердил, что интенсивность протекания кризиса значимо влияет на степень реалистичности жизненной перспективы ($F = 31,91, df = 2, p \leq 0,000000$). В бескризисной группе испытуемых среднее значение показателя реалистичности равняется 0,73, что указывает на высокую коррелированность их жизненных притязаний и возможностей. Для группы испытуемых со слабо выраженной симптоматикой кризиса это значение уменьшается до 0,11, а в кризисной группе – «проваливается» до -0,76, что говорит о потере способности координировать трудность жизненных целей с возможностями их достижения.

Выше уже упоминалось, что реалистичность жизненной перспективы интерпретируется нами как осуществимость, достижимость жизненных целей с учетом «взвешенных» в самооценке индивидуальных возможностей личности. С формально-математической точки зрения это можно представить в виде отношения: реалистичность жизненной перспективы = субъективная оценка личных возможностей достижения жизненных целей / субъективная оценка трудности достижения жизненных целей. Отсюда следует, что реалистичность должна увеличиваться с повышением самооценки возможностей и понижением субъективной трудности целей, и, наоборот, реалистичность должна уменьшаться с ростом субъективной трудности целей и падением самооценки возможностей. Корреляционный анализ выявил наличие слабых, но статистически значимых взаимосвязей силы смысложизненного кризиса с усредненными оценками трудности жизненных целей ($R = 0,17, p = 0,032, N = 159$) и личных возможностей их достижения ($R = -0,25, p \leq 0,0014, N = 159$). Обращает на себя внимание то, что по мере усиления кризиса смысла жизни субъективная трудность целей набирает восходящую динамику, а самооценка личных возможностей – нисходящую динамику. Такая разнонаправленная динамика как раз и порождает разрыв между трудностью целей и самооценкой возможностей, что, в конечном итоге, искажает реалистичное видение личностью собственного будущего. Оно превращается в мир идеализированных проектов и несбыточных фантазий, а его негативное влияние на текущую жизнедеятельность выражается в том, что личность утрачивает способность различать реальные (высоковероятные) и идеальные (маловероятные) пути самореализации.

В общем случае нереалистичность перспективы проявляется в том, что притязания, вытекающие из жизненных целей, не уравновешены наличными возможностями личности. Далее можно выделить два типа низкого реализма в содержании жизненной перспективы: в одном из них трудность жизненных целей перевешивает уровень реальных возможностей личности, а в другом случае уровень трудности жизненных целей не раскрывает и не исчерпывает все реальные возможности личности. С учетом полученных результатов может

показаться, что в условиях кризиса наиболее распространенным является первый вариант нереалистичной жизненной перспективы, для которого характерно сочетание высокой трудности жизненных целей с низкой самооценкой возможностей их достижения. Однако это вступает в противоречие с психологическими концепциями, которые в качестве последствий смысловозжизненного кризиса обсуждают эскапизм (склонность к избеганию трудностей и предпочтение путей «наименьшего сопротивления») (В.Франкл), доминирование гомеостатических тенденций в поведении (К.Обуховский), стремление к минимизации сложности жизни путем регулярного выбора прошлого (С.Мадди), снижение уровня жизненных притязаний (К.А. Абульханова) и т.д. За всеми перечисленными феноменами может скрываться второй вариант нереалистичной жизненной перспективы, которому присуще несоразмерное реальным возможностям личности упрощение ее жизненных целей.

Для выяснения вопроса о том, какой из вариантов нереалистичной перспективы типичен для личности в кризисный период, был предпринят следующий исследовательский ход. Из выборочной совокупности была выделена группа испытуемых, набравших более 113 баллов по опроснику смысловозжизненного кризиса, что в сравнении с тестовыми нормами говорит о высоком уровне выраженности кризиса (61 человек в возрасте от 20 до 49 лет, в том числе 37 женщин и 24 мужчины). В зависимости от соотношения средней трудности достижения жизненных целей с усредненной оценкой личных возможностей эти испытуемые были классифицированы на две категории. В одну категорию вошли лица с первым типом нереалистичной жизненной перспективы (трудность > возможностей), другую категорию составили лица со вторым типом нереалистичной жизненной перспективы (трудность < возможностей). У трех испытуемых было зафиксировано равенство показателей трудности и возможности реализации жизненных целей, и эти случаи были исключены из дальнейшего анализа. Среди оставшихся наблюдений частота встречаемости первого типа нереалистичной перспективы составила 36 случаев (62 %), второго типа – 22 случая (38 %). Сопоставление данного эмпирического распределения частот с теоретически ожидаемым равномерным распределением при помощи критерия χ^2 -Пирсона показало, что в кризисной группе испытуемых первый тип нереалистичной жизненной перспективы преобладает над вторым типом лишь на уровне статистической тенденции ($\chi^2 = 3,37$, $df = 1$, $p < 0,066$). Это значит, что при остро протекающем кризисе нереалистичность перспективы проявляется как в преувеличении, так и в приуменьшении трудности жизненных целей по сравнению с реальными возможностями личности. Скорее всего, это обусловлено расстройством механизмов смысловой регуляции процессов постановки жизненных целей, а также практической деятельности, призванной воплощать эти цели в действительность.

Корреляционный дизайн настоящего исследования не позволяет делать направленные выводы о причинно-следственных отношениях смысловозжизненного кризиса с жизненной перспективой. Однако с теоретической точки зрения логично предполагать не только деформирующее влияние кризиса на параметры жизненной перспективы, но и обратную детерминацию, при которой неоптимальный по своим регуляторным параметрам образ личного будущего играет ключевую роль в возникновении кризиса. Тем более, данные однофакторного дисперсионного анализа демонстрируют сильное влияние уровня реалистичности жизненной перспективы на интенсивность и глубину переживаний, специфичных для кризиса смысла жизни ($F = 35,75$, $df = 2$, $p \leq 0,000000$). Если в группах испытуемых с высоким и умеренным реализмом в отношении будущего сила переживания кризиса примерно одинакова ($M = 102,44$ и $M = 102,67$ баллов соответственно), то у испытуемых с нереалистичной перспективой симптоматика смысловозжизненного кризиса резко обостряется ($M = 127,2$ баллов). Вероятно, кризисогенный потенциал нереалистичной перспективы выражается в том, что она направляет жизнедеятельность личности на неадекватные ее возможностям жизненные цели. Преследование целей, которые значительно превышают индивидуальные возможности, становится для личности источником хронической фрустрации, разочарования и неудовлетворенности жизнью, а впоследствии

оборачивается смысложизненным кризисом. Такой кризис можно рассматривать как кризис нереализованности, поскольку в его основе лежит неудача в осуществлении смысла жизни, обусловленная неверным выбором жизненных целей, планов, программ. Не менее опасна ситуация, когда трудность перспективных целей занижена по сравнению с реальными возможностями личности. Таким целям гарантирована относительно легкая реализация, которая приносит ощущение осмысленности и удовлетворенности жизнью, но, вместе с тем, таит угрозу быстрого мотивационного истощения жизненного замысла личности. В данной ситуации также высок риск развития смысложизненного кризиса по типу кризиса опустошенности, исчерпанности.

Таким образом, прослеживается двусторонняя зависимость между уровнем реалистичности жизненной перспективы и подверженностью личности кризису смысла жизни. С одной стороны, недостаток реализма в представлениях о собственном будущем дезориентирует текущую жизнедеятельность личности, мешает эффективной самореализации и, как результат, губит чувство осмысленности жизни. С другой стороны, смысложизненный кризис за счет нарушения смысловых механизмов целеобразования, планирования и программирования жизненного пути препятствует построению реалистичной перспективы будущего, соотношенной с фактическими возможностями личности. В заключение необходимо подчеркнуть, что только реалистичный взгляд на будущее помогает личности разделять перспективные и тупиковые направления самореализации в настоящем, поддерживать на высоком уровне продуктивность текущей жизнедеятельности, а значит, является залогом устойчивого переживания удовлетворенности и осмысленности жизни.

Смысл жизни как источник счастья сегодня и в будущем **В.И. Меренков, г. Москва**

1. В XXI веке люди столкнулись с ростом числа стрессогенных ситуаций – стихийных бедствий, терактов, социальных конфликтов. Сила их возрастает в критические моменты нескольких циклов, которым подчиняется функционирование общества (примеры таких моментов – экономический кризис с последующей безработицей; перелом в цикле «реформы-контрреформы», с резкой сменой правовых и социальных практик; максимум цикла активности Солнца, около 11 лет). Особенно сильны нагрузки на психику человека при совпадении нескольких критических моментов (например, в 2009, 2013, 2025 годах) (Пантин, 2009). Все это происходит на фоне деградации человека (физической, нравственной и т.д.) в связи с ускоряющимся упадком нашей техногенной потребительской цивилизации (ТПЦ). Плодотворно действовать в этой психологически мобилизующей ситуации как отдельный индивид, так и здравомыслящая часть общества могут, опираясь на достаточно разработанные за последние 15 лет психологию смысла жизни и психологию счастья (Чудновский, 2006; Джидарьян, 2001; Меренков, 2002, 2004).

2. В.Э. Чудновским было установлено (а затем развито другими) следующее: а) смысл жизни обеспечивает (относительно, а иногда и абсолютно) эмансипированность человека от «внешнего» и «внутреннего» (речь идет о смысле жизни со структурой «монолит», или «главный смысл - малые смыслы», или «сплав»); б) адекватный смысл жизни дает индивиду удовлетворенность жизнью и даже – при отсутствии внутренних помех – счастье. Он адекватен, если реалистичен (осуществим в реальной жизни и соответствует индивидуальным возможностям) и если конструктивен (способствует развитию человека и удовлетворению его потребностей); в) смысл жизни неподвластен обстоятельствам, если он достаточно обобщен (примеры максимально обобщенных смыслов – добро, истина, красота, как у «самоактуализирующихся личностей» А. Маслоу). Он работает как буфер, преобразующий внешние и внутренние воздействия на индивида в информацию для принятия решения в соответствии с его

потребностями; либо в мотивы, служащие осуществлению смысла жизни; г) смысл жизни индивида – не просто принятая им и несомненная для него идея, ставшая для него основной жизненной ценностью, но и порожденная ею сверхзадача жизни, главная цель; и при этом его доминирующая потребность, уже третьего уровня.

3. Из 2. видно, что человек, которому повезло обрести смысл жизни описанного там типа, устойчив по отношению к практически любым воздействиям внешней среды и изнутри (аналогичной позиции придерживался и В. Франкл). Поэтому вне экстремальных ситуаций для него характерны удовлетворенность жизнью и состояние счастья того или иного рода. Однако, если в обычных условиях индивид может собственными усилиями сделать свою жизнь счастливой (Джидарьян, 2001; Меренков, 2002), то смысл жизни он самостоятельно сформировать у себя не может. Пока он может это сделать только с помощью психотерапевта (примеры – логотерапия у В. Франкла, социореабилитация у Н.Л. Карповой).

4. Постепенно стало понятным, что из 22 групп смыслов жизни, реально присутствующих у людей сегодня (Меренков, 2004), перспективны, прежде всего для молодежи, три вида смыслов жизни: смыслы успеха (разного рода), привязанные к функционированию ТПЦ; смыслы частной жизни (семья, призвание); смыслы, связанные с участием в становлении стихийно возникающей «экологической» цивилизации с ее ценностями (деятельная любовь к природе, принципиально иной образ жизни, иной характер межличностных отношений, экология человека, и т.п.). Третий вид станет, видимо, доминирующим для социально ориентированной молодежи.

5. Счастье индивида является критерием степени верности избранного им жизненного пути. В последние 25 веков возникавшие у единиц смыслы жизни постоянно трансформировались в доминирующие потребности массовых групп населения («Что есть истина?», 2003). А именно удовлетворение этих потребностей в их динамике и при благоприятных условиях приносило человеку счастье (Меренков, 2002). Историческим примером появления таких общих благоприятных условий являются реформы в России в 1860-х годах (появилась доступность образования и предпринимательства для многих). Однако в нынешней нестабильной (глобально и локально) ситуации появление счастья, пусть временного, крайне затруднено. Опору дает только смысл жизни того типа, который охарактеризован в 2. А, например, широкие социальные смыслы (описанные Г.А. Вайзер) не могут быть полноценно реализованы в рамках существующих в мире цивилизаций (семи) и социально-экономических систем.

6. Наличие смысла жизни, охарактеризованного в 2., временами приносит человеку и дополнительное счастье: от того, что он осуществляет свой смысл жизни, невзирая на помехи, «верен себе»; от «промежуточных» достижений на пути осуществления смысла жизни; от самого продвижения по пути осуществления смысла жизни.

Литература:

1. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб., 2001.
2. Меренков В.И. Моделирование стихийно возникшего счастья. Его динамика и содержание // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 2. М., 2002. С. 4-17.
3. Меренков В.И. О выборе смысла жизни в современную эпоху // Смысл жизни: 10 лет поиска. Часть 1. М., 2004. С. 60-72.
4. Пантин В.И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века. Р/Д, 2009.
5. Что есть истина? М., 2003. С. 338-340, 366-370.
6. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни. М., 2006.

Духовный мир личности и виртуальная реальность **В.С. Писчиков, М.М. Холин, г. Кривой Рог, Украина**

В бытие современного человека и общества, начиная с середины XX столетия, все шире и глубже входит виртуальная реальность⁵. Масштабы и характер этого процесса, непосредственно вызванного появлением компьютера и интернета, таковы, что дают основания говорить о виртуализации бытия и формировании нового типа личности – виртуализированной личности. Амбивалентный характер воздействия виртуальной реальности на личность обуславливает неоднозначность и противоречивость трансформаций, осуществляющихся при этом в ее (личности) духовном мире, включая мировоззрение и сферу смысложизненных ценностей.

1. Пребывание индивида в виртуальной реальности, прежде всего компьютерной, имеет существенные последствия для мировоззренческо-аксиологической компоненты его духовного мира. С одной стороны, значительно расширяются возможности получения более разнообразной и обширной информации о мире и человеке, что делает более содержательным эмпирический базис, на котором строится, а затем и развивается мировоззрение и система ценностных ориентаций личности. С другой же стороны, виртуальная реальность объективно способствует завышенной оценке, пребывающим в ней индивидом, информационной составляющей своего духовного мира в ущерб аксиологической, а это, в свою очередь, вызывает девальвацию мировоззренческих и подлинных смысложизненных ценностей. Аналогичное следствие обуславливается и зависимостью компьютерной виртуальной реальности от ее технической и технологической основы. Такая зависимость объективно подпитывает и усиливает в сознании личности свойственную современной культуре технократическую тенденцию.

2. Существенные трансформации происходят под влиянием виртуальной реальности в сфере творческой самореализации личности. Незапрограммированные интерактивные виды виртуальной реальности значительно усиливают и расширяют творческий потенциал личности, позволяя ей быть активным участником виртуальных событий, конструируя их по своему усмотрению. Такая практика не только развивает творческие способности личности, но и формирует у нее в качестве установки ориентацию на творческое восприятие и отношение к действительности, включая и не виртуальную реальность. Однако своего рода побочным негативным следствием данного процесса может стать неосознаваемая индивидом подмена подлинной свободы самореализации субъективным произволом и своеволием, а творчества – манипулированием виртуальными объектами, то есть, по сути, внешней имитацией творчества. Причина такой подмены кроется в отсутствии объективных препятствий в процессе «перезагрузки» индивидом виртуальной реальности и открывающейся при этом возможности неоднократно все изменить, начиная заново. В результате этого индивид невольно «привыкает к легкости и вседозволенности, ...снижению ценности объектов и субъектов виртуального мира, и это мироощущение может, по всей видимости, переноситься на мир константный» [3, с. 16-17]. Ситуация выглядит принципиально иначе в неинтерактивных виртуальных реальностях, где индивид выступает в роли потребителя, которому уже все дано в готовом, неизменном виде. Реальности подобного рода предоставляют широкие возможности для творческой самореализации лишь тем, кто программирует и конструирует их.

3. Изменения принципиального характера вызывает виртуальная реальность и в сознании личности, прежде всего в чувственно-эмоциональной его сфере. Так, под влиянием в значительной степени искусственной цветовой и звуковой гаммы, характерной для виртуальных объектов в технической системе, постепенно перестраиваются органы чувств,

---

⁵ В понимании виртуальной реальности мы разделяем позицию тех авторов, которые определяют ее как актуальную, субъективную или объективную, реальность, естественно возникающую или искусственно конструируемую на основе исходной (константной) и призванную ее замещать [4, 5, 2].

нервная система и мозг индивида, воспринимая объекты константного жизненного мира как невыразительные, блеклые и унылые. Отсюда стремление индивида к неестественности и чрезмерности в его эстетических предпочтениях.

Расширяя границы творческой свободы, виртуальная реальность предоставляет индивиду возможность создавать желаемые в эмоциональном отношении ситуации и атмосферу. Неосознанное же стремление к душевному комфорту ориентирует при этом индивида на все то в конструируемой им реальности, что вызывает позитивные эмоции и исключает негативные. Превращаясь в установку, такая ориентация может сделать индивида эмоционально неотзывчивым, черствым за пределами виртуального мира.

Среди изменений в когнитивной сфере духовного мира индивида наиболее значимы связанные с такой характеристикой виртуальной реальности, как ее актуальность, которая предполагает практически действенное поведение в конкретной ситуации. При несомненной позитивности такой ориентации для жизнедеятельности индивида она имеет и обратную сторону, формируя и развивая у него способность мыслить по преимуществу прагматично и ситуативно. Это не только ограничивает его интеллектуальные возможности, но и негативно сказывается на формировании и развитии у него рефлексии, которая оказывается невостребованной.

4. Систематическое и длительное пребывание индивида в виртуальной реальности, особенно компьютерной, может столь радикально изменять его сознание, жизненный опыт и поведение, что правомерно говорить о наметившейся тенденции формирования нового типа личности – «виртуализированной личности» с характерным для нее образом окружающего мира [1, с. 29-30]. Такой личности свойственны иные, существенно отличающиеся от традиционных представления о существовании, пространстве и времени, свободе, характере личностных взаимоотношений и других, жизненно важных понятиях и ценностях. Восприятие сквозь их призму жизненного мира порождает в сознании личности неадекватный образ его, по многим параметрам уступающий виртуальному миру. Как следствие этого складывается негативное, отчужденное, отношение личности к окружающему миру: стремление либо дистанцироваться от него, уйдя в виртуальный мир, либо переделать его по меркам виртуального. Таким образом, есть основания утверждать, что «под влиянием виртуальной реальности как результат изменения сознания личности, формируются новые типы социально значимого поведения» [1, с. 29], которые амбивалентны по своему характеру и социальной направленности.

Литература:

1. Бондаренко Т.А. Трансформация личности в условиях виртуальной реальности. – Ростов-на-Дону, 2006.
2. Воробьев Д.В. Виртуальная реальность: бытие и ничто. – Н. Новгород, 2007.
3. Ковалевская Е.В. Виртуальная реальность: философско-методологический анализ / Автореф. дис. – М., 1998.
4. Носов В.М. Виртуальная реальность // Вопросы философии. – 1999. – №10. – С. 152-164.
5. Розин В.М. Виртуальная реальность как форма современного дискурса // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. – М., 1997. – С. 56-64.

Аутомортальная тревожность как фактор смысла жизни Т.А. Гаврилова, г. Уссурийск

В целях продвижения в исследованиях танатопсихологической проблематики, актуальность исследования которой обусловлена ростом симптомов обесценивания людьми ценности собственной жизни (рост числа самоубийств, наркотизация и алкоголизация, погруженность в виртуальный мир, увлечение экстремальными видами досуга и

танатической тематикой масс-культурных продуктов), представляется полезным выделить особый вид тревожности, связанный с осознанием человеком факта неизбежной конечности личного существования. Этот вид тревожности предлагается назвать аутомортальной тревожностью (АМТ) и концептуально отграничить его от таких понятий, как страх или тревога смерти. Основания для отграничения аутомортальной тревожности от понятия «страх» усматриваются в том, что с точки зрения сложившейся психологической традиции и современных нейробиологических данных страхом определяют такие реакции на угрозу, которые связаны с оценкой близости объекта угрозы, его определенностью и однозначно аверсивной стимуляцией активности. Тревога (тревожность) же выступает как реакция на отдаленную и неопределенную угрозу и допускающую возможность активности по направлению к объекту угрозы с целью его исследования. В этом смысле отношение человека к своей конечности в нормативных обстоятельствах его жизни рассматривается нами как отношение к угрозе, которая относительно далека, неопределенна и допускает развитие познавательной деятельности по направлению к ней. Вместе с тем, термин «тревога смерти» несколько расширяет область угрозы, распространяясь на такие аспекты, как тревога по поводу умирания, тревога по поводу смерти близких людей или тревога по поводу посмертного наказания. Введение понятия аутомортальной тревожности позволяет сосредоточить внимание на том, что известные танатопсихологи [9;10] называют сутью тревоги смерти - тревоге по поводу личного исчезновения, аннигиляции.

Несмотря на наличие интереса к исследованиям проблем тревожности в целом, их у нас пока еще явно недостаточно [3, с.11]. Тем более это касается исследований страхов и тревог, связанных со смертью, которые в последнее время стали все чаще становиться предметом отдельных исследований [1;2;4;5;8], но которые пока отличаются эмпирической направленностью и еще не затрагивали в должной мере общетеоретических аспектов.

Не останавливаясь подробно на концепции АМТ, дабы не уйти от далеко от целей данной статьи, следует указать, что она имеет свою психологическую специфику, структуру и виды (см. подробнее [1]).

Одним из практически значимых аспектов АМТ является вопрос о ее влиянии на психическое и психологическое здоровье личности и ее развитие. На сегодняшний день имеются две противоположных точки зрения на этот счет. Некоторые философы (Ж.-П. Сартр), психологи (Норман О. Браун), психиатры (Дж. Рейнгольд) квалифицируют страхи и тревоги по поводу смерти как деструктивные факторы, негативно влияющие на здоровье и развитие личности. По Сартру, смерть вообще обесмысливает жизнь, так как ограничивает возможности для самореализации. Интрапсихологические защиты от АМТ при такой трактовке представляются единственным условием адаптации и развития личности, а смысл жизни – особой формой этих психозащитных образований.

Другая точка зрения, идущая от С.Кьеркегора, М.Хайдеггера и П.Тиллиха, и развиваемая экзистенциалистски ориентированными психологами и психотерапевтами (Г.Грининг, Д.А.Леонтьев, Р.Мэй, С.Мадди, И.Ялом), – наоборот, – подчеркивает, что тревога по поводу личной смертности является одним из онтологических оснований существования человека, она неустранима и выполняет конструктивную, способствующую поиску и обретению индивидуального смысла существования роль. В рамках этого подхода принятие АМТ, а не защита от нее, полагается условием и проявлением личностного роста, подлинного существования человека.

Особенностью данного подхода является указание не столько на важность для осмысления жизни осознания человеком факта своей конечности, о которой всегда говорили известные психологи (С.Л.Рубинштейн, В.Э.Чудновский, Б.С.Братусь и др.). В экзистенциалистских концепциях акцент делается именно на тревожной модальности отношения к смерти как на особом генеративном факторе. С этой позиции, АМТ является нормальной (экзистенциальной) и принимает патологические формы в случае сопротивления ей. Не защита от нее, а движение навстречу ей предстают как условие совладания с

патологизирующим потенциалом тревоги, как фактор личностного роста, «психологического здоровья» и успеха в осмыслении жизни.

Таким образом, мы можем констатировать две возможные установки по отношению к АМТ: защитную и принимающую. Защитная связана с невротической АМТ, а принимающая – с экзистенциальной, нормальной АМТ.

Принимающая установка в данном контексте полностью не совпадает с принятием личностью аутомортальности, которое, в свою очередь, может сопровождаться психозащитными преобразованиями АМТ. Принимающая установка включает в себя готовность «терпеть» АМТ и, если не в фокусе, то – на периферии сознания. Способность «терпеть» АМТ связывается в экзистенциалистской психологии с наличием определенных личностных ресурсов («мужества быть», «хаднесс»), которые, с одной стороны, является условием принятия АМТ, а с другой – условием развития и укрепления этих ресурсов. Понятно, что нельзя предполагать распространенность принимающей установки в такой ее интерпретации. Но нельзя и не допускать наличия такой установки. При этом можно ожидать, что люди с такой установкой имеют какие-то особые смысложизненные ориентации, которые отличаются от смыслов жизни, основанных на вытеснении АМТ.

Очерченная выше постановка проблемы еще не получала сколь-нибудь последовательного эмпирического обоснования. Каковы критерии дифференциации нормальной и невротической АМТ: ее уровень, содержание, степень связанности с психозащитными трансформациями? Насколько вообще на уровне психологических категорий правомерно связывать осмысленность жизни, личностный рост и необходимость АМТ? И, наконец, каковы существенные различия в смыслах жизни, основанных на вытеснении АМТ и на ее принятии? Все эти вопросы ждут воплощения в исследованиях и проектах, их решение будет иметь широкое теоретическое и прикладное значение.

Литература:

1. Гаврилова Т.А. Аутомортальная тревожность как проблема психологии здоровья // Психология здоровья: новое научное направление: мат-лы круглого стола с международным участием, Санкт-Петербург, 14-15 декабря 2009 г. – СПб.: СПбГИПСР, 2009, С. 39 -45.
2. Баканова А.А. Отношение к жизни и смерти в критических жизненных ситуациях. Дисс...канд. психол. наук: 19.00.11. СПб, 2000.
3. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000.
4. Завражин С.А., Жукова Н.В. Исследование отношения к жизни и смерти у подростков с нарушением интеллекта // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 58-67.
5. Коваленко Светлана Васильевна. Отношение к жизни и смерти подростков, совершивших гомоцидные действия. Дисс...канд. психол. наук: 19.00.06 Ростов-на-Дону, 2007
6. Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал, 2003, № 2.
7. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Избр. труды. М.: Изд-во Московского психолого-педагогич.ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006.
8. Шутова Л.В. Смысложизненные и ценностные ориентации в отношении к жизни и смерти у лиц юношеского возраста: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Таганрог, 2005.
9. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
10. Kastenbaum R. Death fears and anxiety // Encyclopedia of Death. Ed. by R.Kastenbaum a. V. Kastenbaum. Phoenix (Ariz): Oryx Press, 1989. P. 80-84.

Духовная личность и смысл ее жизни

Н.В. Борисова, г. Москва

Современная психологическая наука постепенно подходит к осознанию того, что понять личность можно только рассматривая ее как «духовное образование» (Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, А.А. Гостев, В.А. Елисеев, Ю.М. Зенько, В.В. Ничипоров, В.И. Слободчиков, Т.А. Флоренская, Л.Ф. Шеховцова и др.).

Понятие «духовная личность» было введено в психологическую науку американским психологом У. Джемсом (1842-1910), предложившим одну из первых в психологии теорию личности. В «эмпирическом Я», или личности, им были выделены: физическая личность, к которой относятся собственная телесная организация, дом, семья, состояние и т.д., социальная личность как форма признания в нас личности со стороны других людей, духовная личность как единство всех духовных свойств и состояний личности – мышления, эмоций, желаний и т.п., с центром в чувстве активности «Я». Высшими проявлениями духовной личности У. Джемс считал религиозные стремления. В своем творчестве он рассматривал религиозные переживания людей.

Линию изучения духовной личности продолжил отечественный ученый, мыслитель, философ, публицист и общественный деятель Иван Александрович Ильин (1883-1954). Первоначально И.А. Ильин приобрел известность как исследователь философии Гегеля. Впоследствии он разработал учение, в котором продолжил традиции русской философии. Центральное место в творчестве И.А. Ильина занимает проблема личности, ее духовного развития. Рассматривая философско-психологические аспекты данной проблемы, И.А. Ильин показал глубину отечественной духовной традиции. Мыслитель не ограничивается примерами религиозных переживаний. Им проведен глубокий анализ духовного опыта человека, выделены характеристики духовной личности, раскрыты внутренние процессы и условия на пути ее формирования.

Наследие И.А. Ильина восполняет представления о личности в концепциях отечественных психологов как категории преимущественно социальной. Личность для него, прежде всего, - «духовное образование». Личность рассматривается в единстве духовной, душевной и телесной составляющих человека при одновременном вскрытии их иерархии. Духовная личность характеризуется стремлением к совершенству, основанным на любви, способностью преодолевать силы материально-телесной детерминации и руководствоваться в своем развитии и жизнедеятельности духовно-нравственными ценностями. Мыслитель выделяет характеристики духовной личности: совесть, «чувство благоговения», «чувство ответственности», «способность к бескорыстной любви и самоотверженному служению», «дар свободы и сила личного самоуправления». Раскрывая путь становления духовной личности, И.А. Ильин вносит важные идеи в психологическую науку: если З. Фрейд говорил о «работе печали», а Ф.Е. Василюк – о «работе переживания», то И.А. Ильин описал процесс духовной работы – работу переживания в духовном аспекте, который раскрывается с помощью введенных понятий - «духовный акт», «сердечное созерцание», «религиозная центрированность», «духовный катарсис».

Первичной силой человеческой жизни и главным условием формирования духовной личности И.А. Ильин считает веру. Психология личности связывает феномен веры с эмоциями, чувствами, переживаниями, убеждениями, смыслами, отношениями. Однако, среди исследователей нет согласия во взглядах на природу феномена веры. Взгляд И.А. Ильина проясняет данную проблему. Мыслитель утверждает, что каждый человек в своей жизнедеятельности детерминирован стремлением найти предмет любви и посвятить ему свою жизнь. Каждому человеку присуще (сознательно или неосознанно) тяготение к тому, чтобы найти некое безусловное и высшее жизненное содержание и «прилепиться» к нему, как к главному источнику, смыслу и свету жизни. Человек верит в то, что воспринимает как самое существенное в своей жизни, чем он дорожит, чему служит, что составляет предмет его стремлений. Кто имеет такой предмет, тот верит в него.

Душа «прилепляется» к тому, во что человек верит, чем живет и дышит, желает предмета своей веры, ищет его. Предмет веры становится для человека источником радости. Здесь пребывают его мысли, чувства и воображение. Именно здесь находится реальный центр человеческой жизни: его любовь, служение, и здесь человек идет на жертвы. Душа человека пленяется тем, во что она верит; это содержание начинает господствовать в душе человека, как бы поглощает ее силы и заполняет ее объем. Веря во что-нибудь, человек постоянно ищет этот предмет, воображает себе его, предпочитает и желает его, занимается им и явно, и втайне, вступает с ним в самые прочные отношения. Предмет веры как бы занимает и поглощает его внимание, его сосредоточенность, его душевные силы.

Вера «указует» человеку его жизненный путь, определяет его отношение к себе, к людям, к природе и т.д. И.А. Ильин отмечает, что люди верят очень часто в слепоте и беспомощности и не знают и не догадываются о том, что человеку надлежит строить свою веру, а не «предоставлять ей расти наподобие полевой травы». Вследствие этого они «прилепляются» сердцем, волей, делами, жертвенностью к таким жизненным содержаниям, служить которым нет никакого смысла. И.А. Ильин убежден, что большинство людей верит в наслаждения, особенно, в чувственные наслаждения, во все, что к ним ведет и с ними связано: «я хочу земного счастья, наслаждения и спокойствия – ибо это главное в жизни» (гедонизм), «я ищу в жизни денег и власти» (маммонизм) и т.д. Но если человек верит только в чувственные наслаждения, принимая их за главнейшее в жизни, то сам превратится постепенно в чувственное существо, в искателя земных удовольствий. Если он верит в деньги и власть, то душа такого человека постепенно высохнет в голодной жадности, в холодной жажде власти.

И.А. Ильин напоминает, что русский язык придает идее «веры» два различных значения: одно связывает веру с потребностью верить, а другое - со способностью веровать. Верят – все люди, сознательно или бессознательно, злобно или добродушно, сильно или слабо. Веруют же далеко не все, т.к. верование предполагает в человеке способность «прилепиться» душою (сердцем, и волею, и делами) к тому, что действительно заслуживает веры. На закономерный вопрос, - а что же заслуживает веры? - И.А. Ильин отвечает: жить стоит только тем и верить стоит только в то, за что стоит бороться и умереть. Жить предметно - значит связать себя (сердце, волю, разум, воображение) с такой ценностью, которая придаст жизни высший, последний смысл. Человек духовен постольку, поскольку он добровольно обращен к объективному совершенству, нуждаясь в нем, отыскивая его, любя его. Совершенство – единственно достойный предмет веры, и только любовь к совершенству делает человеческую веру духовной.

Видеть с очевидностью лучшее и не осуществить его для И.А. Ильина почти невозможно. Если человек верует в Бога или хотя бы в божественное начало, проявляющееся в земных явлениях и обстоятельствах, то божественные содержания становятся для него жизненным центром и в созерцании, и в поступках: важнейшим и главнейшим, любимым, искомым, желанным, всегда присутствующим в душе. Веруя в Бога, человек создает свой реальный жизненный центр и строит, исходя из него, свою душу. Благодаря этому он сам становится живым духовным единством, приобретает зрелый духовный характер.

Литература:

1. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2004.
2. Ильин И.А. Основы христианской культуры. СПб., 2004.
3. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М., 2005.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. М., 1996.
5. Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собр. соч. Т.3. М., 1994.
6. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994.

Социокультурная среда во всех развитых цивилизациях, тем более в современных обществах является достаточно усложненной, предъявляющей человеку множество требований, которым он не всегда соответствует в полной мере. Поэтому у многих людей возникают проблемы, связанные с недостаточной личностной адаптацией в социокультурном пространстве. Эти недостатки адаптации выражаются не только в чисто внешнем поведении, но и в незнании своих истинных потребностей, неумении поставить перед собой цели, адекватные своей внутренней сущности, неспособности найти жизненные ориентиры, определяющие смыслы различных ситуаций и жизни в целом.

Для исследования этих вопросов мы обратились к целостному образу человека. Ценную информацию в этом отношении могут предоставить религиозные источники, в которых содержатся наиболее архетипические образы природы человека. Конечно, в разных религиозных текстах присутствуют также специфические социокультурные компоненты, отражающие жизнедеятельность тех или иных народов в конкретных условиях, и тем не менее они больше, чем какие-либо другие тексты апеллируют к универсальным общечеловеческим типам. Несмотря на то, что модальные типы личности являются заведомо переменными, зависящими от социокультурных реалий и требований, сам набор личностных типов остается относительно стабильным. Религиозные источники опираются, главным образом, на устойчивую часть природы человека, в их рамках внимание уделяется его архетипической сущности.

С нашей точки зрения, наибольший интерес в этом отношении представляют характеристики шести миров сансары в буддизме. Взгляд из другой культуры позволяет нам выделить то общее, что присуще человеческой природе в целом и остается универсальным во все времена. Здесь представлены образы разных типов мироощущения, отношения к себе и к миру, эмоциональных реакций на жизненные обстоятельства, личностных смыслов и мотивов поведения. Согласно буддизму, существует шесть основных миров, в которых могут жить люди, и все они по-своему несовершенны, хотя и в разной степени. В зависимости от своей личностной направленности и поведения, люди тяготеют к одному из этих миров (или их гибридам), поскольку подняться до полного совершенства обычные люди пока не способны. Практически у каждого индивида есть такие способы поведения, которые будучи устойчивыми и повторяющимися, создают типичные для него препятствия к достижению значимых целей.

Люди, которых можно условно отнести к этим типам, вполне узнаваемы в нашей повседневной жизни – ведь своим характерным способом восприятия реальности, эмоционального отклика на события и вытекающим из этого поступкам они сами создают собственные жизненные миры. Конечно, они часто делают это невольно и неосознанно, под влиянием преобладающей душевной направленности – о чем они обычно думают и как именно думают, какие эмоции они испытывают чаще всего, к чему стремятся, чего боятся, что любят и чем восхищаются.

Все шесть типов сансарических миров несовершенны с позиции идеала или высшей реальности. Даже самый высокий из них, аналог христианского рая, в данной концепции также не безупречен и по-своему уязвим, как уязвимо всё земное и человеческое. В этом мире, называемом миром «дэвов», имеются свои негативные аспекты, и соответственно, люди, попадающие туда после смерти, во время земной жизни проявляют не только лучшие стороны своей натуры, хотя в общем балансе добра и зла у них преобладает первое.

К типу так называемых «дэвов» относятся люди легкие, веселые, доброжелательные. Они не застревают на неудачах, незлобны, приветливы, с удовольствием общаются с окружающими. Однако ради легкости эмоционального фона и беззаботности они искажают реальность, часто даже не осознавая этого. Их «защитные механизмы» позволяют им чувствовать себя наподобие крыс, нажимающих в известном эксперименте педалью на центр удовольствия в мозге.

Принадлежность к этому типу людей связана с определенными мировоззренческими представлениями, которые могут быть имплицитными, т.е. не всегда полностью осознаваться ими самими, но на которых они основывают свое поведение. Для того, чтобы прояснить их суть, необходимо обратиться к смыслу гедонистической традиции в философии и выявить различия в понятиях счастья и наслаждения. Гедонизм возник как течение в этике и сводит все мотивы человеческого поведения к стремлению получать удовольствие и избегать страдания. В гедонистической традиции придается гораздо большее значение эмоциям по сравнению с мышлением, не учитывается роль конкретных наслаждений в общей жизненной программе человека, в системе его главных личностных смыслов и самореализации.

В действительности сиюминутное наслаждение, если не обращать внимания на источник его происхождения и личностный смысл для человека, может вступать в противоречие с его другими стремлениями и вызывать страдания в будущем. Задача людей рассматриваемого типа заключается в том, чтобы отказаться от стремления к удовольствию как к главной цели и понять, что страдания также неизбежны на жизненном пути и их преодоление является основой самоуважения. Если это им удастся и они научатся преодолевать трудности, вместо того, чтобы их избегать, то новый тип поведения, став устойчивой привычкой, начнет даваться им все легче и легче. И привычка к активным усилиям постепенно станет действительно внутренней потребностью. Адаптированность и ощущение смысла жизни людей этого типа существенно повысится, если они научатся получать радость от преодоления внутренних и внешних препятствий, и даже сам процесс такого преодоления будет восприниматься ими как счастье.

Античный силлогизм в определении смысла жизни: Платон «Федон» М.В. Карданова, г. Москва

Античный силлогизм являлся важнейшим элементом древней логики, точнее диалектики, равной вначале, в доаристотелевский период, - искусству спора, беседы вместе с учением о методе познания (Сократ, Платон). Логический, статус силлогизма не исключал его содержательной, онто-гносеологической ценности, что вводило его в состав философских, этических и эстетических теорий античности. Теорий, изложенных в форме диалога, - развернутого умозаключения, ряда силлогизмов, - наиболее оптимальной модели для демонстрации имеющихся логико-познавательных возможностей. В диалоге можно было дать развернутую и убедительную аргументацию, выстроить систему доказательств и определений понятий. При этом ставились не только исследовательские цели, но и образовательно-воспитательные.

Образцом может служить знаменитый платоновский диалог «Федон». Он не только демонстрирует сократический силлогизм и диалектический метод - метод перекрестных вопросов, ответов, возражений, поправок. Диалог дает реальное ощущение жизни, ее смысла на грани смерти. Учение о душе выступает здесь как олицетворение (осуществление) смысла при жизни и после нее. Доказательство бессмертия души, онто-эйд-мифо-логическое, предстает как доказательство бессмертия смысла и его определение. Как истины, добродетели и красоты, объединенные в категорию блага.

Диалог «Федон» почти весь состоит из силлогизмов, распределенных в виде реплик между Сократом и его собеседниками на заданную тему о душе. Но прежде он сам есть один большой развернутый силлогизм, где посылками выступают жизнь и смерть, выводом - бессмертие. Души как смысла: «Чем бы душа не овладела, она всегда привносит в это жизнь. Душа никогда не примет противоположного тому, что всегда привносит сама, - смерти. Значит, душа бессмертна. Как и сама идея жизни» [3, с.78-80].

Философское содержание диалога находится в неразрывной связи с историческим: отказ Сократа от побега, самоубийства и принятие судебного смертного приговора. События так же описаны в форме силлогизма, где общей посылкой является идейные соображения,

принципы жизни философа, частной посылкой - особые обстоятельства, в которых все совершается, выводом - решение или сам поступок в узком смысле слова: «Люди находятся как бы под стражей (богов, законов, традиций) и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать. Едва ли они верят, что, очутившись на свободе, смогут лучше позаботиться о себе сами. Тогда совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишал себя жизни, пока его к этому не принудят, вроде как сегодня меня» [3, с.19].

С одной стороны, мы читаем в диалоге историю трагической кончины одного из мудрейших людей Греции, а с другой - философский трактат об одном из важных метафизических вопросов. Но и то, и другое сходятся в одном, - идея «Федона» есть идея человеческой души. И не только в отношении к вопросу о бессмертии, которое служит скорее катализатором проблемы. А о душе в отношении к жизни, как ее смысла. В самом полном значении этого слова [2].

Со стороны сущности, существования, назначения, отношения к миру идей и явлений. Со стороны характера, с каким душа является в разные периоды своего бытия, разнообразия судьбы, которую испытывают различные люди, наконец, со стороны чисто практического значения этой идеи в исследовании вопроса: как должна действовать и к чему должна стремиться в жизни наша душа?

Именно исследование этих вопросов и приводит, по Сократу, к истине, добру, красоте и благу, т.е. смыслу, - подлинному предмету стремлений всех философов «во всей его чистоте», возможной только в потустороннем мире, в иной жизни, по отрешению души от тела [3, с.483]. А пока, в пограничной ситуации он обращается к силлогизмам, - доказательствам реальности такой возможности. Их четыре.

Душа как смысл есть некая идеальность, кочующая из мира земного в неземной (Аид) и обратно; некая идеальность, умопостигаемая, которая существует до, во время и после жизни, как воспоминание и знание; некая идеальность, которая способна соединяться с чувственной стороной означающего в качестве его сущности. При этом сама по себе не имеет в этом никакой надобности, будучи самотождественной жизни, ее эйдосом [1, с.39.].

Маршрут, каким следует Сократ, оказывается дорогой условно-категорического силлогизма: следствие следствия есть следствие основания, - в котором одна посылка условное суждение, а другая и заключение – категорические суждения. Логическое переходит в онтологическое и обратно на базе перекраивания, повторного прохождения вопросов и ответов, соединения и разделения понятий, определений и их эйдотических сближений. Исследовательская программа осуществляется через целенаправленное наблюдение за мыслительным процессом в особых условиях его протекания.

Собеседники Сократа в диалоге Платона с удивительным мастерством участвуют в построении силлогизмов, а, тем самым, и смыслов, не теряя при этом жизненной достоверности и органичности. Мало того, они сами и есть этот силлогизм: Симмий, Кебет и Сократ, - две посылки и мудрое заключение. Созданные ими образы различных суждений (посылок), - модусов и среднего термина в каждой из двух посылок, - фигуры, поражают своей неожиданностью, рисунком, пластикой. Они постоянно напоминают читателю – смотрите не на сюжетную поверхность, а вглубь, суть философствования, в то, ради чего написан этот диалог.

Силлогистическая персонализация смысла соединяет три его жизненно важных ипостаси: личность, личностность и космичность. В этом плане личность самого Сократа в «Федоне» предстает как превращенная в живой общечеловеческий образ, переведенная в действительность космическая идея души как смысла.

Всю жизнь Сократ был вынужден готовиться к смерти. Жизнь философа обрекала его на гибель, и она же продляла ее сроки. Сократ разработал целую систему, силлогистическую технологию спасения от смерти, главная стратегия которой сводилась к задаче выявить истинный смысл жизни, сохраняющей ее и после смерти через бессмертие души [4].

Но кому или чему он посвятил свою жизнь - Асклепию? Аполлону? Танатосу? Сократ, как и Платон, посвятил себя философии, исполненной глубокого логико-

познавательного, нравственно-эстетического и гражданского смысла: «Стремящимся к познанию известно, в каком положении бывает их душа, когда философия берет ее под свое покровительство, советуя душе сосредоточиваться и собираться в себе самой, верить только себе, когда, сама в себе, она мыслит о том, что существует само по себе, умопостигаемо и безвидно. Вот то освобождение, которому не считает нужным противиться душа истинного философа» [3, с.48-49].

Литература:

1. Деррида Ж. Позитивизм – М.: Академический Проект, 2007.
2. Лебедев Д. Платон о душе. Анализ диалога «Федон» www.centant.ru/plat/rus_plato/item05.htm
3. Платон. Федон // Платон. Сочинения в 3-х тт. – М.: Мысль, 1970. Т.2.
4. Серкова В.А. Границы классического текста lib.rin.ru/doc/i/51919p2.html

Мировоззрение и поведение человека А.Ю. Крылов, г. Москва

В жизни нет иного смысла, кроме того,
какой человек сам придает ей, раскрывая
свои силы, живя плодотворно...
Эрих Фромм

Существует тесная связь между мировоззрением человека и его поведением. На протяжении всей жизни человек строит свою модель понимания мира и свой стиль поведения в нем. Этот процесс не лишен искажений, вносимых на стадии переработки информации, полученной органами чувств. То, что человек видит, слышит и т.д., - является скорее результатом интерпретации, чем объективным видением мира.

Отличие нашего опыта мира от самого мира возникает из-за воздействия социальных, экономических, политических, культурных, религиозных и многих других факторов. Исходя из этого, - поведение человека является скорее детерминированным этим влиянием, чем произвольным или случайным.

Поведение человека очень часто изменяется в результате реального или воображаемого влияния других людей. Сфера социального влияния распространяется за пределы нашего поведения - наряду с открытыми действиями оно охватывает наши мысли и чувства. Процесс социализации формирует или ограничивает индивида для его большего соответствия тому обществу, которому он принадлежит. Каждая фаза жизни, как правило, ставит новые задачи и предъявляет человеку новые требования. Нас социализирует семья, работа, мы осваиваем новые роли и приспосабливаемся к их требованиям.

Экономический фактор определяет наиболее характерные черты человеческого поведения в процессе повседневной рыночной деятельности. И такое поведение (до определенных пределов) можно назвать рациональным, нацеленным на получение строго определенных результатов. Целерациональное поведение обедняет деятельность, так как лишает смысла многие ее элементы и периоды. Все, что рассматривается как средство, автоматически теряет самостоятельный смысл, и чем целеустремленнее человек, чем больше сил, мотивов, времени, жизненных сфер он подчиняет целям - превращает их в средство, тем уже становится область смысла в его деятельности. Существование теряет непрерывность, становится дискретным. Целерациональное поведение выстраивает поле жизни в одну линию, лишая его альтернативности.

Каждый из нас погружен в культурный контекст. Мы, например, можем считать себя приверженцем взаимозависимости и коллективизма, однако культура, в которой мы живем, может быть в целом более независимой и индивидуалистической, чем другие культуры. Хотя мы относительно взаимозависимы внутри своей культуры, мы можем по-прежнему быть

очень независимы, если сравнивать себя с остальным миром. И при этом мы можем быть абсолютно уверены, что взаимозависимы, так как не способны увидеть скрытый стандарт собственной культуры относительно стандарта, предлагаемого остальным миром.

Религиозный опыт, являясь системой принципов, взглядов, идеалов и убеждений, объясняет человеку устройство мира, определяет его место в этом мире, указывает ему, в чем состоит смысл жизни. Религия также управляет поведением человека через свою систему ценностей, моральных установок и запретов. Она может существенно влиять на большие сообщества и целые государства, живущие по законам данной религии. Однако принадлежность к самой строгой религиозно-нравственной системе не всегда удерживает человека от совершения неблагоприятных действий, а общество от безнравственности и преступности. Возможно, что причиной такого поведения является отличие, так называемой, зрелой религиозности от незрелой по признаку, озабочен ли человек, прежде всего, собой или же он действительно чуток к Высшему, к большему, чем он сам. То есть способен человек жить в русле религии, созидая и духовно развиваясь, а не использовать ее в своих низменных интересах.

Первый будет действительно верить, что жизнь благородна только потому, что в ней есть Высший разум, есть смерть, есть конец, свидетельствующий о том, что человек предназначен к другой, Высшей жизни. А значит нужно быть добродетельным, честным, справедливым, созидать и заботиться о потомках. Для второго - жизнь связана с наслаждениями, удовлетворением желаний, нерасположенностью заботиться о других людях. В конце концов, у него появляется чувство безнадежности, бессмысленности жизни.

Таким образом, специфические для каждого из нас способы представления мира образуют комплекс взглядов, интересов, привычек, правил поведения, отличая нас друг от друга, создавая мировоззрение каждого человека. Поведение людей становится понятным, если правильно распознать стратегию выбора, порождаемую их моделями понимания мира.

Литература:

1. Мацумото Д. Психология и культура. - СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
2. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. - М.: Смысл, 2002.
3. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). - СПб.: Питер, 2003.

Смысл жизни, совесть и устойчивость личности О.В. Копьёв, п. Менделеево, Московская обл.

Поиск и обретение смысла жизни позволяет подняться над ситуацией, создаёт условия для устойчивости личности, служит сквозным ориентиром её развития в мире. Он «может существенно влиять на жизнь человека». Но как отмечала Л.И. Божович, «Личностью может быть любой человек с устойчивыми взглядами, с устойчивыми целями, определяющими все его поведение и деятельность, независимо от содержания этих взглядов и целей» [1, с. 180]. То есть смысл жизни «амбивалентен» по своему содержанию, и одновременно может стать как механизмом «становления личности, так и её разрушения». При такой постановке вопроса, возникает потребность, отыскать тот психологический механизм, который задавал бы положительную направленность личности, будучи результатом её собственной активности. В качестве такого механизма мы предлагаем рассмотреть совесть.

Словарное определение «совести», делает акцент, на её рациональных, формально-логических характеристиках: способность осуществлять нравственный самоконтроль, самооценка своих поступков, ряд интериоризованных моральных принципов. Психологи и философы экзистенциалисты, рассматривают «совесть», как одну из основ бытия человека в мире: подсознательный бог (В. Франкл), зов заботы (М. Хайдеггер), воля к совершенному (И. Ильин) [2], целостная реакция личности (К.Г. Юнг), способность быть самим собой (Э.

Фромм). В словарях совесть рассматривают, как простой механизм обратной связи, не принимая в расчет глубоко индивидуальный характер её проявлений. Это же мы видим в этимологии слова: "Совесть" - совместная весть (вед), то есть набор законов и постулатов, общих для всех, и в тоже время, народная мудрость близко ставит понятия совесть и сознание. Но действительно, понять сущность и происхождение этого феномена, можно лишь попробовав рассмотреть её проявления на разных возрастных этапах: Дошкольный возраст - «санкции» взрослых являются важнейшими регуляторами поведения ребенка. Младший школьный – Сравнительно большой авторитет приобретает учитель. Средний школьный - дети больше считаются с мнением и оценкой сверстников, чем с мнением и оценкой учителей. Старший школьный - потребность быть не только на уровне требований окружающих, но и на уровне собственных требований и собственной самооценки. Вслед за В.Э. Чудновским можно выделить два качественно различных периода в формировании совести. Совесть – как объект воспитания; в этом случае, по нашему мнению, речь идёт о формировании чувства вины и стыда, которые генетически предшествуют образованию совести, и впоследствии становятся подчинёнными ей механизмами. Совесть – становится «субъектом» воспитания, «воспитателем» личности; возникновение у подростка способности к целеполаганию, делает необходимым самостоятельно определять направленность своих поступков, на основе усвоенных им общечеловеческих ценностей – «материала», из которого образуется совесть.

В подростковом возрасте происходит активное усвоение нравственных образцов, «идеальных образов людей», на которых они хотели бы походить, а чувство вины и стыда способствует развитию рефлексии. Таким образом, в результате воспитания совести, личность приобретает устойчивость на прочном фундаменте общечеловеческих ценностей. Именно такая «стартовая площадка» задаёт поиск и обретение человеком действительно положительной направленности СЖО.

К юношескому возрасту, мы можем формировать «устойчивую систему нравственных идеалов и принципов», которая и становится основой механизма совести. Определив, что содержательная сторона направленности личности во многом формируется под воздействием «воспитания совести», мы переходим к рассмотрению её в связи со смыслом жизни и устойчивостью личности.

Существенная характеристика личности человека, в том, что «он способен господствовать над случайностями и изменять обстоятельства жизни в соответствии со своими целями и задачами; он способен также сознательно управлять и самим собой». Такой тип поведения можно коротко назвать «преобразующим».

Для молодого человека проблема смысла жизни – его непосредственная жизненная задача. Относительная эмансипация СЖО, выход их на орбиту человеческих устремлений, создаёт «энергетику» процесса устойчивого движения личности к отдалённой цели. При этом человек автоматически не застрахован от падений и поражений на своём пути. «Ориентир» может затмеваться «облаками», теряться в «суете», на пути к нему приходится делать крюк, обходить препятствие, пересекать пустыню и т. п. Именно совесть сообщает, что данная конкретная жизненная ситуация может и должна быть преобразована. Она напоминает ему о необходимости воплотить смысл жизни.

Работу совести на бессознательном уровне рассматривали: З. Фрейд, В. Франкл, К.Г. Юнг, Э. Фромм, А. А. Ухтомский. Часто, жизненные ситуации требуют принятия немедленных решений, не оставляющих времени для рефлексии и долгих сомнений (перебрать все мотивы, взвесить их и соотнести возможные последствия их реализации). Люди с высокоразвитой совестью, попадая в сложную жизненную ситуацию, часто говорят, что решение «пришло само» неизвестно откуда.

Преобразующее поведение значительно отличается от приспособительного. При высокоразвитой совести, человек не слышит её «голоса» противостоящего голосу его Я, и принимает её веления как свои собственные (И. Ильин). Но, приспособившись к ситуации, став её жертвой, человек испытывает негативный зов совести, проявляющейся в

«угрызениях», остром конфликте с самим собой. От того прислушается человек к совести или подавит её голос, зависит сохранение положительной направленности СЖО личности.

В. Франкл пишет, что только совесть может, как бы согласовать «вечный», всеобщий моральный закон с конкретной ситуацией конкретного человека. И. Ильин, считает её «основным актом внутреннего самоосвобождения». К.Г. Юнг видит в ней силу «творческого решения». Вслед за Л.И. Божович, можно сказать, что «Истинно волевое (т.е. преобразующее – прим. Автора) поведение отличается определённым уровнем целей – тогда требования разума и совести предпочтительнее иных, непосредственно привлекательных потребностей». Таким образом, «смысл» позволяет подняться над жизнью (С.Л. Рубинштейн), а совесть – направить возникшую в результате энергию на преобразование конкретной ситуации. В связи с этим С.Л. Рубинштейн писал, что человек может «Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь».

Мы полагаем, что совесть, являясь механизмом, предвосхищающим и предупреждающим негативную направленность поступка, может выступать и как основной критерий развития устойчивости личности. «Душа жаждет равновесия и ищет спокойствия; она не способна ни вечно обманывать себя перед лицом совести, ни спокойно выносить свою нравственную недостойность» (И. Ильин). Э. Фромм считает, что совесть это «реакция всей нашей личности на её правильное функционирование или на нарушение такового».

Но при разной степени развития совести её влияния на устойчивость личности могут быть амбивалентными: уже сбившегося с пути она повергает в смятение. Решившись пережить совестный акт, он испытает неустойчивость и ломку ложных оснований собственной жизни, или другими словами, раскаяние. «В этот миг, человек закладывает твёрдую основу своего характера» (И. Ильин), он, верно, понял голос своей совести, и преобразовал смысл своего бытия. «Совестный акт восстанавливает внутреннее единство человеческого существа». Но человек может поступить и по-другому: «нейтрализовать совесть», рационализировать её показания, то есть «умом заслонить совесть» (И. Ильин). Такое столкновение «части с целым» порождает деструктивные энергии, направленные как на окружение, так и на самого себя. В результате противоборства совесть может стать «консультационным бюро» или «адвокатом дьявола». Интеллектуализация и рационализация показаний совести, служит основой для конформного поведения личности.

Таким образом, совесть, может рассматриваться как критерий развития устойчивости личности. Возникая на основе чувства вины и стыда, она становится «высшим нравственным чувством», основой произвольного поведения, сверхмотивом гармонически развитой личности. Приобретая статус «особого межфункционального системного новообразования», совесть становится неразложимой на составляющие её компоненты и не сводима к ним. И в конце, мы бы хотели привести слова А. Н. Леонтьева, он говорил: «Если вы дадите мне учение о личности без этого слова (совесть – прим. автора), я, наверное, скажу, что это учение о чем-нибудь, только не о личности. В лучшем случае о личности, потерявшей совесть».

Основные выводы:

1. Совесть является механизмом, существенно обуславливающим направленность смысла жизни.
2. Совесть формируется как «высшее чувство», на основе общечеловеческих ценностей.
3. Совесть является основой для преобразующего поведения в конкретной жизненной ситуации.
4. Совесть есть критерий развития устойчивости личности.

Экзистенция, личность, культура
Е.В. Завгородняя, г. Киев, Украина

В настоящее время психологи все чаще обращаются к духовно-экзистенциальным аспектам психики, акцентируя недостаточность биосоциальных определений человека. Экзистенция и экзистирование – центральные понятия ряда философских и психологических концепций. М.Хайдеггер характеризует экзистирование как «открытое вовне стояние внутри», просветление сущего, раскрытие бытия. К.Ясперс трактует экзистенцию как трансцендентный источник и вечную цель человека. В.Франкл использует понятие экзистенции для описания специфики человеческого бытия и стремления человека к поиску его смысла. По мнению Ф.Е.Василюка, ключевым моментом личностного выбора является обращение к экзистенциальной глубине, внимательное предстояние перед высшими ценностями, прислушивание, ожидание внутреннего смыслового ответа. Экзистенция не осуществляется автоматически при наличии благоприятных условий, но являет собой более глубокую бытийную возможность, требующую решимости эту возможность выбирать и проживать (Орлов А.Б., Шумский В.Б.) [5].

На основе трудов М.Хайдеггера, С.Кьеркегора, К.Ясперса, В.Франкла, А.Лэнгле и др. можно выделить такие характеристики экзистенции как неуничтожимость; ускользание от рационального познания; глубину; связь со смыслообразованием, совестью, вершинными переживаниями, вдохновением, творчеством.

Экзистенция – глубокий призыв бытия, обращенный к человеку, который нужно услышать – соответственно быть восприимчивым, открытым. Это также выбор и мужество быть настоящим, верным бытийному призыву, последовательным в его осуществлении. Обобщая, можно определить экзистенцию как глубокий источник аутентичной, наполненной смыслом индивидуальной жизни, актуализация которого требует от человека открытости и мужества.

Личность – это экзистенциальное измерение человека, отражающее динамику и статику актуализации экзистенции в индивидуальной жизни. Существует традиция духовно-экзистенциального понимания личности (И.Кант, М.Шелер, Н.Бердяев, Э.Мунье, С.Л.Франк и др.). В советской психологии вследствие «идеологической депривации даже самого понятия «личность» (по выражению К.А.Абульхановой) его содержание было выхолощено, сведено к социальному аспекту, к персоне. Но ученые, которые в силу собственной духовности не могли игнорировать экзистенциальное измерение человека, для его обозначения стали использовать другие понятия («субъект», «индивидуальность»).

Мы рассматриваем личность как индивидуальное, различное по уровню и форме проявление в человеке экзистенции, данное ему в переживаниях, смыслах, в их жизненных воплощениях. Личность – экзистенциальное измерение человека, отражающее динамику и статику актуализации экзистенции в индивидуальной жизни. Поскольку речь идет об измерении (или качестве), то хотя оно может быть выражено в разной степени, это измерение является универсальным, свойственным каждому человеку. При условии достаточной выраженности личность преобразует также социальные и природные характеристики человека, превращая их в свои ресурсы. Личность не возникает из биологических или социальных источников, но основывается на них в своем становлении и функционировании. Личностью не становятся (она изначально существует как в той или другой мере реализованная потенция), но личность становится, оформляется, усложняется, совершенствуется и/или упрощается, деформируется, искажается. Уровень зрелости личности определяется глубиной ее переживаний и смыслов, полнотой и уникально-индивидуальным характером их проявления. Личность выступает чувствительным рецептором, преобразователем и проводником экзистенции в мир культурных форм, которые могут быть чувственно восприняты другими людьми. Осуществляемое личностью воплощение экзистенции в уникально-индивидуальных формах представляет собой процесс оригинального культуротворчества. Личность и культура тесно связаны. «Культура – это не какая-то часть жизни личности, а ее глобальная функция» [4, с. 535]). Актуализация духовного потенциала личности связана с «деятельным вживанием в мир

ценностей,...напряженно активным участием в реализации ценностей в творчестве и сотворчестве культуры» [8, с.6].

В этом контексте рассмотрим понятие культуры. Существуют различные его толкования, в частности, рассмотрение культуры как преимущественно социального или экзистенциального феномена. При этом в первом случае акцентируют противоречия культурного и природного (З.Фрейд), во втором – культурного и духовного (Н.А.Бердяев). По мнению Бердяева, культура – великое благо, средство для духовного восхождения человека, но когда она превращается в самоцель, то становится препятствием для свободы и творчества, источником «культурного рабства» в форме снобизма, эстетизма, сциентизма. В широком понимании культура – все, созданное людьми, независимо от его гуманной или разрушительной направленности. В узком - можно трактовать культуру как питающие личность развивающие и гуманизирующие культурные потоки.

Мы рассматриваем культуру в широком смысле как созданную людьми предыдущих поколений сеть форм (программ, сценариев, моделей, паттернов), которая осваивается, воспроизводится, преобразуется представителями новых поколений; в культурных формах люди означивают и переозначивают свои переживания и смыслы. В динамическом аспекте культура – это процесс преобразования форм в постоянно воспроизводимых практиках в меняющихся условиях, отражающий свойственную людям данного сообщества динамику смыслов.

Личность в своем становлении раскрывает для себя смыслы, означенные в культурных формах теми, кто их создавал. Культура – своеобразное смысловое послание людей предшествующих поколений приходящим. Отсюда ведущие функции культуры – антиэнтропийная (творчество культуры как противостояние смерти) и информационно-энергетическая («живая память», побуждающая к действию). «Память духовна, она – усилие духа, препятствующее разложению» (Н.А.Бердяев), память обеспечивает целостность культуры, а также побуждает к действию («пепел Клааса стучит в мое сердце»). Потеря памяти – симптом угасания культуры, а подмена памяти (перекручивание правды, дезинформация) – признак злокачественного перерождения ее смысловой сердцевины, появления культуры-мутанта.

Культура в широком понимании включает в себя различные формы (модели, схемы, сценарии): эвристические, ограничивающие, разрушающие. Если преобладают последние, культура становится враждебной личности. Расцвет культуры характеризуется доминированием экзистенциальных смыслов, разнообразием и оригинальностью форм; упадок – уплощением смыслов, снижением до уровня эгоцентрических, однообразием, нивелированием культурных форм.

Таким образом, личность выступает органом экзистирования, а культура – способом, средством и видимым результатом. Но для творца культуры более важен невидимый экзистенциальный результат. Как заметил Р.Генри, «цель работы...не в том, чтобы получить картину. Картина – только побочный результат, след того, что произошло с художником. Цель – достижение состояния высшего бытия, эта работа - необычный момент жизни. В такие минуты деятельность неизбежна...» [3, с.438-439].

Литература:

1. Бердяев Н.А О назначении человека. М. 1993.
2. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). М. 2005.
3. Мастера искусства об искусстве. Т.5-2. М. 1969.
4. Мунье Э. Манифест персонализма. М. 1999.
5. Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Старовойтенко Е.Б., Шадрикова В.Д. М. 2009.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. 1990.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М. 1993.

8. Чавчавадзе Н.З. Феномен бездуховности // О духовности: Сб. научных статей. Тбилиси. 1991. С.3-25.

9. Ясперс К. Общая психопатология. М. 1997.

**Проявление существенных для учёного смыслов в понятийной конкретизации
человековедческих категорий
Г.А. Балл, г. Киев, Украина**

Категориями некоторой научной области принято считать наиболее значимые для неё *понятия*. При этом упускают из виду, что логическим требованиям к научным понятиям категории (по крайней мере, в гуманитарной сфере) не удовлетворяют и, собственно, не обязаны удовлетворять. По своим свойствам категории (в том числе такие важные для человековедения как *культура, личность, сознание, деятельность, творчество, диалог, смысл*) ближе не к научным понятиям, а к *концептам* – составляющим индивидуального и общественного сознания, которые теснее, чем научные понятия, связаны с повседневным мышлением и окружены «эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [5, с. 51]. Представляя, в рамках упомянутой научной области, какой-то аспект бытия, каждая категория находит конкретизацию в научных понятиях, являющихся компонентами имеющихся в этой области знаниевых систем (концепций, гипотез, теорий), которые иногда друг друга дополняют, а иногда друг с другом конкурируют. По сравнению с категориями, конкретизирующие их понятия должны быть более определёнными по содержанию и в большей мере удовлетворять логическим требованиям (пусть и ослабленным в гуманитарных дисциплинах по сравнению с «точными» науками). Эти понятия – вместе с терминами, которыми они обозначаются, – образуют *понятийно-терминологические поля* соответствующих категорий.

Приведу слова Д.А. Леонтьева, в которых, как я считаю, описывается *категория смысла*: «Смысл (будь то смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания, душевных явлений или действий) определяется, во-первых, через более широкий контекст и, во-вторых, через интенцию или энтелехию (целевую направленность, предназначение или направление движения). По-видимому, следует рассматривать эти две характеристики – контекстуальность и интенциональность – как два основополагающих атрибута смысла, инвариантных по отношению к конкретным его пониманиям, определениям и концепциям» [3, с. 26]. В этих определениях и концепциях используются *разные понятия смысла*.

К сожалению, в человековедческих (в том числе психологических) текстах понятийная конкретизация категорий должным образом не рефлексивируется. Категории и понятия, как правило, обозначаются одними и теми же терминами. Одно из приятных исключений – применение А.Н. Леонтьевым термина *деятельность* для обозначения категории психологии (и человековедения в целом), а термина *отдельная деятельность* (или синонимичного – *особенная деятельность*) для обозначения одного из понятий, используемых (вместе с понятиями, обозначаемыми терминами *действие, операция* и др.) в построении *теории деятельности*. Кстати, *действие* как *понятие* этой теории служит, разумеется, лишь одной из многих конкретизаций *категории действия*, роль которой (как и ряда других ведущих категорий) в развитии психологической науки проследил в своё время М.Г. Ярошевский.

В основе многих недоразумений в научной коммуникации в человековедении лежит недостаточный учёт не только разнообразия конкретизаций используемых категорий, но и того обстоятельства, что в этом разнообразии находят проявление две принципиально различные методологические установки: а) *обобщающая*, ориентированная на возможно более широкое использование некоторого понятия; б) *дифференцирующая*, связывающая это понятие прежде всего с наиболее яркими проявлениями отражаемого им явления или качества. Характерный пример реализации такой установки: «Мы говорим:

самостоятельная личность. Но несамостоятельная личность – и не личность вовсе» [4, с. 125].

С логико-методологической точки зрения несомненны преимущества обобщающей установки, поскольку: а) она соответствует оправдавшей себя в методологии науки тенденции ко всё большему обобщению основных понятий; б) содержание, которое вкладывают в обсуждаемое понятие, руководствуясь дифференцирующей установкой, может быть передано (причём чётче) и при следовании обобщающей установке посредством применения классификационных схем (когда, например, *духовные смыслы* рассматриваются как частный вид *смыслов в широком понимании*). Но надо уважать и мотивы, то и дело побуждающие учёных-гуманитариев отдавать предпочтение дифференцирующей установке. В центр своей деятельности (нередко не только научно-познавательной, но и научно-практической – предусматривающей непосредственное воздействие на социум и/или его членов) такой учёный чаще всего ставит феномен, которому придаёт ярко выраженный положительный *смысл* и который, ввиду этого, стремится как можно шире утвердить в социальной практике (либо, напротив, такой феномен, которому придаёт явно отрицательный смысл и, соответственно, стремится, насколько это возможно, освободить от него социальную практику). Центральное понятие разрабатываемой им концепции учёный, о котором идёт речь, склонен определить так, чтобы оно описывало именно данный феномен, – и отдаёт такому понятию предпочтение как главному перед понятиями более обобщёнными, более чёткими, но ценностно нейтральными. Вместе с тем для учёного положительным и весьма значимым смыслом должна обладать и цель выяснения рационально обоснованной истины, а достижению этой цели способствует обобщающая установка, стимулируя логическую релевантность умозаключений учёного. Описанные обстоятельства делают необходимыми диалоги субъектов, придерживающихся обозначенных установок. При этом надо учитывать, что вклады, вносимые в диалоги приверженцами дифференцирующей установки, содержат важную информацию о желательном направлении развития объектов, описываемых используемыми понятиями, об идеалах, на которые субъекты деятельности с этими объектами призваны ориентироваться. Участниками рассматриваемых диалогов могут быть и научные школы, и отдельные учёные, и субъекты внутренних диалогов, служащих механизмом мышления (в данном случае научного).

Дополнительные грани обсуждаемой ситуации мне открывает рефлексия над собственным научным мышлением. Стремясь к повышению логической чёткости теоретических построений в человековедении (что является одним из проявлений радиогуманистической методологической ориентации), я, как правило, отдаю предпочтение, в понятийной конкретизации человековедческих категорий, обобщающей установке (см. [1]) и, соответственно, положительно оцениваю применение этой установки к конкретизации, в частности, категории *диалога* – см., например, [6]. Однако, когда я в предыдущем абзаце утверждал «необходимость диалога субъектов», придерживающихся обобщающей и дифференцирующей установок, то понятие *диалог* трактовал в дифференцирующем смысле – имея в виду развитой диалог, вплоть до такого, участники которого способны «постоянно развивать бесконечные потенциальные резервы не только... собственной, но и иной логики...» (присущей партнёру по диалогу) [2, с. 407-408]. Причины смены мною установки ясны: в последнем случае я выступаю не как беспристрастный исследователь научного мышления в человековедении, а как методолог, пропагандирующий диалогическое (в глубоком, дифференцирующем смысле) взаимодействие регулирующих это мышление установок.

Литература:

1. Балл Г.А. Как «усовершенствовать мысль и выразить ее еще лучше»? (Актуальные вопросы использования и совершенствования понятийно-терминологических средств человековедения) // Практична психологія та соціальна робота. – 2009. – № 2. – С. 1-7.
2. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности: 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
4. Мареев С.Н. Зачем человеку личность // Мир психологии. – 2007. – № 1. – С. 114-125.
5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
6. Медінцев В.О. Головні риси і перспективи розбудови діалогічних підходів і процедур у психології // Гуманістичні орієнтири в методології психологічної науки / За ред. Г.О. Балла. – Київ: Педагогічна думка, 2007. – С. 49-67.

Поликультурность личности как интегративное свойство смысложизненной ориентации

Д.С. Батарчук, г. Астрахань

Современная Россия является полинациональной страной, в которой живут народы, различающиеся уровнем социально-экономического и культурного развития. Очевидно, что в таких условиях национальный вопрос является одним из важнейших в государственной и политической жизни страны. Стремительная этническая трансформация общества все более настоятельно формирует потребность в развитии «новой личности» обладающей поликультурностью, способностью принимать жизненные образцы, отличающиеся от ее собственных, которая и психологически и социально готова принять различные культурные реальности.

Поликультурность личности выступает сегодня как необходимое свойство, позволяющее ей по иному воспринимать многонациональную среду, тем самым формируется мировоззрение личности, в котором значение приобретает жизненно-важный личностный смысл межэтнического взаимодействия.

Личностный смысл тесно связан с категорией «мировоззрение» и по утверждению И.С. Кона означает, что это «...не столько система знаний, сколько логическая система убеждений, выражающая отношение человека к миру, его главные ценностные ориентации». Ценностные ориентации рассматриваются как совокупность оснований для оценок субъектом окружающей культурной действительности и ориентации в ней, а также как способ дифференциации по значимости (личностному смыслу). В психологии понятие «смысл» принято рассматривать с понятием «значение». Если «значение» - это отражение действительности человеком независимо от его индивидуального, личностного отношения к ней, то «личностный смысл» выражает именно отношение человека и осознаваемым явлением действительности и является, по образному выражению А.Н. Леонтьева, «орудием пристрастности жизни». Различие между значением и смыслом А.Н. Леонтьев раскрывал следующим образом: «Можно понимать, владеть значением, знать значение, но оно будет недостаточно регулировать, управлять жизненными процессами, самый сильный регулятор есть то, что обозначено термином «личностный смысл». Говоря о личностном смысле, необходимо указать на особый характер этого отношения: его системность, связь со всем смысловым строением личности, в первую очередь, с жизненными ценностями человека, его убеждениями, нравственными ориентациями. Психологи считают, что личностный смысл любой деятельности (в том числе и учебной) придают мотивы. В этом их смыслообразующая функция (С.Л. Рубинштейн).

Методологический анализ позволяет понять, отмечает Л.И. Божович, что, если мы хотим сформировать полноценную мотивационную сферу личности, где в единстве будет представлено «хочу и надо», «хочу и могу», «для себя и для всех», то нам придется формировать не только мотивацию, но все три взаимосвязанных качества личности: мотивация – убеждения – способы деятельности». В тех же случаях, когда возникает необходимость в существенной перестройке мотивации, необходимо переделать всю организацию личности в целом, то есть «преобразовать его личность, изменить взгляды, убеждения, чувства и привычки, весь характер индивида» (Л.И. Божович).

Синтез ряда идей, разработанных С.Л. Рубинштейном, Д.Н. Узнадзе, В.Я. Ядовым, А.Н. Леонтьевым и другими отечественными психологами, позволяет понять, что внутренняя основа личности, ценностная система внутренней детерминации, ответа личности на все воздействия мира включает в себя три основные подсистемы, которые различаются функционально, то есть по их специфическому вкладу в эту детерминацию.

Во-первых, это «ядро личности», ее «ценностная этническая ориентация» (Б.В. Зейгарник), которую обобщенно можно назвать жизненной позицией человека (его ценности, убеждения, идеалы). Эта подсистема определяет направленность всей жизнедеятельности человека, выбор того или иного поведения, выбор для реализации тех или иных из представляемых жизнью возможностей.

Во-вторых, это «побудительная регуляция» (С.Л. Рубинштейн) – потребности, мотивы – одним словом все то, что побуждает человека к деятельности, внутренне стимулирует его активность.

В-третьих, это «операционно-технический, исполнительский момент активности личности» - ее способы деятельности, знания, способности. Это те субъективные возможности личности, которые обеспечивают реализацию побуждений. Ведь способы деятельности являются условием действенности мотивов, обеспечивают формирование привычек поведения, соответствующих убеждений личности. «Чем больше мотив опирается на навык, тем более он направляет деятельность» (В.С. Мерлин). «Убеждения, мотивация, способы деятельности – это именно те элементы, которые образуют костяк личности, ее «деятельное ядро» (В.Н. Сагатовский). По мнению В.Н. Сагатовского, «идеал гармоничного человека предполагает одновременно формирование трех подсистем, чтобы каждый шаг в развитии потребностей и субъективных возможностей, с одной стороны, закреплялся в установках подсистемы готовности к выбору определенной траектории поведения, а с другой направлялся изнутри уже сформировавшимся уровнем жизненной позиции».

Содержание межнациональных отношений личности задается объективной действительностью, но субъективными их делает система аффективных, смысловых переживаний личности в связи с воспринимаемой действительностью. Изменения отношений связаны с динамикой объективной жизнедеятельности (В.Н. Мясищев).

Ведущим признаком поликультурной личности является ее направленность на готовность и способность жить и активно взаимодействовать с представителями различных национальностей. Поликультурная направленность личности проявляется в потребностях, интересах, доминирующих мотивах, убеждениях, лежит в основе приобретения этнокультурных знаний, навыков и умений. По мнению Б.Ф. Ломова направленность личности выступает как системообразующее средство, определяющее ее психологический склад.

Главную проблему отношений между людьми разных национальностей в условиях многонационального общества составляет двойственность положения человека среди других, в которой человек слит с другими и изнутри приобщен к ним и в то же время постоянно оценивает их, сравнивает с собой.

Таким образом, отношение к другому неразрывно связано с отношением человека к себе, к своей этнической принадлежности и с характером его этнического и гражданского самосознания. На основании этих представлений можно сформулировать предположение о том, что психологической основой поликультурности личности как важного интегративного

свойства смысложизненной ориентации является особое, субъектное отношение к другому, не опосредованное собственными ожиданиями, оценками или интерпретациями субъекта.

Личностное отношение порождает внутреннюю связь с другим и разные формы сопричастности (сопереживание, сострадание, содействие). Следует отметить, что психологическим основанием поликультурности личности является, прежде всего, личностное или субъектное отношение к другому, в котором «этот другой» выступает как уникальный и равноправный субъект своей жизни, а не обстоятельство собственной. Свобода от фиксации на себе (своих ожиданиях и представлениях) открывает возможность видеть другого во всей его целостности и полноте. Способность увидеть и услышать именно другого человека, а не себя в нём является основой нравственно-этнотолерантного отношения к другому.

Это особое отношение А.А. Ухтомский называл «доминантой на лице другого». Оно так неоднократно обсуждалось и описывалось в русской религиозной философии в терминах «принятия», «любви», «приобщённости», «единства с другим» (Н.А.Бердяев, Б.П. Вышлавцев и др.). Показательно, что отказ от интерпретаций другого, отношение к нему как к самоценной и независимой личности лежит в основе гуманистической экзистенциальной концепции.

Теоретическая модель психологической компетентности личности Н.В. Остапчук, А.А. Печеркина, г. Екатеринбург

Разработку модели психологической компетентности мы осуществляли исходя из существующего уровня научных представлений о ее феноменологии, опираясь на доступные нам отечественные и зарубежные публикации, известные эмпирические данные и собственные экспериментальные исследования. В результате проведенных исследований было сформулировано определение **психологической компетентности как системы предметных знаний, основанных на смысловой реальности, которые обеспечивают высокий уровень профессионализма, умения управлять психическими состояниями и принимать эффективные решения.**

Анализ этих материалов свидетельствует о недостаточной разработанности понятийной базы этого сложного психологического явления, отсутствии целостной и системной модели психологической компетентности, описания ее функций, уровней развития взаимосвязей с другими психологическими образованиями человека, а также указывает на недостаточную разработанность представлений о месте этого психологического феномена в жизни и деятельности человека.

Концептуальную модель психологической компетентности мы выстраивали в два этапа. На первом этапе осуществлялось моделирование психологической компетентности в общетеоретическом плане, в рамках общепсихологических подходов, на втором этапе – в прикладном. Моделирование на первом этапе осуществлялось, прежде всего, через выделение следующих основных параметров психологической компетентности:

1. **Детерминант:** субъектно-личностных (образованность, нервно-психическая устойчивость, образ Я) и социально-психологических (опыт социальных взаимосвязей, мотивация на успешное осуществление деятельности, образование);
2. **Двух планов:** социального (объективного) и личностного (субъективного);
3. **Уровень развития:** минимальный, приемлемый, оптимальный и высший.
4. **Функций:** регулятивной, интегративной, коммуникативной, когнитивной, эмотивной, мотивационной, креативной.
5. **Структуры и компонентного состава** психологической компетентности как психологического образования.

При построении теоретической модели психологической компетентности личности мы исходили из следующих предпосылок:

- психологическая компетентность не только обуславливает эффективность развития профессиональной деятельности, но и сама является результатом развития личности;
- психологическая компетентность – интегральная характеристика личности, реализующаяся в разных формах;
- развитие психологической компетентности по самой своей сути потенциально вариативно. Ни процесс, ни его результаты не являются односторонними, и не ведут к одному и тому же конечному состоянию;
- развитие психологической компетентности осуществляется на протяжении всего жизненного пути человека;
- психологическая компетентность – это регулируемое системное образование, включающее ряд взаимосвязанных структурно-функциональных компонентов, обладающее интегративным свойством целого;
- особенности развития психологической компетентности (неравномерность, скачкообразность, вариативность) обусловлены личностными характеристиками и жизненным опытом человека.

В результате изучения структуры психологической компетентности мы пришли к выводу, что она включает в себя основные компоненты, где каждый компонент можно представить как некую сложную систему.

Когнитивно-смысловой компонент психологической компетентности предполагает, что человек из отдельных единичных ситуативных образов формирует понятие о своей сущности, а соотнесение знания о себе с социальными требованиями и нормами дает ему возможность определить свое место в системе общественных отношений.

Содержание **мотивационно-целевого компонента** психологической компетентности составляют единство интегрированных содержательных и динамических процессов мотивации, целеобразования и целеполагания в области профессиональной деятельности и развития.

Эмоционально-поведенческий компонент психологической компетентности человек постигает смысл своего существования, когнитивно и эмоционально согласует продукты познания. В итоге человек реально строит или перестраивает образ самого себя, эмоционально анализирует свой ценностный мир, формируя установку на постоянное развитие.

Операционально-регулятивный компонент психологической компетентности мы определяем как систему психотехнологий и техник, направленных на реализацию целей личностного развития и саморазвития. Наши исследования показали, что компетенции, входящие в данный компонент, не сводятся ни к знаниям, ни к частным умениям, *они представляют собой именно умение не только как навык в каком-либо деле, обученность, но и как обладание способностью делать что-нибудь.*

Ценностный компонент психологической компетентности составляют высшие личностные идеалы и ценности, а также ценностные ориентации и менталитет.

Формирование ценностного компонента психологической компетентности начинается с формирования высших личностных идеалов. Личность выбирает цели и целесообразные действия, ориентируясь не столько на сам предмет деятельности, сколько на ту роль, которую он может играть в жизни, в удовлетворении потребностей и интересов человека. Следовательно, личностные ценности выступают как смысловые регуляторы жизнедеятельности человека. Ценности в структуре психологической компетентности не только обуславливают ее уровень, но и сами обусловлены уровнем ее развития. При этом развитие психологической компетентности обеспечивается только определенным типом системы личностных ценностей.

Ментальность является частью общей культуры, психологической культуры и входит в состав ценностного компонента.

В психологии ментальность понимается как совокупность готовности, осознанных и неосознанных психологических установок и предрасположенностей индивида или

различных социальных групп действовать, мыслить, чувствовать, воспринимать и постигать мир определенным образом.

Содержание *креативности* психологической компетентности составляют творчество как деятельность, обусловленная жизненными смыслами и ценностями, и креативность как личностное свойство, обеспечивающее эффективность творчества.

Подсистема социального опыта психологической компетентности личности предполагает: установки и стереотипы культурного поведения, развитые умения и навыки, социальное взаимодействие, социальная активность, социальный интеллект, а также знания.

Смысл и потребностно-мотивационная сфера личности **М.С. Чернакова, г. Москва**

Смысл жизни и деятельности начинает играть всё более важную роль в жизни современного человека. Однако психология, несмотря на большое количество проведённых исследований в данной области, до сих пор не выработала достаточно удовлетворительного определения понятия «смысл», не установила место смысла в общей структуре психики индивида. Поэтому в данной работе мы предлагаем своё понимание смысла и его места в структуре психики. Сразу отметим, что мы здесь рассматриваем вопрос о смысле не всей индивидуальной жизни в целом, а лишь о смысле отдельных видов деятельности, из которых, впрочем, и складывается жизнь. При этом мы полагаем, что если жизнь человека наполнена имеющими для него смысл деятельностью, то и вся жизнь будет для данного индивида ощущаться как имеющая смысл. Если же человек вынужден заниматься тем, что является для него бессмысленным, если он не может найти ту деятельность, которая бы имела для него смысл, то и вся его жизнь будет казаться ему бессмысленной.

Как известно, для занятия любой деятельностью нужна мотивация. За мотивом, в свою очередь, всегда стоит какая-то потребность, которая удовлетворяется посредством данной деятельности. Но всегда ли потребность порождает мотив, создаёт достаточную мотивацию для занятия данной деятельностью? Ведь нередко имеет место такая ситуация, когда деятельность, несмотря на то, что она удовлетворяет определённую актуальную потребность (или потребности), не оказывается для человека достаточно мотивированной – человек не хочет ею заниматься, не видит в ней смысла.

Почему же деятельность, удовлетворяющая какие-либо потребности, может оказаться бессмысленной? Конечно, ответ на этот вопрос можно искать в индивидуальных различиях, порождающих склонность к той или иной деятельности: в силу того, что люди разные, для одних имеет смысл одна деятельность, для других – другая. Однако отмеченная выше проблема не сводится лишь к индивидуальным различиям – хотя бы уже потому, что для одного и того же человека в разное время, при разных жизненных обстоятельствах одна и та же деятельность может то иметь, то не иметь смысла.

Как же связаны смысл и потребности?

Как известно, потребности человека имеют тенденцию к практически неограниченному росту – у человека постоянно появляются всё новые и новые потребности. У современного человека огромное число потребностей, и существует огромное количество различных видов деятельности, чтобы удовлетворить их каждую по отдельности. Но человек далеко не всегда в состоянии заниматься всеми этими видами деятельности, удовлетворять каждую свою потребность по отдельности. В результате возникает ситуация, когда человек оказывается не способен удовлетворить *все* свои потребности: он делает что-то в своей жизни и удовлетворяет какие-то из своих потребностей, однако другие потребности остаются при этом неудовлетворёнными. Поэтому важно, чтобы данная деятельность не просто удовлетворяла какую-либо потребность, а удовлетворяла сразу достаточно много потребностей, – чтобы вся совокупность деятельностей, которыми занимается индивид в своей жизни, не оставляла какие-либо из его потребностей неудовлетворёнными. Именно

такие деятельности будут иметь смысл для данного индивида. Таким образом, с нашей точки зрения, смысл имеет та деятельность, которая удовлетворяет одновременно наибольшее число наиболее актуальных потребностей. Те виды деятельности, занятие которыми оставляет какие-либо потребности неудовлетворёнными, ощущаются как бессмысленные.

Именно поэтому ощущение бессмысленности жизни особенно характерно для современной эпохи: благодаря техническому прогрессу потребности человека значительно возросли, в результате чего стала часто иметь место такая ситуация, когда какие-то из потребностей оказываются неудовлетворёнными. Данное обстоятельство сделало проблему смысла в последнее время особенно актуальной.

Таким образом, смысл можно рассматривать как некую надстройку над потребностями: когда потребностей становится слишком много, отдельная потребность уже не может мотивировать деятельность, её начинает мотивировать смысл, образуемый большой совокупностью потребностей.

Отметим также, что, так как далеко не все потребности осознаются человеком, то и в структуре смысла значительное место занимает неосознаваемый компонент, представленный в сознании лишь в эмоционально-чувственной форме. Поэтому смысл – это в большей мере чувство, ощущение, нежели ясно осознаваемое знание. (Аналогично тому, как при ясной осознаваемости человеком каких-либо из его потребностей, большая часть потребностей при этом остаётся неосознанной в данный момент).

Говоря о неограниченном росте потребностей, следует отметить, что эта особенность свойственна именно *духовным* потребностям, и именно *духовные* потребности нередко оказываются неудовлетворёнными. Витальные же, биологические потребности человека остаются ограниченными и сравнительно легко удовлетворяемыми (хотя в настоящее время и наблюдается всплеск материального потребления, однако оно служит удовлетворению не физиологических, а, скорее, духовных потребностей). Данное обстоятельство позволяет объяснить часто отмечаемую различными психологами и философами связь смысла с духовностью личности. Указанная связь заключается в том, что ориентация на смысл в большей мере свойственна духовно продвинутым личностям. Это такие личности, духовные потребности которых значительно выше духовных потребностей большинства людей. Однако при высокой развитости у духовных личностей духовных потребностей, эти потребности часто оказываются неудовлетворёнными в стандартных видах деятельности, которыми занимается большинство и чувствует при этом себя вполне удовлетворённым. Поэтому духовно продвинутые индивиды многие подобные виды деятельности ощущают как бессмысленные, и ориентация на смысл приобретает важное значение в их жизни.

Таким образом, в данной работе под новым углом зрения рассмотрены сущность смысла и его место в структуре психики индивида. Практическая значимость работы состоит в том, что она позволяет ответить на такие вопросы, как: «Почему одна деятельность для данного индивида имеет смысл, а другая – нет? Как сделать так, чтобы данная деятельность приобрела смысл (другими словами, как наполнить деятельность смыслом)?».

Оценочная деятельность личности как осмысленное мышление

В.В. Сутушко, г. Саратов

В представленной читателям статье кратко анализируется роль мышления в процессе оценочной деятельности, место мыслительных действий в структуре оценивания и показывается, что оценочная деятельность опирается на жизненные ценности и взаимосвязана с личностным смыслом.

Способность оценивать явления и события, жизненную ситуацию – одно из центральных свойств личности, отображающих для нее целостную картину мира. Оценивание, наряду с интеллектуальной сферой и мышлением имеет познавательную природу. Познаваемый мир человек всегда оценивает, оценка является свидетельством

изученности мира. Оценочная деятельность складывается из умственных актов, в результате которых устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта. Цель личностной оценки – нахождение в объекте личностного смысла, а в идеале смысла жизни (при этом объектом оценивания может быть и сам субъект, его жизнь, отношение к себе и тому подобное). В этой связи, например О.К. Тихомиров видел специфику мышления в том, что решаемая задача всегда вызывает некоторое отношение к ней субъекта, оценивается им, имеет для него личностный смысл, в них и проявляются особенности мотивации мышления. Отношение может различаться по модальности (позитивное или негативное), по объекту (что именно вызывает отношение), по форме выражения (вербальные или невербальные индикаторы), по характеру (переделывание задачи, готовность к повторным участиям в опыте) [2, с. 31].

На наш взгляд, при сопоставлении объекта с оценочными критериями интеллектуальная деятельность субъекта поднимается на качественно иной, новый уровень, когда ценностные характеристики предмета, «растворенные», «снятые» в неценностных свойствах обретают в результате оценивания собственное, самостоятельное бытие, образуя содержание и структуру идеального образа ценности, ценностных свойств. Такие критерии объекта, как социальная значимость, новизна и прогрессивность, являются необходимыми и достаточными критериями при оценивании ценностной сущности результатов человеческой деятельности [1, с. 155]. Субъективный компонент предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта к ее объекту. Иногда его представляют в виде отношений «нравится/не нравится», «ценить/не ценить», «одобрять/не одобрять», в то время как объективный компонент оценивания ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносятся оценки. И субъект, и объект оценивания предполагают существование обоих факторов (субъективного и объективного). Субъект, оценивая предметы или события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценки (нравится/не нравится), а с другой стороны, на стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие предмету признаки. В то же время в объекте сочетаются субъективные (отношение субъект/объект) и объективные (свойства объекта) признаки. Когда речь идет о том, что погода теплая/холодная, подразумеваются и свойства самой погоды и ощущения субъекта.

Кроме того, оценивание как система включает в себя эмоциональный и рациональный компоненты. Какой фактор оценивания является первичным (эмоциональный или рациональный) – один из наиболее дискуссионных вопросов в аксиологии и ответ на него часто оказывается решающим для противопоставления субъективизма и объективизма в концепциях оценивания. В вербальном контексте оценивание не может быть чисто эмоциональным, язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект. Разделение чисто рационального и чисто эмоционального фактора в языке является условным. С эмоциями могут быть связаны разные виды оценок, как сенсорные, так и этические, эстетические и логические. Эмоциональное не эквивалентно эмотивному компоненту, второе понятие является родовым, включая и эмоциональное и рациональное как свои разновидности. Эмотивный компонент подразумевает хорошее/плохое отношение субъекта к объекту оценочной деятельности и противопоставляется объективному, которое опирается на свойства объектов. Эмоциональное и рациональное в оценивании подразумевают две разные стороны отношения субъекта к объекту (его чувства и суждения). Неотъемлемый показатель интеллектуальности оценочной деятельности – применение шкал, что превращает качественное оценивание в измерение (метод познания). Свойством оценочной шкалы, прежде всего, является признак нарастания. Оценочная шкала динамична, она развертывается в двух направлениях (в сторону увеличения и уменьшения количества данного признака). На оценочной шкале есть положительная и отрицательная зона (хорошо/плохо), между ними расположена нейтральная зона. Причем попытки оценивания личностью своей жизни посредством разных шкал, как правило, приводят к конструированию более точной модели единичного и общечеловеческого смысла жизни и

акме. В этом случае оценочная деятельность как осмысленное мышление само по себе может стать одним из проекций смысла жизни (оценивать мир и себя, чтобы жить и жить, чтобы оценивать мир и себя).

Таким образом, оценивание предметов и явлений внешнего и внутреннего мира представляет сложную познавательную процедуру – это оперирование двумя типами знаний (о признаках объекта и о потребностях субъекта). Оценочная деятельность включает в себя интеллектуальные процессы, в том числе осмысленное мышление. Оценивание субъектом объекта (предмета или явления) внешнего и внутреннего мира предполагает собой, прежде всего, восприятие его органами чувств (на этом этапе формируются первичные эмоции, которые являются базой оценочных суждений). Следующий этап оценочной деятельности – умственный акт, в котором аффективное отношение субъекта к внешнему или внутреннему миру предстает в преобразованном виде, в результате чего формируются производные эмоции и рациональное суждение о ценности объекта. На этом этапе оценочное познание, являясь постижением сущности ценности объекта, находит свое завершение в выражении отношения субъекта к оцениваемому предмету или явлению, которое проявляется в оценках «важно», «значимо», «имеет смысл», приписываемых оцениваемому объекту. Иллюстрацией этого положения может служить специфика взаимоотношений эмоций и рациональности субъекта оценочной деятельности. В настоящее время редко в психологии говорится о том, что оценивание является одной из основных функций психики (во многих ситуациях психическая деятельность личности – это оценочная деятельность в широком смысле). Поэтому необходимо, чтобы наша психическая жизнь непременно нами оценивалась, и в этом контексте смысл жизни, как высшая ценность личности, видится условием и идеалом оценивания себя и других людей.

В заключении следует отметить, что оценочная деятельность, как осмысленное мышление, должно быть соотнесено не только с мотивационной сферой субъекта, но и с его интеллектуальной сферой. Следовательно, при анализе человеческой психики необходимо учитывать, что реальное оценивание, как мыслительный процесс (решение задачи) – «это всегда взаимодействие субъекта и объекта, в ходе которого преобразуется не только...объект..., но и сам субъект» [2, с. 33]. Тем самым можно констатировать, что оценочная деятельность, протекающая как осмысленное мышление, в процессе которого совершенствуется личность, наполняет жизнь субъекта реальным смыслом.

Литература:

1. Суужко В. В. Природа, сущность и функции социальной оценки // Социальная политика и социология, 2007, № 4.
2. Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Линии развития ценностно-смысловой сферы личности в онтогенезе и связанные с ними критерии степени ее сформированности Н.Н. Ивков, г. Москва

В нашей исследовательской работе была предпринята попытка проследить становление ценностно-смысловой сферы личности в онтогенезе.

Первой линией развития нами рассматривалась иерархизация, интеграция и структурное усложнение смысловой сферы личности. Еще Л.С. Выготский обратил внимание на то, что основу развития сознания составляет развитие не отдельных функций, а характер и общая структура связей между ними.

Так, говоря о развитии личности дошкольника, А.Н. Леонтьев выделяет в качестве основной вехи старший дошкольный возраст, когда на смену импульсивно сменяющимся друг друга мотивам приходит их интеграция, иерархизация и соподчинение в единую структуру (одно из основных новообразований дошкольного возраста). Возникновение такой

структуры означает, что ребенок теперь «может стремиться к достижению цели, которая сама по себе не привлекательна для него, ради чего-нибудь другого, или, наоборот, отказаться от чего-нибудь непосредственно приятного для того, чтобы достичь более важного или избежать нежелательного» (Леонтьев А.Н.).

Дошкольный возраст по А.Н.Леонтьеву - это возраст формирования более или менее связного и целостного внутреннего мира («первое рождение личности»), интегрированных механизмов смысловой регуляции, которые начинают – впервые – задавать поведению свою собственную логику. Одним из проявлений этих возрастных изменений является хорошо известный феномен «горькой конфеты». Таким образом, мы можем говорить о развитии иерархизированной структуры личностных смыслов уже в дошкольном возрасте. Но качественно новый уровень смысловая система личности обретает при переходе к подростковому возрасту, когда происходит «второе рождение личности». В этом возрасте происходит развитие осознания своих смысловых ориентаций и рефлексивного отношения к ним (это вторая линия развития смысловых образований).

После работ Л.С. Выготского, осознание тех или иных психологических процессов и механизмов обоснованно рассматривается как главная предпосылка овладения ими. Овладение же, согласно Л.С. Выготскому, представляет собой генеральную линию психологического развития в онтогенезе. То есть осознание можно рассматривать как еще одно конкретное измерение развития смысловой сферы личности.

Так как личностные ценности понимаются нами как осознанные и принятые личностью наиболее общие смыслы ее жизни, мы можем говорить, что при «втором рождении личности» человек переходит на новый уровень регуляции своей жизнедеятельности, через осознанную систему своих личностных ценностей. При этом выделенные нами выше такие критерии развития как иерархизированность, интегративность и структурная сложность относятся как характеристики степени развитости ценностно-смысловой сферы личности.

На основе выделенных уже нами линий развития смысловой системы личности можно говорить о таких критериях ее развития как иерархизированность, интегрированность (широта связей, наличие нескольких высших ценностей) и структурная сложность (содержательное разнообразие, ценностный профиль человека).

Третья линия развития смысловой сферы – это распространение процессов осмысления за пределы наличной актуально воспринимаемой ситуации, непосредственного перцептивного поля, в план представлений, воображения, идеаторных содержаний сознания.

А.В. Запорожец с сотрудниками зафиксировал одно из наиболее генетически ранних проявлений этой линии развития – смещение эмоционального сопровождения деятельности от ее конца к началу по мере ее освоения. Тем самым возможна оценка смысла деятельности в режиме предвосхищения, то есть перед ее началом, в плане представления. Эта сторона личности, открывающая перспективу возможного, но еще не реализованного, и обнаруживающаяся наиболее отчетливо в воображении, фантазировании, играет в развитии личности очень важную роль.

«Именно в фантазиях, - писал Л.С. Выготский, - подросток впервые нащупывает свой жизненный план. Его стремления и смутные побуждения отливаются в форму определенных образов. В фантазии он предвосхищает свое будущее, а следовательно и творчески приближаясь к его построению и осуществлению».

Таким образом, эта линия развития ценностно-смысловой сферы личности подвела нас к выделению таких критериев как телеологичность и уровень осмысленности жизни.

Люди с выраженной телеологической ориентацией (зачем?, ради чего?) будут характеризоваться доминированием ценностно-смысловой регуляции над всеми другими регуляторными системами, что будет выражаться в большей независимости от ситуации и социального давления, силе Эго, хорошем контроле над потребностями и эмоциями, выраженной ориентацией на будущее и протяженной временной перспективе.

Осмысленность жизни можно рассматривать как энергетическую характеристику смысловой сферы, количественную меру степени и устойчивости направленности жизнедеятельности субъекта на какой-то смысл.

Последняя, четвертая линия развития ценностно-смысловой сферы – это ее прогрессирующее опосредование социальными общностями и их ценностями: сначала ценностями ближайшего семейного окружения, затем малых референтных групп, затем больших профессиональных, этнических, религиозных и других общностей и, наконец, общечеловеческими или «бытийными» (Маслоу А.) ценностями. Так Д.А. Леонтьев рассматривает этот процесс развития ценностной регуляции поведения как, с одной стороны, процесс усвоения и интеграции в структуру личности индивидов ценностей социальных групп, с другой стороны, процесс сокращения удельного веса потребностей и повышения удельного веса личностных ценностей в структуре источников смыслообразования. По сути дела, по мере развития смысловой сферы человек все реже осуществляет свои жизненные отношения напрямую, один на один с миром, и все чаще – как представитель некоторого социального окружения.

В качестве основного механизма усвоения этого опыта выступает интериоризация. Исходной точкой этой линии развития ценностно-смысловой сферы является ситуация стопроцентной обусловленности поведения непосредственно переживаемыми потребностями, с которой мы встречаемся у новорожденного младенца. По мере онтогенетического развития происходит постепенное усвоение ценностей, которые начинают теснить потребности, как источники мотивации. Удельный вес потребностей в структуре мотивации снижается и между ними происходит перераспределение функций в пользу ценностей. Усвоение социальных ценностей и их трансформацию в личностные ценности можно рассматривать, по меньшей мере, в двух аспектах. Во-первых, как движение от ценностей социальных групп (социальное, внешнее) к личностным ценностям (социальное, внутреннее) (процесс интериоризации). Во-вторых, как движение от структуры индивидуальной мотивации, основанной исключительно на потребностях (внутреннее, биологическое) к структуре, в которой главенствующую роль играют ценности (внутреннее, социальное). Этот процесс известен под не менее традиционным названием социализации. Интериоризация и социализация применительно к становлению личностных ценностей представляют собой две стороны одного процесса, рассматриваемого, соответственно, в аспекте судьбы (трансформации) самих ценностей и судьбы (трансформации) структуры индивидуальной мотивации.

Таким образом, эта линия развития ценностно-смысловой сферы личности дает нам новый критерий, характеризующий ее развитие: соотношение ценностной и потребностной регуляции в поведении личности как источников смыслообразования.

Выделенные нами критерии могут стать теми ориентирами, которые могут охарактеризовать индивидуальный уровень развития ценностно-смысловой сферы личности.

Экзистенциальные внутриличностные конфликты: онтологический аспект И.А. Красильников, г. Саратов

В какой мере человек способен осуществлять детерминацию своей жизни, а значит и своей судьбы? В какой мере человек как субъект способен управлять, контролировать, осуществлять регуляцию и оптимизировать ход своего жизненного пути? Решение этих фундаментальных проблем является крайне важным как для академической, так и для прикладной психологической науки.

Проблема самосознания личности и ее жизнедеятельности в отечественной психологии была поставлена С.Л. Рубинштейном как онтологическая проблема субъекта жизненного пути. Понятие «онтологичность» подчеркивает неразрывную включенность субъекта в жизненный мир, а значит и в мир жизненных противоречий: человек должен быть

взят внутри бытия, как субъект познания и действия, как субъект жизни (Рубинштейн, 2003). Он делает акцент на активной роли внутренних условий, которые опосредуют все внешние воздействия. Роль этих внутренних условий на траекторию жизненного пути и судьбу человека существенно возрастает ввиду более сложного и системного влияния событий в истории жизни человека, а также опыта их успешности разрешения субъектом. С.Л. Рубинштейн рассматривает человека как субъекта, который способен на основе своей внутренней активности, осуществлять деятельность по преобразованию жизненного мира и своей личности в нем. Эти преобразования связаны с разрешением жизненных противоречий.

Развивая идеи С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульханова-Славская основным критерием субъекта считает наличие способности реорганизовывать систему отношений и тем самым разрешать жизненные противоречия. Субъект учитывает свои психические, личностные, профессиональные, жизненные возможности в качестве средств решения этих противоречий, на основе самооценки. Однако неадекватная самооценка в первую очередь своих возможностей может приводить к самопоражающим стратегиям поведения и деформациям развития личности.

Анализируя уже классическую формулу детерминации развития личности «внешнее через внутреннее» В.Э. Чудновский уточняет ее: «Внешнее зависит от внутреннего не только в том смысле, что всякое внешнее воздействие реализуется через внутреннее, но и более непосредственно – внутреннее имеет и свой, непосредственный источник активности и развития» (Чудновский, 2006). В этом контексте автор вводит понятие «ядро субъективности», подчеркивая, что становление субъектности выражается тенденцией смещения и доминирования к «внутреннему»: субъект что-то принимает, а от чего-то отказывается, т.е. имеется «внутренняя логика развития внутреннего». А.В. Брушлинский обращает внимание, что проблема внутренних условий и психической реальности является центральной категорией в психологии. Внимание к категории «внутренне» в последнее время привлекает все большее число исследователей. Так В.В. Знаков изучает «понимание» как экзистенциально-смысловой феномен человеческого бытия; В.И. Слободчиков рассматривает субъективную реальность как непосредственное само=бытие человека.

Внутриличностный конфликт, на наш взгляд, как раз и составляет квинтэссенцию психологического ядра внутренних условий жизнедеятельности субъекта. Внутренние конфликты в истории жизни человека, а также успешность их разрешения имеют существенное значение на целостное понимание человеческой жизни.

В зависимости от концептуальных представлений о природе личности в зарубежной психологии, выделяют различные модели внутренних конфликтов: психоаналитическая, когнитивная, экзистенциальная др., отличающиеся содержательными характеристиками конфликтных мотиваций (Красильников, 2006). Общим для большинства моделей, пожалуй, является то, что личность не выдерживает на себе мощного социокультурного воздействия, отвечая тревожностью. Последняя есть результат невозможности личностью разрешить конфликтные мотивационные тенденции. Так весь психоанализ и экзистенциальная психология обращает внимание на неосознаваемую, «плавающую» тревожность как основной фактор, определяющий деструктивное развитие человеческой жизни. К. Хорни делает весьма важное замечание, что тревога может быть является определяющим фактором нашей жизни, оставаясь в то же самое время не осознанной нами (Хорни), а в свое время религиозно ориентированный экзистенциальный философ С. Кьеркегор писал, что главная проблема человека – это проблема его тревожности.

В рамках субъектного подхода к пониманию разрешения жизненных противоречий в отечественной психологии был предпринят Л.И. Анцыферовой. Она оперирует понятием «трудная жизненная ситуация», и обозначает соответствующий критерий - ценность, которая в определенных условиях может быть потеряна. Эмоциональной реакцией человека на угрозу жизненно важным ценностям в трудных ситуациях является возникновение тревожности, которая при неэффективных формах совладания может существенно

деформировать развитие личности. (Анцыферова, 2006). Продолжая эту линию исследований, Т.Л. Крюкова рассматривает совладающее поведение как осознанную и целенаправленную форму поведения на разрешение трудной жизненной ситуации. Ряд отечественных исследователей А.Я. Анцупова, Н.В. Гришиной, Н.И.Леонова, А.И.Шипилова, затрагивают социально-психологический аспект в изучении конфликтов.

Проведенный нами анализ состояния проблемы внутренних конфликтов показывает, что психологические конфликты есть результат системной личностной реакцией на невозможность разрешить жизненные противоречия. Остается «за скобками» вопрос о том, какие формы психической активности (субъективного ядра) могут обеспечить разрешение внутренних конфликтов субъекта при условии, что активными предметными действиями их разрешить не удастся.

Скорее всего, решение данной проблемы может быть решено с теоретико-методологических позиции субъектно-системного подхода, разрабатываемого Е.А. Сергиенко. Заслуживает особое внимание взгляды ее взгляды на то, в какой форме может осуществляться регулятивная функция субъекта. В качестве этой формы может выступать контроль поведения. Исследователь считает, что контроль поведения является интегративной характеристикой, включающей когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность). В отличие от саморегуляции контроль поведения обладает спонтанностью и самопроизвольностью (Сергиенко, 2008).

Следует отметить, что еще в свое время, разрабатывая проблему детерминации развития личности, С.Л. Рубинштейн использовал понятие «спонтанность». Он писал, внешняя обусловленность развития личности закономерно сочетается с его «спонтанностью» и законы внешне обусловленного развития - суть внутренние законы (Рубинштейн, 1973). По его мнению, исходя из этой методологической позиции, должно осуществляться подлинное решение проблемы психологии развития.

Мы предполагаем, что особенно для экзистенциальных внутренних конфликтов человека (на основе экзистенциального страха и чувства вины), простыми целенаправленными формами действий конфликты разрешить даже принципиально невозможно. Экзистенциальные внутренние конфликты затрагивают наиболее глубокие слои жизненного бытия человека, причем имеется риск, когда смысловые самоблокировки, индуцированные другими значимыми людьми, приводят в некотором смысле к «измененным психическим состояниям», безрассудности. Возможно, понятия созерцательность, смысловая спонтанность, интуиция и др. смогут в дальнейшем прояснить понимание проблемы разрешения экзистенциальных внутренних конфликтов

Смысл и суггестия

Т.А. Росийчук, г. Харьков, Украина

Смысл относится к естественным категориям, он общепонятен, и, одновременно, неисчерпаем для исследований. Как исходная стихия внутренней речи, поэтично описанной Л.С. Выготским, где в напряжении между образом и словом вызывают друг друга все новые мысли-предикаты-воплощения, смысл неуловим и незавершен. Во множестве определений, останавливающих и измеряющих его движение в каких-либо координатах, - то в сетях противопоставлений, - значение - смысл, текст - подтекст, то в функциональных его назначениях, - отождествляя с жизненными целями, то в структурных - в иерархии ценностей, концептов или в «строе» самой личности, - все же смысл настолько укоренен в онтологии человеческого, что в своей бытийности остается за пределами окончательных интерпретаций. Не случайно М.М.Бахтин высказывался о непереводаемости смысла на язык понятий: смысл существует только через другой, ответный смысл. Обыкновенное, казалось бы, общение становится загадочным, - как только мы отдаем себе отчет, что понимание требует восстановления чужого (подразумеваемого) смысла своими собственными

смысловыми средствами, что смысл нам не дан другими в готовом виде. На это обращал внимание еще А.А. Потебня, отмечая, что понимание – не воспроизведение, но построение заново любого/всякого смысла, полностью зависящее от усилий понимающего. Также не удержавшись от определения, актуализируем понимание смысла как инструмента понимания другого и, в итоге, себя самого. В процессе понимания мы обнаруживаем не только или не столько некий абсолютный смысл, сколько разницу пониманий, «смысловый зазор», отличающий наши представления, мировоззрения, сущности, в котором наш собственный смысловой багаж приобретает новые очертания. Принципиальное несовпадение результатов работы осмысления – это аксиома, даже в условиях как будто полного единодушия. Смысл, пребывая в «расстворенном», «распыленном» виде, вдруг собирается в точку понимания на границе с чужим смыслом и активизирует целостное отношение к миру, Другому и предмету осмысления. Без этой актуальной границы смысла нет, он существенен и осуществим лишь в момент сопряжения/столкновения со смыслами других его носителей. Всеобщее равенство, к счастью, невозможно в мире смысла. Здесь разница есть коренное благо, без которого смысл исчезает, становится матрицей для машин. Все этическое развитие человечества заключается в воспитании спокойного принятия этого онтологического факта, отталкиваясь от изначально натурального противостояния – в классической вражде «мы - они», до осознания взаимопорождающей зависимости «Я и Другого (Я)», порой доходящей до высот буберовского религиозно-любовного слияния «Я-Ты».

Незыблемо одно – смысл необходим, будучи результатом *понимания* как особого вида взаимодействия, предполагающего глубокое проникновение сознаний общающихся людей друг в друга. Но если подойти через отрицание, апофатически, и исследовать ситуацию его отсутствия, как если бы так и не возникло это умение «совместного знания»? Что было бы, в самом деле, если исторически не сложилось бы специфически человеческое взаимодействие, порождающее смысл? Приходит на ум история «снежного человека», многочисленные свидетельства и факты встреч с которым обратно пропорциональны доверию науки к его реальности. Одна из трагических страниц отечественной исторической антропологии – научные поиски Б.Ф. Поршневым антропоида, сохранившегося с доисторических времен, скепсис в отношении которого сделал его смелые гипотезы маргинальными, вытеснив заодно и другие неординарные идеи к обочинам науки. Острый интерес к сведениям об этом существе у Поршнева очевиден: если на самом деле была (или есть) в истории тупиковая ветвь антропоидов, не уступающая в интеллекте Homo sapiens, которая обошлась и без изобретения языка, и без сложного социального устройства, прошла мимо возможности создать культуру как форму человеческой жизни, – то это огромной важности открытие, – живая (возможно!) иллюстрация пред-архаики человечества. Встреча с этим существом могла бы пролить свет не только на наше общее прошлое, на нашу возможную общую судьбу, но и на иное-возможное будущее, не пойдя мы по дороге изобретения смысла. Такое открытие сообщило бы многое и о значении скрытых под культурным наслоением возможностей психики, которые еще могут получить развитие в человеческом психогенезе, или, напротив, исчезли неслучайно и безвозвратно. Глубокая уверенность в существовании этой ветви антропоидов, выросшая из осмысления этнографических, исторических, фольклорных и современных источников, к которым Поршневу относился так же, как Г.Шлиман к гомеровскому сказанию о Трое, послужила одним из оснований для оригинальной реконструкции им человеческой архаики.

В архетипическом разделении на «мы и они» Поршневу предполагал первоначальное противостояние человеческого рода именно с этим вызывающим неприятие и ужас видом древнего антропоида. Почему же он так опасен для человека? Свидетельства очевидцев о встречах с неким человекоподобным существом проходят, как известно, под грифом «паранормальных» явлений, что связано с его особыми способностями управления страхом, запретом действия, влияния на человеческий мозг. Словом все то, что определяется как суггестия, только в значительно более гипертрофированном виде. Что это воздействие бессмысленно, вернее, до-смысленно, и столь сильно, что не допускает возможности

избежать его, то есть контр-суггестии (по Поршневу, это изобретаемые в ходе психогенеза способы выхода из-под нежелательного влияния другого), и определяет степень чуждости подобного существа человеку. «Встреча» с ним невозможна, она блокируется сильнейшими защитными механизмами, не позволяющими другим вступить с ним в контакт. Это способ жизни без Другого, мир вполне успешно выживающих одиночек, который, если он в самом деле существует, доказывает нам, что осмысленное взаимодействие, ориентированное на понимание, предполагает не просто совместное знание, но принципиальное согласие воспринимать другого и быть открытым для него, разрешать ему влиять на себя, одновременно влияя самому на его смысловую сферу. Не потому ли так важна этика для человека, без ее регулирующих запретов такая открытость не способствовала бы выживанию. Обмен в сфере смысла – это не просто сообщение знаний, информации. Это пропуск в мир Другого, который обнаруживает свое сознание для других, прежде, чем для самого себя. Что это в действительности наша психологическая реальность, иллюстрирует одно из направлений когнитивной психологии, изучающее «модель психического».

Существование такой модели показывает, что формирование представлений о знаниях, переживаниях, намерениях другого человека, о его внутреннем мире, – важнейшая составляющая психического развития. Такие представления появляются у ребенка далеко не сразу, сигнализируя зеркально о прогрессе его собственной внутренней организации. Критический возраст в этом плане – 4-5 лет, когда возникает понимание того, каким образом видит ситуацию другой человек, и способность соотносить это видение с собственными представлениями. Потому так многое говорит психологу появление у ребенка способности к обману другого, попытки управлять им, используя возможности словесной манипуляции (см. работы Е.Сергиенко). Возникновение модели психического в процессе социального и когнитивного развития – такой же отличительный признак человека, как язык. Способность понимать ментальные и душевные состояния других в соотнесении со своими собственными свидетельствует о том, что понимание, как таковое, связано отнюдь не только с анализом лингвистической составляющей сообщения, но органически включает в себя представление о другом, реконструкцию его картины мира, одновременное сравнение ее со своей. Этот с необходимостью возникающий образ Другого не только открывает возможность влиять на реального Другого, но одновременно влияет на нас самих, сопрягает в диалогическом борении свои и чужие представления. Вот это пластичное свойство нашей психики воссоздавать мир Другого – есть укрощенная суггестия, поскольку мы вольны сами ограничивать или воссоздавать такое влияние. Смысл, таким образом, есть результат взаимодействия всех составляющих ситуации понимания, включая суггестивный компонент, но это уже подчиненная смыслу суггестия, а не отменяющая возможность взаимодействия на до-смысловом уровне, способности к которой, видимо, не случайно ограничивались всем ходом культурного развития человечества.

Продуктивность акмеологического развития личности

О.В. Москаленко, г. Москва

Акмеологическое развитие является одним из важнейших регуляторов поведения и деятельности профессионала. Исходя из того, что акмеологическое развитие индивида в исследовании понимается как особый самостоятельный процесс, многоступенчатая поуровневая самореализации в деятельности, продуктивное акмеологическое развитие специалиста можно рассматривать как формирование оптимального уровня готовности субъекта акмеологического развития к самораскрытию человека.

С акмеологических позиций продуктивность акмеологического развития специалиста может рассматриваться как *готовность к самораскрытию*, которая, в свою очередь, понимается как самоосознание собственного Я (самопознания, самоопределения, самооценки, самовосприятия, самоотношения), самопредставление своего Я:

самовыражения, самопрезентации. Процесс формирования оптимального уровня готовности к самораскрытию является длительным и многоэтапным, включающим следующие процессы развития самосознания: самопознания, самоопределения и самоидентификации, самооценки, самовосприятия, самоотношения, самопредставления, самовыражения, самопрезентации, самореализации, самоактуализации, самоутверждения.

При этом она (готовность к самораскрытию) может выступать устойчивым психическим состоянием личности, характеризующимся такими качествами, которые обуславливают положительное отношение к собственной личности, возможность ее активного творческого самоосуществления, а также актуализацию этой возможности тогда, когда возникает общественная и личностная необходимость. Процесс формирования оптимального уровня готовности к самораскрытию является длительным и многоэтапным, включающим следующие процессы развития самосознания: самопознания, самоопределения и самоидентификации, самооценки, самовосприятия, самоотношения, самопредставления, самовыражения, самопрезентации, самореализации, самоактуализации, самоутверждения.

Структура *готовности к самораскрытию* может рассматриваться как сложное многоуровневое образование, включающее в себя

- *личностные компоненты*: особенности профессиональных и личностных мотивов, интересов и отношения к труду; положительные качества личности, важные для продуктивной профессиональной деятельности;

- а также *операциональные компоненты*: систему профессиональных знаний или компетенций, общетрудовые умения и трудовые навыки, особенности профессионального мышления.

При этом самораскрытие может осуществляться в двух планах: творческом (связано с креативностью личности – изучить самого себя, адекватно себя презентовать тому социуму, в котором он живет и работает) и в нетворческом (связано с действием по образцу, репродукцией действий другого человека). Готовность к самораскрытию имеет внешний и внутренний аспекты: процессы самоосознания происходят для личности внутренне и имеют внешнее выражение в процессах самопредставления: самовыражения и самопрезентации. Но за внешними и внутренними аспектами *готовности к самораскрытию* «скрывается» собственно внутреннее содержание процесса самораскрытия – процесс самореализации: самоактуализация, самоутверждение личности.

Исходя из понимания акмеологического развития согласно концепции А.А. Деркача и Э.В. Сайко, сущностными характеристиками акмеологического развития личности можно считать следующие:

- особая роль самоактуализации, самоосуществления, самореализации, которые вышли в центр познания развития человека, и приобретают особый смысл в акмеологии и, прежде всего, в контексте акме как высшего проявления человеком себя в своем осуществлении;

- важность рассмотрения деятельности как основания акмеологического развития субъекта;

- потребность к самореализации (потребность состояться) выражается на разном уровне на разных этапах онтогенеза, в разных формах при разном соотношении со способностью, возможностью, необходимостью ее осуществления;

- феномены самореализации, самоосуществления, самоактуализации не только взаимосвязаны между собой единством принципов обусловленности их, значимостью, характером функциональной нагрузки, но и полагают предваряющие их формы и уровни проявления самости, выстраивающие ряды их развертывания и проявления — самоутверждение, самовыражение и т. д., образующие связь накопленного потенциала самости и цели его реализации;

- существует реально тесная связь способности к самореализации с уровнем и структурами осуществления социализации, индивидуализации и идентификации при любой степени выраженности такой потребности в ней на дистанции онтогенеза;

- уровень проявления потребности и способности самоосуществления и самореализации связан с возрастными особенностями развития в онтогенезе;

- субъектность субъекта выступает как основание и субъективность, в свою очередь, является условием самореализации в процессе акмеологического развития в онтогенезе человека;

- самореализация в своем осуществлении в онтогенезе полагает каждый раз на разных этапах его соответствующую представленность уровневой развитости компонентов самости, т.е. полагает определенную развитость свойств человека;

- акмеологическое развитие осуществляется в ходе профессиональной деятельности, в рамках которой происходит формирование субъектной позиции индивида;

- возможность, потребность, способность и необходимость повышения уровня самореализации возрастают до уровня способности самореализации человека в действительно творческой деятельности, реализующей его духовные потребности и способности в социально и личностно значимой деятельности на уровне акме.

Теоретические основы продуктивного акмеологического развития личности позволяют сделать вывод о том, что продуктивное акмеологическое развитие имеет разноуровневую характеристику и может быть выражено с помощью акмеологических критериев, показателей и уровней продуктивного акмеологического развития. Кроме того, данный процесс может быть оптимизирован с помощью соответствующих условий и факторов, а использование их в сопровождении профессиональной деятельности предполагают ее эффективность и оптимизацию акмеологического развития личности.

Литература:

1. Деркач А.А., Сайко Э.В. Потребность в самореализации как феномен социального мира и основание акмеологического развития // Мир психологии. 2008. №1(53)- С.218-229.

2. Деркач А.А., Сайко Э.В. Деятельность как основание акмеологического развития субъекта и надситуативная активность субъекта как действенный фактор ее развития // Мир психологии. 2008. №2 (54).-С.193-205.

3. Деркач А.А., Сайко Э.В. Субъектность субъекта в акмеологическом развитии и проблемы его субъектного самоосуществления // Мир психологии. 2008. №3(55) - С.205-219.

4. Деркач А.А., Сайко Э.В. Развитие в акмеологии и акмеологическое развитие в структуре онтогенеза // Мир психологии. 2007. № 2(50)-С.43-54.

5. Москаленко О.В. Личностно-профессиональное развитие современного человека: итоги, проблемы, перспективы // Мир психологии, 2004, №4, с. 36-43.

6. Сайко, Э.В. Субъект: созидатель и носитель социального. - М.; Воронеж: Изд-во МПСИ-Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. – 424с.

7. Фельдштейн Д.И. Психология развивающейся личности. - М.-Воронеж: МПСИ, 1996. –460с.

8. Фурси Л.Ф., Москаленко О.В. Условия и факторы, обеспечивающие продуктивное акмеологическое развитие государственных служащих. - М., МААН, 2007. – 45с.

Переосмысление жизни в процессе духовного развития личности

Т.И. Пашукова, г. Москва

Духовное развитие личности – это развитие, сопряженное с пониманием и чувствованием универсальных этических законов, согласование жизни с которыми

способствует выходу в духовное пространство, существование в рамках которого приводит к преобразованию индивида.

Можно выделить три гипотезы о соотношении духовного и психического развития личности: 1) духовное развитие идет независимо от психического развития личности; 2) духовное развитие тождественно психическому развитию; 3) духовное развитие имеет связь с психическим развитием личности.

Но, независимо от этих гипотез, мы полагаем, что платформой для духовного развития могут стать высшие чувства: 1) морально-нравственные чувства, связанные с ответственностью и любовью к Родине, матери, народу и др.; 2) эстетические чувства, определяемые понятием и восприятием красоты и гармонии; 3) интеллектуальные чувства, типа чувства прозрения и понимания, внезапного озарения и открытия; 4) практические чувства наслаждения и радости от хорошо организованного или интенсивного, напряжённого и результативного труда.

Показателями духовного развития являются ценностные ориентации человека, содержание смысла его жизни, поступки, поведение и высшие чувства. Следует отметить, что переживания высших чувств отличаются ярким восприятием окружающей действительности или ярко представленным в сознании результатом собственной мыслительной деятельности, в ряде случаев - четкостью и осознанностью отношений с людьми. Кроме высших чувств человек может переживать высшие состояния сознания. Переживания высших состояний сознания качественно отличаются от переживания высших психических чувств. Они отмечаются далеко не у каждого человека и бывают связаны с сильными переживаниями за других людей или появляются после пережитой опасности для жизни. Феномены духовности проявляются: в особом ощущении и восприятии мира, в особых переживаниях и чувствах, в появлении необычных способностей, в свойствах личности.

Зачастую духовное развитие бывает связано с кризисом, т.е. периодом, когда человек не хочет и не может жить по-прежнему; когда он не может оставаться таким, каким был раньше и не может жить «как все», поскольку не приемлет бытийные удовольствия большинства. Выход из такого кризиса и дальнейшее развитие человека сопряжены с сильными страданиями и с усилиями, направленными на саморазвитие и самотрансформацию, а главное – с появлением духовных ценностей и осознанием иной возможности построения жизненного пути.

О проблемах смысла жизни и духовного развития личности в связи с возможностями человеческой психики писали В. Франкл, А. Маслоу и др.[1-5] В настоящее время психологические проблемы духовности целенаправленно разрабатываются А.П. Колесником, Н.В. Папучей и Э.А. Помыткиным и др.[2; 4; 5].

Например, А.П.Колесник рассматривает духовность как процесс саморазвития личности. Он пытается создать целостную систему взглядов на психику человека, выделить единицы саморазвития личности и проследить архитектуру саморазвития в трёх потоках психики: бытийном, духовном и рефлексивном. Движущей силой психического развития, по его мнению, являются переживания, функция которых состоит в том, что они проводят работу по порождению смысла. В смысле переживания заложена определенная идея, которая может определять развитие или деградацию личности. А.П. Колесник выделяет 8 ступеней духовного развития личности [2].

Первая ступень - это всего лишь база, с которой возможно начало развития.

На второй ступени открываются перспективы саморазвития, но духовность только зарождается. Смысл бытия человека здесь сводится к сбережению своего тела, а смысловым полем выступает сама жизнь и борьба за выживание.

На третьей ступени смысловое поле представлено образом физического мира, окрашенного эмоциями. Основные переживания и состояния вызываются фрустрациями из-за препятствий на пути к достижению желаемого.

Четвертая ступень развития духовности связана с установлением иерархии мотивов, дискретности дискурсивного ума, социальности индивида. Сознание человека на данном этапе характеризуется наличием определенного смысла в сформированной иерархии.

На пятой ступени личность выступает как субъект, прежде всего, волевых действий. Духовный мир ее сложен и нелегок. Для человека этого уровня развития духовности характерны: чувство принадлежности и групповой идентификации (например, половой, семейной, групповой, классовой, этнической, религиозной и др.). Благодаря развитию децентрации у него происходит трансформация иерархии мотивов, развитие новых оригинальных ценностей бытия и наблюдается сравнительно частый переход за пределы возможностей.

На шестой ступени смысловое поле характеризуется у человека непрерывным осознанием мира. Духовное познание освобождается от эгоцентризма и приносит высшее удовлетворение. Духовное саморазвитие осуществляется в условиях самостоятельно вызванных состояний релаксации, снятия утомления, напряжения, душевного спокойствия, равновесия и здоровья.

Седьмая ступень отличается таким смысловым полем, которое очищается от остатка эгоцентризма и импульсивности и связано с духовным и деятельностным отношением ко внутреннему миру другого человека. Показательно включение в отношения людей посредством высших ценностей: истина, красота, добро, справедливость, вера. Характерно переживание единства с ближним и всем человечеством. Такой человек не может не сопереживать и не сочувствовать, что предполагает продолжение развития эмпатии и просоциальных отношений.

Наконец, восьмая ступень характеризуется автором как ступень трансцендентного, как единство сознания и бытия. Смысловое поле у человека на этой ступени - жизнь как космическое явление. На ступени трансцендентного появляются переживания состояния просветления как экстаза.

Итак, А.П. Колесник отличает духовное развитие человека, опираясь на ряд критериев, таких как смысловое поле сознания; отношение к другим людям и обществу, специфика отождествления или разотождествления, развитие механизмов рефлексии, эмпатии, идентификации. Его основная идея, с которой мы согласны, состоит в том, что люди по своему психическому и духовному развитию не одинаковы и что на разных этапах развития происходит переосмысление жизни и соответствующие преобразования личности в целом.

Литература:

1. Джемс В. Многообразие религиозного опыта. (Репринтное издание). – СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
2. Колесник О.П. Ступені духовності та психічні механізми саморозвитку особистості //Метальність. Духовність. Саморозвиток особистості: Тези доповідей та матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Ч.І., Розділ Ш. - Київ-Луцьк, 1994. С. 349–392.
3. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. – СПб: Издательская группа “Евразия”, 1997.
4. Помиткін Е.О. Психологія духовного розвитку особистості. – Київ: Наш час, 2007.
5. Папуча М.В. Пошук сенсу як переживання: повертаючись до В.Франкла // Актуальні проблеми психології: Психологія навчання. Генетична психологія. Медична психологія. – Київ–Ніжин: Видавництво НДУ; ДС “Міланік”, 2008. Том 10, ч. 1, вип.6. С. 34-39.